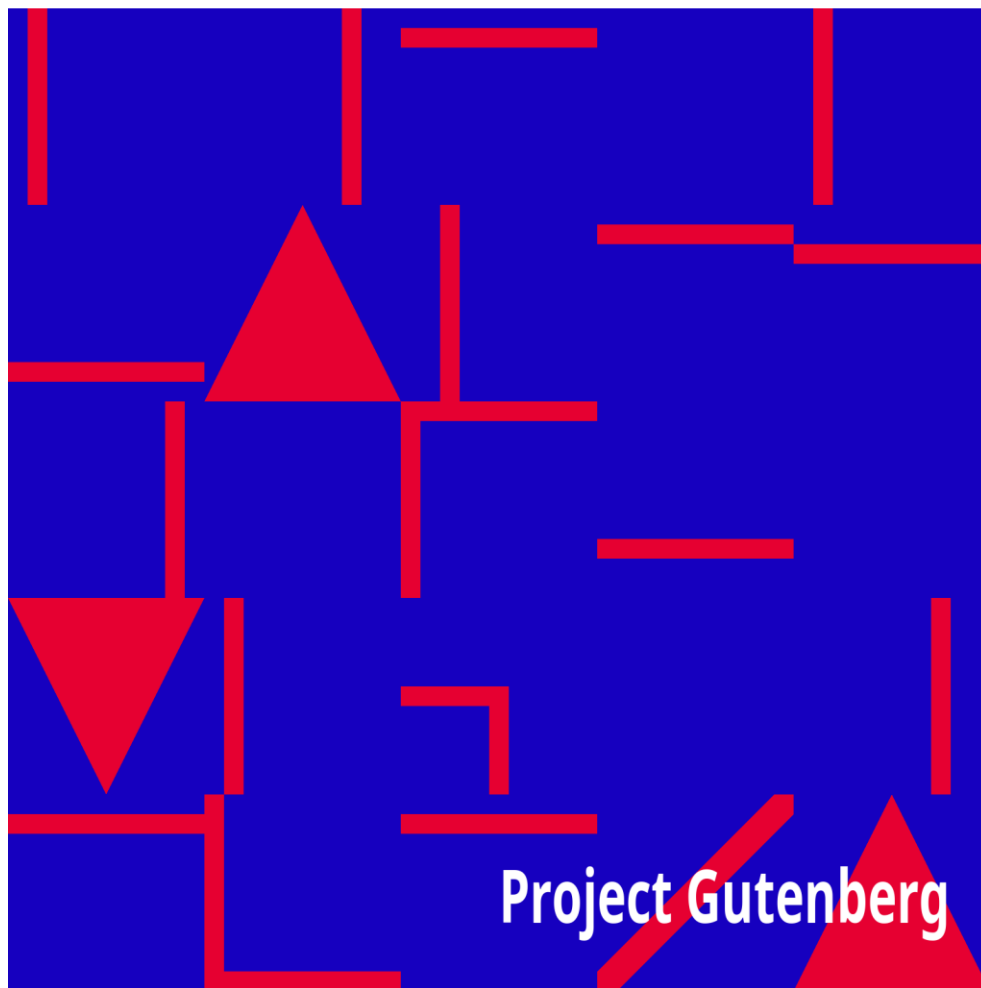

Трагедия острова Святой Елены

Барон Уолтер Рансимен

The Tragedy of St. Helena

Baron Walter Runciman Runciman

Project Gutenberg

Электронная книга проекта "Гутенберг" о трагедии острова Святой Елены

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Трагедия острова Святой Елены

Автор: Барон Уолтер Рансимен

Дата выхода: 3 марта 2005 г. [Электронная книга № 15246]

Последнее обновление: 14 декабря 2020 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсер Стивен Гиббс и команда онлайн-корректоров.

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ТРАГЕДИЯ СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ" ***

ТРАГЕДИЯ СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ

АВТОР СЭР УОЛТЕР РАНСИМЕН, БАРТ.

АВТОР КНИГ "НАЛЕТЧИКИ На ВЕТЕР И МОРСКИЕ БРОДЯГИ",
"ПРОДВИЖЕНИЕ КОРАБЛЯ",
"СНОВА СМОТРЮ В МОРЕ" И ДР.

Т. ФИШЕР АНВИН

ЛОНДОН: АДЕЛЬФИ ТЕРРАС

ЛЕЙПЦИГ: ИНЗЕЛЬШТРАССЕ, 20

1911

Наполеон I, император Франции.

(С миниатюры миссис К. Р. Селлерс.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начале моей морской жизни я привык выслушивать эксцентричные и сложные взгляды, высказанные расой моряков, давно ушедших из жизни. Иногда среди команды были один или двое, кто придерживался истинно британской гипотетической веры в демонический характер Наполеона, но это не было общим мнением людей, с которыми я плавал; и по прошествии многих лет я часто задаюсь вопросом, как могло сформироваться такое определенное

пристрастие к этому удивительному существу, и вывод, который впечатляет меня больше всего, заключается в том, что его многочисленные добрые поступки по отношению к своим людям, отсутствие порки и другого унижительного обращения на его собственной службе, его щедрость и забота о комфорте британских военнопленных во время войны, его окончательное поражение от объединенных сил Европы, презренное преимущество, которое они извлекли из человека, который превосходил их во всем и перед которым в прежние времена короли-союзники склонялись в знак почтения, стали известны английским морякам.

Как эти суровые люди познакомились с Наполеоном и составили о нем свое мнение, можно объяснить следующим образом. Сотни моряков и гражданских лиц были вынуждены поступить на королевскую службу, многих из которых безжалостно увезли с судов, которыми они частично владели и которыми командовали. Действительно, не было никаких различий. Прессганги захватывали всех, независимо от того, были ли они офицерами, обычными способными моряками или мальчиками, не говоря уже о тех, у кого не было опыта плавания. И мои собственные дедушки, и двое моих двоюродных дедушек были похищены со своих кораблей, а их семьи поступили на службу во флот, и после многих лет отвратительного обращения, тяжелых боев и ранений они вернулись в свои дома сломленными людьми, без лучшей перспективы, чем начать жизнь заново. Было естественно, что многочисленные подвергшиеся давлению люди испытывали отвращение к хулиганствующим ловцам людей и их работодателям, если не к службе, к которой их принуждали, и что они будут нянчиться с тем злом, которое им причинили.

У них была бы возможность сравнить свою судьбу с судьбой представителей других национальностей, участвующих в боевых действиях против них, и хотя и то, и другое может быть плохим, для моряка вполне естественно представлять, что с ним обращаются хуже, чем с другими; и есть многочисленные свидетельства того, что британская военно-морская служба в тот период не была популярной. Кроме того, они знали, как и все остальные, что Наполеон был любим как своим флотом, так и армией. Затем, после того как император попросил гостеприимства у британской нации и стал ее гостем на борту "*Беллерофонта*", моряки увидели, что это за человек. А позже его путешествие на остров Святой Елены в *Нортумберленде* дало им больше шансов быть впечатленными его обаятельной личностью. Хорошо известно, какой популярностью он пользовался на обоих кораблях; матросы эскадрильи, стоявшей на острове Святой Елены, также прониклись к нему симпатией, и многие свидетельства показывают, как они с присущей им грубой пылкостью отвергали ложь его клеветников. Изгнанный император стал *их* героем и *их* мучеником, таким же впечатляющим, каким он был и остался для французов; и от них и из других источников поколению моряков торгового флота были переданы те истории, которые рассказывались с обычной любовью к гиперболам, характерной для моряка, и скоротали много тоскливых часов, пересекая бездорожные океаны. Они говорили о морских сражениях при Абукире и Трафальгаре, о битвах при Арколе, Маренго, Йене, Аустерлице, о русской кампании, отступлении из Москвы, его депортации на Эльбу, бегстве оттуда и его бесподобном марше в Париж, а затем о великом сражении при Ватерлоо в сочетании с разводом Жозефины и женитьбой на Марии Луизе; все это, насколько я помню сейчас, было изложено в самой многословной и комичной манере. Некоторые из их самых очаровательных песен были сложены о нем, и напевы, всегда патетичные и трогательные, были спеты моряками таким образом, чтобы показать, что они хотели, чтобы все знали, что они непричастны к совершенному преступлению и дезавуировали его. В качестве примера я привожу четыре куплета из песни "Бони был воином", как ее пели в те дни, о которых я рассказываю. Это жаргонный термин, но от этого не менее интересный.

- Они отправили его на остров Святой Елены!
О! да, О!
Они отправили его на остров Святой Елены,
Джон Франс, штат Вашингтон! (François.)

О! С Бони плохо обращались!
О! да, О!
О! С Бони плохо обращались,
Джон Франс Ва!

О! Сердце Бони было разбито!
О! да, О!
О! Сердце Бони было разбито!
Джон Франс победил!

Но Бони был Императором!
О! да, О!
Но Бони был Императором!
Джон Франс победил!"

— и так далее.

Хотя в то время у меня, как и у других, были антинаполеоновские идеи, взгляды моряков произвели на меня впечатление. Позже, почти сорок лет назад, накануне долгого путешествия, я случайно увидел на книжном прилавке книгу Скотта "Жизнь Наполеона" и, желая получить подтверждение своему мнению, купил ее. Внимательное прочтение этой книги убедило меня в том факте, что "с Бонией жестоко обращались", и это несмотря на так называемые доказательства, которые сэр Вальтер Скотт, очевидно, собрал с целью оправдания тогдашнего английского правительства.

Новая идея, пришедшая мне в голову, побудила меня начать курс серьезного чтения, который включал в себя все "Жизнеописания" Наполеона, к которым я мог прикоснуться, все журналы острова Святой Елены и комментарии, написанные с момента их публикации. По мере того как мои знания о великой драме расширялись, я обнаруживал, что мои наполеоновские идеи набирают обороты. Подобно Псалмопевцу, размышляющему о порочности человека, "сердце мое горело во мне, и в конце концов я заговорил языком моим".

Здесь я могу мимоходом заявить, что ни один общественный деятель, живший до или после него, не был окружен чем-либо, хотя бы отдаленно напоминающим колоссальное количество литературы, посвященной этому человеку, чьи ослепительные достижения поразили мир. Каким бы парадоксальным это ни казалось сейчас, но в последующие годы, когда беспристрастный исследователь ознакомится с самой враждебной критикой, он увидит в этой литературе немало проявлений вражды, трусости и заблуждения, и, по мере того как убеждение овладевает им, из этого вытекает разоблачение бессмысленной пародии на справедливость.

Я не приношу извинений за мнения, содержащиеся в этой книге, к которым я пришел в результате многолетних исследований и исчерпывающего чтения. Я предоставляю эту книгу широкой публике такой, какая она есть, в надежде, что она другими способами привлечет внимание к справедливому изучению сложного и увлекательного характера Наполеона.

УОЛТЕР РАНСИМЕН.

3 декабря 1910 года.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ

ГЛАВА I	ОБИТЕЛЬ ТЬМЫ
ГЛАВА II	ЧЕЛОВЕК РЕВОЛЮЦИИ — КРИТИКА, СОВРЕМЕННАЯ И НЕ ТОЛЬКО
ГЛАВА III	ТРИ ПОКОЛЕНИЯ: МАДАМ ЛА МЕР, МАРИЯ ЛУИЗА И КОРОЛЬ РИМА
ГЛАВА IV	ОЛИГАРХИЯ, ЕЕ АГЕНТЫ И АПОЛОГЕТЫ
ГЛАВА V	MESDAMES DE STAËL AND DE REMUSAT
ГЛАВА VI	ЖОЗЕФИНА
ГЛАВА VII	РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НАПОЛЕОНА
БИБЛИОГРАФИЯ	
СПИСОК СОБЫТИЙ И ДАТ	ИМЕЯ В ВИДУ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА
Указатель	

ГЛАВА I

ОБИТЕЛЬ ТЬМЫ

В пункте 2 своей последней воли, датированной Лонгвудом 15 апреля 1821 года, император Наполеон заявляет: "Я желаю, чтобы мой прах покоился на берегах Сены, среди французского народа, который я так сильно любил".

В Лондоне 21 сентября 1821 года граф Бертран и граф Монтолон направили королю Англии следующее письмо:

"СИР, сейчас мы выполняем священный долг, возложенный на нас последней волей императора Наполеона, — мы требуем его прах. Ваши министры, сир, знают о его желании отдохнуть среди людей, которых он так сильно любил. О его пожеланиях было сообщено губернатору острова Святой Елены, но этот офицер, не обращая никакого внимания на наши протесты, приказал похоронить его в этой стране изгнания. Его мать, не слыша ничего, кроме

своего горя, умоляет вас, сир, требует от вас праха своего сына; она требует от вас слабого утешения - оросить его могилу своими слезами. Если бы на своей бесплодной скале, как и на своем троне, он был ужасом всего мира, то после смерти его пережила бы только его слава. Мы, с уважением, &c, &c,

(Подпись) ГРАФ БЕРТРАН.

ГРАФ МОНТОЛОН.

В ответ на этот трогательный акт преданности их умершему вождю английский посол в Париже написал в декабре 1821 года, что английское правительство считает себя лишь хранителем праха императора и что оно доставит его во Францию, как только последнее правительство выразит соответствующее желание. По этим двум пунктам обвинения немедленно было подано заявление во французское министерство, но безрезультатно. 1 мая 1822 года Людовику XVIII, милостью Божьей королю Франции и Наварры, было отправлено еще одно письмо относительно повторного захоронения праха Наполеона, императора, трижды провозглашенного милостью народа.

После восшествия Луи Филиппа на престол каждая из соперничающих партий боролась за господство. Слава времен Империи была заглушена действиями европейских держав и их французских союзников, но тлеющие угли начали проявлять признаки возобновления новой активности, и волна популярности Наполеона захлестнула страну. Филипп и его министерство не были безразличны к происходящему, и чтобы отвлечь внимание от хаоса, который создавало новое положение вещей, был предложен план доставки "праха" прославленного вождя в страну и к людям, которых он "так сильно любил", как средства установления спокойствия во Франции и безопасности трона.

М. Тьер, глава нового министерства, вступил в переговоры с английским правительством, а М. Гизо направил официальную ноту лорду Пальмерстону, который в то время был министром иностранных дел.

Это ценное сообщение воплощено в следующем документе: "Нижеподписавшийся, Чрезвычайный и Полномочный посол Его Величества короля Франции, имеет честь, в соответствии с инструкциями, полученными от Его правительства, уведомить Его Превосходительство министра иностранных дел Ее Величества Королевы Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, что король горячо желает, чтобы бранные останки Наполеона были захоронены в могиле во Франции, в стране, которую он защищал и прославил, и которая с гордостью хранит прах тысяч его товарищей по оружию, офицеров и солдат, преданных вместе с ним делу победы". служение своей стране. Нижеподписавшийся убежден, что правительство Ее Британского Величества увидит в этом желании Его Величества короля Франции только справедливое и благочестивое чувство и отдаст распоряжения, необходимые для устранения любых препятствий на пути переноса останков Наполеона со острова Святой Елены во Францию".

Этот документ был направлен в посольство Великобритании в Париже, и пожелания М. Тьер и его правительство были в общепринятой манере доведены послом до сведения британского министра иностранных дел в следующем письме, датированном Парижем 4 мая 1840 г.:

"МИЛОРД, в нескольких петициях, адресованных Палатам, французскому правительству было предложено предпринять необходимые шаги в отношении правительства Ее Величества королевы Великобритании, чтобы получить разрешение на перевезение праха императора Наполеона в Париж. Эти петиции были благосклонно восприняты Палатами, которые препроводили их Председателю Совета и другим министрам, своим коллегам. Министры обсудили этот вопрос, а король дал свое согласие на меры, необходимые для удовлетворения требований просителей, и господин Тьер вчера официально объявил мне о желании французского правительства, чтобы правительство Ее Величества предоставило необходимые полномочия, позволяющие им перевезти останки императора Наполеона со острова Святой Елены в Париж. Господин Тьер также обращает мое внимание на тот факт, что согласие британского правительства на планируемую меру было бы одним из наиболее эффективных средств укрепления союза двух стран и создания дружеских чувств между Францией и Англией.— (Подпись) ГРЭНВИЛЛ".

Так что этот король французов и М. По прошествии четверти века Тьер осознает, что герой, которого вынудили отречься от престола, а затем изгнали из Франции, *действительно* защищал свою страну и прославил ее, и что перенесение его праха во Францию было "*самым* эффективным средством" скрепления союза страны, которая бросила его в беде, со страной, которая послала его погибать на скале. Его прах, действительно, должен был породить дружеские чувства между этими двумя странами. Что за пародия!

Девизом Наполеона было "Все для французского народа". Кажется, он предсказал, что после его смерти им потребуется его "прах", чтобы успокоить разъяренный народ. О другой договаривающейся стороне он говорит в пятом параграфе своего завещания: "Я умираю преждевременно, убитый английской олигархией и ее наместником; английская нация не замедлит отомстить за меня".

Что ж, есть просьба, чтобы его прах был передан Франции, чтобы воцарился мир. А теперь следует великий акт снисхождения: —

"МИЛОРД, Правительство Ее Величества приняло во внимание просьбу французского правительства о разрешении перевезти останки императора Наполеона со острова Святой Елены во Францию, вам поручено проинформировать М. Тьер уверяет, что правительство Ее Величества с удовольствием удовлетворит эту просьбу. Правительство Ее Величества надеется, что его готовность выполнить выраженное пожелание будет расценена во Франции как доказательство желания Ее Величества стереть все следы той национальной вражды, которая при жизни Императора вовлекла две нации в войну. Правительству Ее Величества доставляет удовольствие верить, что такие чувства, если они все еще существуют, будут навеки похоронены в гробнице, предназначенной для захоронения бранных останков Наполеона. Правительство Ее Величества совместно с правительством Франции примет меры, необходимые для осуществления высылки.

— (Подпись) ПАЛЬМЕРСТОН".

Одной из главных особенностей этого Государственного документа является его завуалированное условие о том, что, принимая во внимание отказ правительства Великобритании от останков Наполеона, следует понимать, что каждый *след* национальной вражды должен быть стерт. Во-вторых, теперь, когда речь идет о его бранных останках, его

величают "императором Наполеоном". Двадцать пять лет назад, когда планировалось зверское преступление по захвату в плен, лорд Кейт от имени британского правительства направил послание "генералу Бонапарту". Титул императора, который дали ему соотечественники, до самой его смерти официально игнорировался, и ему разрешалось именоваться только "генерал" Бонапарт — звание, которое британское правительство в тот час его несчастья сочло наиболее подходящим для их прославленного пленника. Фактически, в том, что касалось ранга, он был поставлен на один уровень с некоторыми и ниже других, которые последовали за ним в плен. Вполне мог бы он "протестовать перед лицом Небес и человечества против насилия, которое совершалось" по отношению к нему. Вполне мог бы он воззвать к истории, чтобы она отомстила за него. В истории нет ничего, что могло бы сравниться со злобным обращением завоевателей со своим поверженным врагом. Мы увидим, как сейчас и в дальнейшем предрассудки отступают, может быть, неохотно, но верно, ради справедливости, которая должна быть воздана ему.

Через три дня после любезного ответа британского правительства, 20 мая 1840 г., французский король выразил свое желание выполнить пожелания Палаты представителей, представив им следующий документ:

"ДЖЕНТЛЬМЕНЫ, король приказал принцу Жуанвиллю [своему сыну] отправиться на своем фрегате на остров Святой Елены, чтобы принять там бранные останки императора Наполеона. Фрегат с останками Наполеона по возвращении появится в устье Сены; другое судно доставит их в Париж; они будут помещены в Госпиталь инвалидов. Торжественные церемонии, как религиозные, так и военные, откроют гробницу, которая должна сохранить их навсегда. Очень важно, джентльмены, чтобы это августейшее захоронение не было выставлено на всеобщее обозрение в общественном месте, среди шумной и невнимательной толпы. Останки должны быть помещены в безмолвное и священное место, где все те, кто уважает славу и гений, величие и несчастье, могут посетить их в благоговейном спокойствии.

"Он был императором и королем, он был законным сувереном нашей страны и под этим титулом мог быть похоронен в Сен-Дени; но обычное захоронение королей не должно быть предоставлено Наполеону; он по-прежнему должен царствовать и командовать на том месте, где находят пристанище солдаты Франции и где те, кто призван защищать ее, всегда будут искать вдохновения. Его меч будет положен в его гробницу.

"Под куполом храма, посвященного религией Богу Воинств, будет воздвигнута гробница, достойная, *если это возможно*, имени, которому суждено быть выгравированным на нем. Задача художника должна заключаться в том, чтобы придать этому памятнику простую красоту, благородную форму и тот аспект прочности, который, казалось бы, должен противостоять всем усилиям времени. Памятник Наполеону должен быть долговечным, как память о нем. Грант, за которым мы обратились в the Chambers, должен быть использован для передачи останков инвалидам, похоронных обрядов и строительства гробницы. Мы не сомневаемся, джентльмены, что Палата с патриотическими чувствами поддержит королевский проект, который мы представили им. Отныне Франция, и только Франция, будет владеть всем, что осталось от Наполеона; его могила, как и его слава, будут принадлежать исключительно его стране.

"Монархия 1830 года фактически является единственной и законной наследницей всех воспоминаний, которыми Франция гордится. Этой монархии, которая первой собрала все силы и удовлетворила все пожелания Французской революции, оставалось воздвигнуть и без страха

читать статую и могилу народного героя; ибо есть одна вещь, и только одна, которая не боится сравнения со славой, и это Свобода".[1]

Обращение великодушно и справедливо по своей концепции и красиво сформулировано. Оно было с энтузиазмом воспринято по всей Франции. Луи Филипп и его правительство точно рассчитали, что на данный момент больше всего на свете могло бы подавить грохочущие признаки раздора и восстания. Этим популярным актом король покорила воображение народа. Он на какое-то время обеспечил себе место на троне, и его имя стало бессмертным. Огромная масса народа и его правительство стояли за ним, и он использовал это в своих интересах. Предсмертное желание Наполеона должно быть выполнено. "Слепая ненависть королей" ослабла; они больше не боятся его бранных останков; они видят, и видят правильно, что если они продолжат "преследовать его кровь", он будет "отомщен, нет, но, возможно, жестоко отомщен". Старое и новое поколение французов требуют, чтобы с них было снято как можно больше позора, лежащего на них, угрожая репрессиями, если это не будет сделано быстро. Британское правительство дипломатично и с почти комической быстротой серьезно отбрасывает "генерала Бонапарта" и называет своего мертвого пленника "императором Наполеоном".

Луи Филипп, пораженный величием покойного монарха, разражается красноречивой похвалой этому так называемому "узурпатору" прошлых дней. Он был не только императором и королем, но и *законным сувереном* своей страны. Ему не суждено стать обычной могилой — это должна быть величественная гробница, безмолвное священное место, которое те, кто уважает славу, гений и величие, могут посещать в "благоговейном спокойствии". Отныне, благодаря Королевскому Провозглашению, история должна знать его как Императора и Короля. У него должна быть могила, столь же прочная, как и память о нем, и его могила и слава должны принадлежать его стране навеки. Законный наследник славы Наполеона является автором одного из лучших панегириков, которые когда-либо были написаны; политический ход, если хотите, но, тем не менее, документ сияет художественной формулировкой, которая апеллирует к восприятию эмоциональной расы.

Но настоящая искренность, очевидно, была присуща не столько автору документа, сколько широким массам, которые были опьянены желанием, чтобы останки их великого героя были доставлены домой к людям, которых он так сильно любил. Легко себе представить, как излишне французский король и его правительство похлопывали друг друга по спине в знак самопожертвования по поводу акта реставрации похорон, инициатором которого они считали себя. Если они приписывали себе слишком много заслуг, это было вполне естественно. Но у них не следует отнимать ни капли из того, что им причитается. Мир должен быть благодарен тому, кто принял участие в столь благородном деле. В то же время мир не будет освобождать две официальные договаривающиеся стороны от ответственности за то, что они были абсолютно свободны от заинтересованных мотивов. Один желал поддерживать внутреннюю гармонию, а этого можно было добиться, только вспомнив дни славы своей нации; а другой, *то есть* британское правительство, присматривало за каким-то восточным бизнесом, который Пальмерстон желал провести гладко, и поэтому мертвый император стал носителем спокойствия и, возможно, целесообразности в обоих случаях.

Короче говоря, принц Жуанвиль был отправлен из Тулона в лихорадочной спешке с фрегатом "*Бельпуль*" и корветом "*Фаворит*". Эти суда были благочестиво оборудованы в соответствии с

этим августейшим событием. Какими бы ни были мотивы или влияния, видимые или невидимые, которые побудили два правительства совершить этот неоспоримый акт справедливости по отношению к нации, семье Наполеона, его товарищам по оружию, которые все еще были живы, да, и ко всем народам земли, которые обладали гуманными инстинктами, все же совершенно очевидно, что страх перед народным восстанием подсказал эту идею, и гений, который придумал восстановление праха императора как средство усмирения надвигающейся бури, может рассматриваться как общественный благодетель.

Но как бы то ни было, сомнительно, известно ли истории что-либо столь нелепое, фарсовое, как смертельный ужас перед влиянием этого человека, живого или мертвого. Само его имя, живое или неодушевленное, заставляло качаться троны и содрогаться министров. Их ужас был таков, что союзники, как их называли (вдохновленные, как полагал Наполеон, британским правительством — и не произошло ничего, что опровергло бы его теорию), сослали его на скалу посреди океана, заперли в доме, кишасщем крысами, посадили на строгий рацион и охраняли военными кораблями, полком солдат с примкнутыми штыками и беспокойным духом сэра Хадсона Лоу.

Говорят, что после шести лет чудовищного лечения он умер от рака желудка. Несомненно, так оно и было, но вполне разумно предположить, что условия, в которых он находился, нездоровый климат, вкупе с постоянными мелочными раздражениями, привели к преждевременной смерти, и весьма вероятно, что болезнь можно было бы полностью предотвратить при других обстоятельствах. Во всяком случае, он был здоров, когда капитан Кокберн передал его в руки полиции, и еще некоторое время после этого. Но он знал свой собственный умственный и физический склад; он знал, что во многих отношениях он отличался от других людей. Его образ жизни был иным, и поэтому его тюремщикам следовало быть особенно осторожными, чтобы не подвергать этого исключительно организованного человека воздействию ядовитого климата и неслыханной системы жестокости. Да, и им был бы полезен совет, если бы они с большей гуманностью защищали справедливую славу великого народа, а не бессмысленно совершали поступки, которые оставили клеймо позора на имени Великобритании.

Сэр Вальтер Скотт, которого нельзя считать беспристрастным историком наполеоновского режима, в своей неудачной "Жизни Наполеона" не приводит ни единого факта или аргумента, которые оправдали бы британское правительство того времени за нарушение всех гуманных законов. Государственные документы, столь щедро предоставленные в его распоряжение английским министерством, не помогают ему доказать, что они не могли найти более подходящего места или климата для своего выдающегося заключенного или что он все равно умер бы от рака. Цель доброго сэра Уолтера очевидна, и самое печальное, что этого превосходного человека следовало использовать для обеления британской администрации.

Великий романист уверен, что "бывший император" был предрасположен к "жестокой жалобе, от которой умер его отец". "Прогрессирование болезни медленное и коварное", - говорит он, что, возможно, достаточно верно, но предрасположенность можно либо обуздать, либо ускорить, и курс, принятый в отношении Наполеона, был рассчитан не на замедление, а на поощрение ее. Но чтобы смягчить действия британского правительства и их слепо преданных сторонников на острове Святой Елены, Гурго, который не всегда был строго лоялен своему императорскому благодетелю, цитируется как заявивший, что он не верил в болезнь императора и что англичанам сильно навязывались.

Почему Скотт цитирует Гурго, если, как он говорит, вполне вероятно, что болезнь медленно прогрессировала еще до 1817 года? Причина вполне ясна. Он хочет создать впечатление, что на острове Святой Елены благоприятный климат, что к императору относились со снисходительной вежливостью и у него было в изобилии еда и питье. Однако из записей других хронистов, постоянно находившихся при Его Величестве, станет ясно, что на версию сэра Вальтера Скотта нельзя полагаться.

Если утверждения, содержащиеся в прилагаемом письме, верны — а нет существенных оснований сомневаться в них, поскольку они подтверждаются фактами, — то это полное опровержение того, что Скотт написал о целебных свойствах острова.

Вот заявление медицинского советника императора (см. стр. 517, Приложение, том ii, "Наполеон в изгнании"):

"Нижеследующая выдержка из официального письма, переданного мной лордам Адмиралтейства и датированного 28 октября 1818 года, содержащего описание огорчений, причиненных Наполеону, покажет, что роковое событие, произошедшее с тех пор на острове Святой Елены, было самым четким образом доведено мной до сведения министров Его Величества.

"Я считаю своим долгом заявить как его покойный лечащий врач, что, учитывая заболевание печени, которым он страдает, достигнутый им прогресс и размышляя о высокой смертности, вызванной этим заболеванием на острове Святой Елены (наглядным примером чего является количество смертей в 66-м полку, полку Святой Елены, эскадрилье и европейцев в целом, и особенно на корабле Его Величества *"Завоеватель"*, который потерял около одной шестой своего личного состава, почти все из которых умерли за последние восемь месяцев), я считаю, что жизнь Наполеона Бонапарта окажется под угрозой из-за более длительного проживания в таком климате, как на острове Святой Елены, особенно если это проживание будет усугубляться продолжением тех волнений и раздражений, которым он до сих пор подвергался и к которым природа его болезни делает его особенно восприимчивым.

— (Подпись) БАРРИ Э. О'Мира, хирург Р.Н., Джону Уилсону Крокеру, эсквайру, секретарю Адмиралтейства".

Ужасно думать, что это предупреждение должно было остаться без внимания. Группа людей с искрой гуманных чувств отбросила бы политические требования на ветер и бросила вызов всем силам земли и ада, чтобы помешать им немедленно предложить своему пленнику дом на земле щедрого народа. Чего им было бояться человека, чья политическая карьера закончилась, когда он сдался капитану *"Беллерофонта"*, и чье здоровье теперь было подорвано болезнью и жестоким обращением? Если бы простые люди этой страны знали обо всем, что творилось от их имени, герцог Веллингтон и все его мирмидониты не смогли бы противостоять восстанию против этого, и если бы такое обращение было применено к политзаключенному наших дней, гнев нации мог бы разразиться таким образом, что преподал бы тиранам полезный урок.

Но этот великий человек был во власти множества маленьких человечков. Они были слишком трусливы, чтобы застрелить его, поэтому прибегли к хитрому и подлому способу медленного убийства. Благочестивый бард, который поет дифирамбы палачам Наполеона — Веллингтону и его помощникам — и чья *"История"* была недостойна репутации его самого и его издателей, канет в лету, когда пламенная душа *"Султана Кебира"*^[2] завладеет воображением еще не

родившихся поколений и опьянит их духом "Султана Кебира". память о делах, которые он совершил.

Наполеон сказал: "Со временем ничто не будет считаться таким прекрасным и не привлечет столько внимания, как воздание мне по заслугам. С каждым днем я буду завоевывать авторитет в умах людей. Мое имя станет звездой их прав, оно будет выражением их сожалений".^[3] Это заявление столь же пророческое, как и многие другие, более или менее важные, сделанные Наполеоном тому или иному из своей свиты. Поразительно, насколько точно он предсказал события и впечатления, которые сложатся о нем самом.

Если бы предупреждение, с которым так часто обращались к сэру Хадсону Лоу, было доведено до сведения его правительства и если бы оно отреагировало на него, нет никаких сомнений в том, что изменение климата продлило бы жизнь императора. Но, просматривая те унылые, вызывающие тошноту документы, в которых рассказывается эта история, проникаешься убеждением, что целью были пытки, если не убийство. Доктор Антоммарчи, сменивший доктора О'Мира на посту врача императора, подтверждает все, что О'Мира так часто передавал губернатору и Адмиралтейству. Городской совет послал за ним, чтобы он предоставил им информацию о климате острова Святой Елены. Они выражают мнение, что в Лонгвуде он "хороший". Антоммарчи отвечает: "Ужасно", "Холодно", "Жарко", "Сухо", "Влажно", "Изменение атмосферы двадцать раз за день". "Но, - сказали они, - это никак не повлияло на здоровье генерала Бонапарта", и им был брошен резкий ответ Антоммарчи: "Это свело его в могилу". "Но, - последовал вопрос, - каковы были бы последствия смены места жительства?" "Что он все еще был бы жив", - сказал Антоммарчи. Диалог продолжается, доктор на протяжении всего матча набирает много очков. Наконец один из членов Совета оскорбляется его дерзкой откровенностью и в "государственном" гневе выпаливает: "Что, в конце концов, означает смерть генерала Бонапарта? Это избавляет нас от непримиримого врага".

Это благородное выражение мнения было сделано через три дня после Георга IV. выражал сожаление по поводу смерти Наполеона. Это не имеет большого значения, разве что подтверждает веру французов в то, что смертный приговор был вынесен. В то время, когда император сдался британцам, было распространено мнение, что если бы он вступил в контакт с Георгом IV. великой трагедии не произошло бы.

Однако мы не зависим исключительно от того, что сказали два врача относительно причины его безвременной кончины. Все те, кто что-либо знал о Лонгвуде, от простого моряка или солдата и выше, были осведомлены о пагубной природе его климата. Графы Лас Касес, Монтолон и Бертран представили это праведному сэру Хадсону Лоу как смертельно опасное для здоровья их императора. Как бы вы ни относились к их заявлениям, у вас возникает убеждение, что их утверждения в основном, если не полностью, достоверны.

Но климат, каким бы суровым он ни был, нельзя полностью винить в том, что он убил его, хотя он и сделал большую часть этого. Адмирал сэр Джордж Кокберн, пока он исполнял обязанности губернатора, по-видимому, время от времени доставлял неприятности французам из-за наложенных на них ненужных ограничений, но, судя по приведенным свидетельствам, он не был настроен недоброжелательно. Он проявлял искреннее беспокойство о том, чтобы сделать это положение как можно более приемлемым для них, и, без сомнения, использовал свое суждение вместо того, чтобы в точности выполнять железные инструкции, данные ему Батерстом.

Император говорил о нем как о человеке с сердцем солдата и сожалел о его смещении, уступив место сэру Хадсону Лоу, который прибыл в *Фазтоне* 14 апреля 1816 года.

Грубое, бессмысленное поведение нового губернатора во время его первого визита в Лонгвуд свидетельствовало о предчувствии беды. Похоже, он не имел ни малейшего представления о том, как себя вести, или о том, что его вот-вот представят человеку, который безраздельно правил судьбами Европы в течение двадцати лет. Наполеон с его орлиным взором и пронизательным зрением с первого взгляда оценил характер и способности этого человека. Он сказал своим друзьям: "Этот человек злобен; у него глаз гиены". Последующие события только усилили эту веру.

Возможно, лучшее, что можно сказать о Лоу, - это то, что он обладал искаженным человеческим интеллектом. Он был любезен, когда хотел, хороший деловой человек, как говорят, и домашняя часть его жизни никогда не подвергалась нападкам; но было бы клеветой на все приличия сказать, что он подходил для той деликатной и ответственной должности, на которую его послали. Фактически, все его действия доказывают, что в нем не было ни капли такта, рассудительности или административных качеств, и в его натуре был большой несимпатичный изъян. Дело в том, что есть признаки того, что его натура была извращенной с самого начала и что он был как раз из тех людей, которых никогда не следовало посылать на пост со столь разнообразной ответственностью. Его назначение показывает, насколько ужасающе невежественным или порочным было правительство или Батерст, когда выбирали его.

Он был настоящим маньяком. Если они считали, что он лучше всего подходит для проведения политики мстительности, то их выбор был идеальным, хотя это и было нарушением всех моральных законов. Если, с другой стороны, они не осознавали его непригодности, они проявляли либо беспечность, либо неспособность, которые ставили их ниже посредственности, и своим поступком они позорили английское имя. И все же в конце всего этого есть какой-то пафос, когда его привели посмотреть на холодное, неодушевленное тело мертвого монарха. Он был охвачен страхом, сражен ужасом возмездия и воскликнул, обращаясь к Монтолону: "Его смерть - моя погибель".^[4]

Форсайт сделал все возможное, чтобы оправдать действия Хадсона Лоу, но никто не может читать его работу без ощущения, что историк на протяжении всего времени осознавал несостоятельность своей задачи. Он тщетно воспроизводит инструкции и переписку между Лоу и его правительством, а также письма и беседы с Наполеоном и членами его семьи и делает из них вывод, что губернатор не мог действовать иначе, чем так, как он поступил. Легко придать словам, используемым в разговорах или письмах, значение, которое они никогда не предназначались для передачи, но существует слишком много свидетельств хладнокровных вспышек тиранических намерений, чтобы их отбрасывать, и это делает невозможным рассматривать сэра Хадсона Лоу в каком-либо ином свете, кроме как как мелочного деспота.

У него были своего рода способности. Наполеон сказал, что он в высшей степени подходит для того, чтобы "командовать бандитами или дезертирами", и сказал ему в том памятном устном разговоре, который возник из-за просьбы Лоу выделить 200 000 франков в год в качестве взноса на покрытие расходов в Лонгвуде: "Я никогда не слышал, чтобы ваше имя упоминалось иначе, как как главарь разбойников. Ты и дня не можешь прожить без того, чтобы не мучить меня своими оскорблениями". Это, несомненно, была жестокая атака, и использованные откровенные слова, должно быть, сильно ранили Лоу. Вероятно, сам Наполеон, поразмыслив,

счел их слишком суровыми, хотя можно предположить, что они буквально верны, и можно считать само собой разумеющимся, что они никогда бы не были произнесены, если бы не злобная провокация.

Более проницательный человек предвидел бы, что он не мог обращаться с таким великим человеком, как покойный император Франции, как если бы он был корсиканским разбойником, не понеся сурового наказания. Обычный заключенный мог бы с любезной покорностью подчиниться дисциплинарным методам, которые, по косому взгляду сэра Хадсона Лоу, казались необходимыми, но обращаться с Императором так, как будто он принадлежал к этой категории, было нарушением всякой порядочности, и никто, кроме Хадсона Лоу, не попытался бы этого сделать. Совершенно очевидно, что свергнутый арбитр Европы никогда, даже в период своего наивысшего расцвета, не обращался ни с кем из своих подчиненных с таким величественным видом, какой принял по отношению к нему губернатор острова Святой Елены.

У Лоу, по-видимому, было врожденное представление о том, что положение, в которое он был поставлен, давало ему право проводить политику неумолимой суровости и что в качестве награды ему следует воздавать почести. Он жаждал, чтобы к нему проявили уважение, и был поражен непомерной неблагодарностью французов, не признавших его приятных качеств. У него вошло в привычку напоминать им, что, если бы не его милосердие при выполнении инструкций Батерста и тех, кто действовал вместе с ним, их положение могло бы стать невыносимым. Он был неспособен постичь возвышенную личность преследуемого гостя Англии.

Популярная, хотя и ошибочная идея о том, что Наполеон был и всегда был хищным зверем, очаровывала его; его дни были заняты планированием планов более тщательного надзора, а по ночам его преследовали видения того, как его подопечный сокрушает все барьеры, которые он напрягал свой интеллект, чтобы построить, а затем исчезает из-под благосклонной опеки его святого правительства, чтобы снова вести кровопролитную войну и проливать реки крови. Ужасное предчувствие побега и его последствия постоянно терзали его беспокойный дух, и поэтому он никогда не позволял забыть о себе; ограничения, вызывающие раздражение, вводились с монотонной регулярностью. Наполеон метко описал Лоу как "человека, страдающего застарелым зудом".

Монтолон в томе i, стр. 184, рассказывает, как Лоу часто вскакивал с постели посреди ночи после того, как ему снилось бегство императора, садился на коня и скакал, как сумасшедший, в Лонгвуд, только для того, чтобы дежурный офицер заверил его, что все хорошо и что сраженный герой все еще его пленник. Когда Наполеону рассказали об этих ночных посещениях, он был переполнен весельем, но в то же время преисполнился презрения не только к этому удивительному экземпляру, но и к существам, которые сделали его сановником.

Трагический фарс с отправкой императора на ядовитое плато Лонгвуд и предоставлением для проживания Плантейшн-хауса Лоу с его гораздо более здоровым климатом - это явление, которое мало кто из людей, знакомых со всеми фактами и обстоятельствами, сможет понять. Но политика этого правительства, о котором так восторженно поет шотландский бард, является проблемой, которая никогда не может быть решена.

Для мудрых людей и ввиду того факта, что взоры мира были прикованы к ним и к побежденному человеку, их пленнику, главной мыслью было бы сострадание, вплоть до снисхождения; вместо этого они и их агенты вели себя так, как будто были лишены человеческих чувств.

Амбиции Лоу, по-видимому, состояли в том, чтобы пренебречь приличиями и пробиться в уединение императора, чтобы убедиться, что его подопечный не сбежал, но его амбиции и героизм были спокойно и презрительно проигнорированы. "Скажите моему тюремщику, - сказал Наполеон своему камердинеру Новеррасу, - что в его власти поменять свои ключи на топор палача, и что если он войдет, то только через труп. Отдайте мне мои пистолеты", - и Монтолон, которому император что-то диктовал во время вторжения, говорит, что сэр Хадсон услышал этот ответ и удалился в замешательстве. Ультиматум ошеломил его, но он был вынужден понять, что за определенным пределом этот ужасный пожиратель европейской бюрократии не потерпит героизма, глупостей и дерзости.^[5] Лоу, по правде говоря, осознал суровую реальность пронзительных слов Императора и почувствовал, что на него наваливается необходимость большей осторожности. Он размышлял об этих серьезных событиях, возвращаясь в Плантейшн-Хаус, чтобы там как можно быстрее состряпать и разослать историю, которая повергла бы в ужас его сообщников в церкви Святого Стефана и дала бы им еще одну возможность показать, насколько мудры *они* были в своем плане изгнания и строгих предосторожностях, а также в выборе такого выдающегося и бесстрашного человека, как сэр Хадсон Лоу, на которого они безоговорочно полагались в осуществлении своих христианских благодеяний.

Карикатуристы, памфлетисты, бурбониты, изменницы, стремительные женщины - все они были снабжены необходимым материалом для произнесения декламационных речей в адрес императора в надежде быть услышанными во славу Бога и британского министерства. История о попытке вторжения в Лонгвуд и ее продолжение потрясает тонкую восприимчивость спутников, которыми Лоу окружен. Они выкрикивают яростные слова мести. Сэр Томас Рид, самый шумный флибустьер из всех, указывает на свой метод урегулирования дел в Лонгвуде. Этот инцидент возник из-за того, что Наполеон отказался встретиться с сэром Томасом Стрейнджем, индийским судьей. Чемоданы Las только что были принудительно изъяты. Император очень остро ощущал жестокость этого поступка, поэтому он отправил следующий ответ на просьбу Лоу о встрече с сэром Томасом: "Скажите губернатору, что тех, кто спустился к гробнице, никто не навещает, и позаботьтесь о том, чтобы судья был ознакомлен с моим ответом". Этот резкий ответ вызвал у сэра Хадсона приступ безудержного гнева, и теперь сэр Томас Рид получает свой шанс выйти сухим из воды. Вот его план: "Если бы я был губернатором, я бы образумил этого пса француза; я бы изолировал его от всех его друзей, которые ничем не лучше его самого; затем я бы лишил его его книг. На самом деле он всего лишь жалкий преступник, и я бы обращался с ним как с таковым. Клянусь Богом! для короля Франции было бы великой милостью совсем избавить его от такого человека. С моей стороны было большой трусостью не отдать его сразу под трибунал вместо того, чтобы отправить сюда".^[6]

Этот приступ судорожной храбрости дает право заместителю генерал-адъютанта особо упоминаться в донесениях его начальника. О'Мира рассказывает еще об одном из многих эпизодов, с которыми связан доблестный сэр Томас. Дальнейшие попытки нарушить неприкосновенность частной жизни императора предпринимались 11, 12, 13 и 16 августа 1819 года, но они были пресечены запираанием дверей. Граф Монтолон был нездоров, и губернатор, отказавшись переписываться с графом Бертрамом, настоял на том, чтобы общаться с

императором письмом или через одного из его офицеров два раза в день. Итак, бессмертный сэр Томас Рид и еще один штабной офицер были выбраны для осуществления связи. Но "собака француза", которую помощник шерифа хвастался, что "привел в чувство", отказывается впускать, и сэр Томас, у которого теперь появилась такая возможность, очевидно, испытывает некоторые опасения по поводу заряженных пистолетов, которые хранятся под рукой на случай чрезвычайной ситуации. Император в одном из своих резких продиктованных заявлений, которое поражает воображение каждой едкой фразой, снова напоминает губернатору, каким будет неизбежный результат, если позволить себе непристойную вольность. Сэр Томас был бы предупрежден об этой опасности, поэтому удовлетворился бы тем, что постучал в дверь и крикнул во весь голос: "Выходи, Наполеон Бонапарт. Мы хотим Наполеона Бонапарта".

Этот гротескный инцидент, который является лишь одним из многих и худших злодеяний, творившихся в Доме на Плантации, проливает зловещий свет на бред антагонизма, который пронизывал настроения некоторых представителей Англии. Истерический восторг от создания помех был печально известен на острове, и сэр Хадсон и его мирмидонцы завизжали от негодования, когда единственным ответом было достойное неповиновение.

Лоу не смог осознать важный этический факт, что человек, играющий злодейскую роль, никогда не сможет осознать свою подлость. Он настолько не обращал внимания на этот фундаментальный закон, что не переставал уверять изгнанников, что он не только хороший, но и добросердечный. Вот примечание, подтверждающее это самосознание: "Генералу Бонапарту нельзя позволить свободно пересекать остров. Если бы вопрос заключался только в его безопасности, простого поручения Ост-Индской компании было бы достаточно, чтобы охранять его на острове Святой Елены. Он может считать себя счастливым, что моеправительство прислало такого доброго человека, как я, охранять его, иначе его заковали бы в цепи, чтобы научить, как лучше себя вести".

На это император ответил: "В данном случае очевидно, что, если инструкции, данные сэру Хадсону Лоу лордами Батерстом и Каслри, не содержат приказа убить меня, то должен был быть отдан устный приказ; ибо всякий раз, когда люди хотят таинственным образом уничтожить человека, первое, что они делают, это отрезают его от всякого общения с обществом и окружают его покровом тайны, пока, приучив мир ничего не слышать о нем и забыть о нем, они не смогут легко пытать его или заставить исчезнуть".

Какое ужасное обвинение предъявлено Батерсту, Каслри и Лоу, и как трудно думать об этих людях одновременно с Наполеоном, чье имя приводило мир в трепет! Несомненно, их ничтожные имена и имена всех союзных предателей и заговорщиков будут передаваться из поколения в поколение как предметы для насмешек, в то время как его имя по-прежнему будет возвышаться над всем во все времена. Его ошибки будут затемнены великолепием его могущественного и благодетельного правления и омрачены жалостью к его невыразимому мученичеству.

Но как быть с комиссарами, представляющими Россию, Австрию, Пруссию и самого христианского короля Франции? Как они будут жить в руках потомков? Их преступление будет заключаться не в том, что они согласились на отправку на остров Святой Елены своих соответствующих правительств, а в том, что они позволили себе полностью поддаться уговорам и влиянию коварного Лоу. Говорят, что представитель Австрии был всего лишь шифром в его руках, в то время как внимание графа Балмина было полностью поглощено занятием любовью

смисс Джонсон, старшей дочерью леди Лоу от предыдущего брака. В конце концов он женился на ней и стал членом семьи. Обаяние характера и доброта этой молодой леди завоевали расположение колонии Лонгвуд, а ее нежное сочувствие к горестям императора заставило его привязаться к ней, о чем свидетельствовало его любезное внимание всякий раз, когда она приезжала в Лонгвуд.

О маркизе де Моншеню (который, высадившись на острове Святой Елены, оказался среди группы офицеров, сопровождавших "Сэра Хадсона", и крикнул: "Ради всего Святого, скажите мне, говорит ли кто-нибудь из вас по-французски") мало что слышно в его официальном качестве. Впоследствии он, по-видимому, был в восторге от хороших обедов губернатора, но, хотя он всегда был гостеприимным, добрым и рад видеть своих соотечественников за своим столом за завтраком, император никогда не принимал его, хотя всегда выказывал признательность за его оперативность в пересылке ему французских бумаг или книг. Маркизу, естественно, было бы трудно самоутвердиться, когда он услышал бы о преступлениях, совершенных его хозяином.

Ограничения, наложенные на императора, к этому времени возымели зловещее действие. О'Мира сообщил, что это было так, и комиссары, чьи инструкции от их правительств были чисто формальными, сочли своим долгом проявить активность и попросили губернатора устранить причины, поскольку это было "совместимо с безопасностью его личности", чтобы отсутствие физических упражнений не имело серьезных последствий для его здоровья. Сэр Хадсон был разгневан тем оборотом, который принимали дела, поскольку члены Комиссии всегда приспособлялись к его планам. Однако он обнаружил, что в данном случае человечество было разбужено, и поскольку его намерениям не соответствовало бы выступать против своих доселе самодовольных друзей, он думает успокоить их беспокойство следующим необычным способом:

- Я собираюсь устроить так, чтобы он мог заниматься верховой ездой. Я не желаю, чтобы он умер от апоплексического удара — это было бы очень неловко как для меня, так и для моего правительства. Я бы предпочел, чтобы он умер от утомительной болезни, которую наши врачи могли бы с полным основанием признать естественной. Апоплексия дает слишком много оснований для комментариев ".[7]

Эта бессмысленная насмешка над человеком всегда заключается в самоутверждении тем или иным отвратительным способом.[8]

В одно время его затуманенный разум внушал ему забавные идеи о попытке наказать своего императорского узника, в другое время его детский страх перед последствиями наказания был жалким, и когда один забавный фарс за другим проваливался, он прикрывался проявлениями оскорбленной добродетели.

Император принял лорда Амхерста, который был человеком с некоторыми человеческими чувствами, и благородный лорд предложил передать драгоценному принцу-регенту определенные послания. Тогда Наполеон, возбужденный воспоминанием о вероломстве, причинявшем ему такие бесконечные страдания, заявил, что ни его король, ни его нация не имеют на него никаких прав. "Ваша страна, - восклицает он, - подает пример, когда двадцать миллионов людей угнетают одного человека". Пророческим изречением он предвещает "ужасную войну, разразившуюся на пепелище Империи". Народы должны отомстить за

неблагодарность королей, которых он "короновал и простил". И затем, как будто его большая душа испытывала отвращение при мысли обо всем этом, он восклицает: "Сообщите вашему принцу-регенту, что я жду в качестве одолжения топора палача". Лорд Амхерст был глубоко тронут и пообещал рассказать обо всех своих страданиях и унижениях регенту, а также поговорить по этому поводу со святым Лоу. "Бесполезно, - вмешивается император. - преступление, ненависть - это его природа. Для его удовольствия необходимо мучить меня. Он подобен тигру, который раздирает когтями добычу, продлевая страдания которой, ему доставляет удовольствие". Затем аудитория закрывается, и отвратительная трагедия продолжается.

Уполномоченные должны иметь бюллетени, но никакой связи с императорской резиденцией. О'Миру просят подготовить вдохновенные бюллетени и сообщать о том, что он слышит и узнает от Императора, и в целом изображать шпиона. Он отказался, и поскольку Лоу требовались добровольные инструменты, а не честные люди, в конечном счете он был изгнан с острова. Император обнимает его, благословляет и вручает ему верительные грамоты высшего порядка вместе с выражениями любви членам его семьи и любезной Марии Луизе, которая в настоящее время является любовницей австрийского графа Нейпперга. Ему поручено передать добрые мысли, выражающие уважение и благодарность доброй леди Холланд за всю ее доброту к нему. Короля Рима вспоминают с нежностью, и О'Миру просят прислать сведения о способах его получения образования. Ему поручено передать послание принцу Джозефу, который должен передать О'Мире частные и конфиденциальные письма императоров Александра и Франциска, короля Пруссии и других государей Европы. Затем он благодарит О'Миру за заботу о нем и велит ему "покинуть обитель тьмы и преступлений".[9]

Прежде чем О'Мира покинул остров, новости о дьявольском обращении с императором просочились в Европу, несмотря на предосторожности Лоу. *Edinburgh Review* опубликовала несколько статей, разоблачающих поведение губернатора, и когда они были доставлены на остров Святой Елены (адресованные Лонгвуду), в Плантейшн-Хаусе поднялся большой переполох. У Рида был приказ купить все до единого отвратительные издания, но решительным талантливым людям нелегко помешать достичь своей цели, особенно если она хорошая, поэтому губернатор испытал унижение от того, что увидел, как его перехитрили. О'Мира предстал перед судом и был обвинен в том, что добыл для Монтолона нежелательный *Edinburgh Review*. Статьи доставили императору огромное удовольствие, и когда об этом стало известно Лоу, это стало для него невыносимым. О'Мира получает официальное уведомление об увольнении 25 июля 1818 года.

Наполеон счел смелым ходом со стороны британских министров (которых он считал убийцами и о которых совершенно открыто говорил) отобрать у него врача. Доктор принял меры предосторожности и сообщил Монтолону о месте хранения своего дневника, который нашел способ переслать его ему в Англию. Этот документ был зачитан императору, который исправил несколько ошибок, которые, по-видимому, не имели большого значения, за исключением одной, касавшейся расстрела герцога Энгиенского.[10]

На следующий день после его отъезда из Лонгвуда О'Мира прислал отчет о болезни изгнанника и его лечении. Отчет представляет собой тревожный отчет о состоянии здоровья императора, который, несмотря на это, месяцами лишен медицинской помощи. Он справедливо придерживался решения не иметь никого, кроме своего собственного врача. Лоу видит в этой

очень разумной просьбе тонкую попытку спланировать побег и не уступит ей. Затем происходит резкая переписка. Письма, отправленные ему Монтолоном или Бертраном, возвращаются, потому что Наполеон именуется императором. Монтолон, в свою очередь, подражает Лоу и отвечает ему тем же на основании невежливости, и надо признать, что французы каждый раз забывают ему.

Лоу жалуется Монтолону, что Бертран называет его дураком перед Комиссарами и обвиняет в том, что он собирает все жалобы, которые только может собрать, чтобы опубликовать их. В газетах, особенно в *Edinburgh Review*, появились резкие статьи, выставляющие его на посмешище и называющие "убийцей". Он хнычет, что очень тяжело, что его, который уделяет все внимание чувствам императора, преследуют и делают жертвой клеветы. Эти проявления елейного фарисейства холодно принимаются французами, которые не просят одолжений, но требуют справедливости. Их мысли полны несправедливостей, совершенных по отношению к великому человеку, который является объектом их привязанности и жалости. Они не станут слушать ничего из того, что говорит Лоу. Они видят неопровержимые свидетельства того, что Разрушитель заключил в объятия героя, который своими подвигами привел в трепет народы мира. Их души трепещут от неистовых эмоций при виде агонии, вызванной ядовито-злой тиранией. Ему отказано в самых ничтожных привилегиях человечества, и если они замыслили заговор для того, чтобы мир узнал об отвратительном угнетении, кто, имея в себе хоть каплю святого сострадания, станет отрицать, что их мотив был похвальным? Пусть критики говорят что угодно, эти преданные последователи павшего и тяжело раненного вождя являются примером нерушимой верности. У них были свои разногласия, своя мелочная зависть, и временами они оплакивали свою тяжелую судьбу, и это часто заставляло императора быстро делать им выговор.

Гурго был Питером семьи и большим источником неприятностей. Временами его справедливо обвиняли в нелояльности. Он был виновен как на острове, так и после своего прибытия в Англию в совершении одного и того же проступка, но в этом последнем случае у него, возможно, была определенная цель, поскольку он просил об одолжении людей, которые были крайне враждебны его благодетелю. Он знал, что они были бы рады услышать от столь важного представителя власти что-нибудь, что хоть в какой-то степени оправдало бы их действия. Гурго, на самом деле, был скорее плутом, чем дураком, что очень ясно доказывают его последующие умоляющие обращения от имени Наполеона к Марии Луизе и другим деятелям Франции.

Но возьмите этих мужчин и женщин в целом, рассмотрите обстоятельства жизни на этой скале отвратительной памяти, расспросите как можно тщательнее об их поведении, и вы увидите, что их высший интерес сосредоточен на том, за кем они добровольно последовали в изгнание. Он - их идеал человеческого величия, их друг и их Император.

Они рассматривают сэра Хадсона Лоу как отвлеченное явление. Появление новых и несерьезных неприятностей иногда игнорируется или воспринимается с отчаянным весельем. В других случаях, когда нарушаются права, достоинство и несравненная личность их хозяина, они возмущаются этим яростным порывом, и это дает Лоу дополнительные возможности напомнить им о своей доброте. Но в течение долгих, утомительных лет непрекращающихся провокаций об уголовном возмездии никогда не думали, за исключением одного случая, когда были введены в действие какие-то новые произвольные правила.

Сантини, корсиканец и один из слуг, размышлял о несправедливостях своего хозяина. Обычно он отличался веселым нравом, но с тех пор, как были введены в действие новые правила, было замечено, что весь его характер изменился. Он стал задумчивым и удрученным и однажды сообщил Чиприани о своем преднамеренном намерении застрелить губернатора, когда тот впервые придет в Лонгвуд. Чиприани использовал все свое влияние, чтобы отговорить его от столь опрометчивого поступка, и, убедившись, что Сантини непреклонен, доложил о случившемся Наполеону, который привел к нему преданного хранителя своего портфеля и приказал ему как своему императору прекратить думать о нанесении вреда сэру Хадсону. Императору потребовалось некоторое время, чтобы убедить Сантини, и когда он все-таки дал свое обещание, то с явной неохотой. О Сантини говорят как о храбром, как лев, мастере владения маленьким мечом и смертоносного выстрела. Впоследствии он был выслан с острова, и император назначил ему пенсию в размере 50 фунтов стерлингов в год.

Сантини был единственным, кто отказался подписать документ, предложенный Лоу, в котором все офицеры и прислуга обязывались соблюдать новые правила, которые, как обычно, были бессмысленными и суровыми. Они настаивали на том, чтобы вставить слова "император Наполеон", но Лоу с присущим ему глупым удовольствием не пожелал ничего, кроме слов "Наполеон Бонапарт", а наказанием за отказ подписать было изгнание с острова. Сэр Хадсон вбил себе в злобный мозг, что наконец-то поймал их на крючок. Он подтвердил, что причина, по которой они не подписали то, что, как они утверждали, принадлежало их Императору, и их собственная деградация заключалась в том, чтобы дать повод для того, чтобы их "отослали". После чего, как только коварные инсинуации губернатора стали известны, они все подписались, за исключением Сантини, который отказался называть Наполеона каким-либо другим термином, кроме Императора.

Верность Сантини своему прославленному хозяину стоила ему мучений, когда его уволили со службы и отправили на мыс Доброй Надежды на английском фрегате *Orontes*. Он пробыл там несколько дней, но почти сразу же вернулся на остров Святой Елены. Однако ему не разрешили высадиться на берег, и, проведя несколько дней на якорной стоянке, он 25 февраля 1817 года отплыл в Англию.

Эти огнеупорные пленные британских властейсвязей, кажется, были источником большого недоумения в них, сказать ничего расходов нации обусловлено безнадежный нетрудоспособности, отображаемые в общении с ними. Дело становится настолько фарсовым, что английские стражи порядка становятся посмешищем для самых черствых существ на острове.

Сразу по прибытии в Лондон Сантини выступил с трогательным обращением к британскому народу, разоблачив зверства на острове Святой Елены, основные факты которых никогда не были опровергнуты. Любые преувеличения, которые могут появиться в брошюре, исходящие от солдата, чье обожание своего императора доходило до фанатизма, могут быть извинены; но, каковы бы ни были его ошибки, уродливые факты остаются непоколебимыми.

Во всех объемистых публикациях о Наполеоне на острове Святой Елены нет никаких свидетельств того, что лучшие мужчины и женщины любой национальности, проживающие на этой негостеприимной скале, надели бы хоть малейший траур, если бы Сантини или кто-либо другой отправил мелкого тирана, который совершал гнусное убийство с согласия, если не по указанию, не менее гнусного министерства. Возможно, его имперская жертва была бы

единственным человеком за пределами его семьи и официального круга, который осудил бы этот поступок. Почти все признают, что Лоу ненавидели все классы, которые знали о злодейских методах, принятых им, чтобы причинить боль Наполеону и любому, кто проявлял к нему хоть малейшую симпатию.

Письма от его жены, "любезной австрийской эрцгерцогини", его матери и другим членам его семьи и адресованные им, не допускались к передаче без тщательного изучения и комментариев со стороны этого ненасытного тюремщика. Письма, написанные в Министерство и благожелательно настроенным общественным деятелям за его пределами, не пересылались под предлогом использования титула императора. Мраморный бюст сына императора был доставлен на остров Святой Елены Т.М. Радовичем, мастером-артиллеристом на борту корабля *Baring*. Им завладели власти, и он находился в руках Лоу в течение нескольких дней, когда он намекнул графу Бертрану, что, хотя это и противоречит правилам, он возьмет на себя передачу некоторых подарков, присланных леди Холланд, и некоторых, оставленных мистером Мэннингом. Более неловким делом была передача бюста. Загадочность и комическая нелепость некоторых правительственных чиновников того времени или даже наших дней поражают.

Притупленное восприятие Лоу пробудилось. Он понял, что его могут обвинить в совершении чрезвычайно грязного трюка. Он считает, что это соответствует достоинству его высокого поста - испытывать беспокойство по поводу сохранения этих предметов, особенно статуи римского короля. Поэтому с бессознательным юмором он спрашивает графа, действительно ли, по его мнению, Наполеон хотел бы иметь бюст своего сына. Граф отвечает: "Вам лучше отправить это сегодня же вечером, а не откладывать до завтра". Лоу огорчен холодностью ответа. Вероятно, он ожидал, что Бертран разразится потоками благодарности. Но французский кодекс хорошего тона и гуманного обращения ставил сэра Хадсона Лоу ниже их презрения. Для них он стал неопишущим.

Всем, кто имел доступ к Наполеону, была хорошо известна его жгучая любовь к сыну, и в одном из таких порывов страстной тоски он заявляет графине Монтолон, что вернулся с Эльбы только ради него, и если в изгнании у него еще оставались какие-то надежды, то они были и на него тоже. Он заявляет, что он является источником его величайших страданий и что каждый день стоит ему кровавых слез. Он воображает себе самые ужасные события, которые не может выбросить из головы. Он видит то ли зелье, то ли отравленный плод, который вот-вот оборвет дни невинного юноши самыми жестокими страданиями, и затем, после этого излияния всей души, он умоляет мадам посочувствовать его слабости и просит ее утешить его.

Этот ученый воин-государственный деятель был также поэтом, и, если бы не одиночество изгнания, мы, вероятно, никогда бы не увидели эту сторону его разносторонней натуры. Строки, которые он пишет портрету своего сына, до боли трогательны. По какой-то причине их спрятали, а спустя некоторое время нашли. Вот они, но английский перевод не отдает им должного:—

Восхитительный образ моего горячо любимого мальчика!
Взгляните в его глаза, на его внешность, на его улыбку!
Увы, больше нет! он не зажжет радость,

И на каком-нибудь более добром берегу мои горести не прельстят.

Мой сын! мой дорогой сын! будь ты здесь,
Моя грудь приняла бы твои прелестные формы;
Ты бы скрасил мои мрачные часы беседой с дорогой,
мы бы безмятежно наблюдали за надвигающейся бурей.

Я был бы партнером в твоих детских заботах,
И давал бы наставления твоему расширяющемуся разуму,
Пока в твоём сердце, на склоне лет,
Моя усталая душа найдет приют.

Мои обиды, мои заботы должны быть забыты с тобой,
Моя Имперская власть, достоинства, слава —
Сама эта скала была бы для меня раем,
Твое оружие было бы дороже короны победителя.

О, в твоих объятиях, сын мой! Я мог бы забыть, что слава
Даст мне во все времена никогда не умирающее имя.

Вот еще одна версия тех же мыслей:—

ПОРТРЕТУ МОЕГО СЫНА.

О! лелеемый образ моего юного наследника!
Твою внешность передают его черты:
Но ах! ты не живешь — на этой такой голой скале
Его живой облик никогда не порадует мое сердце.

Мое второе "я"! как бы твое присутствие развеселило
устоявшуюся печаль твоего несчастного отца!
Я бы с нежностью растил твое младенчество,
А ты бы согревал мой возраст юношеским огнем.

В тебе я нашел бы поистине великолепную корону,
С тобой, на этой скале, которой должны владеть небеса,
Твой поцелуй изгнал бы из моего разума прошлые завоевания,
Которые возвысили меня, полубога, на трон Галлии.

Возможно, император не хотел показывать всю ту муку, которая терзала его ежечасно, но кто может сейчас читать эти строки без укола чувств? Непреодолимая уверенность в том, что его

горячо любимый мальчик будет уничтожен, преследовала его. Многие люди по сей день считают, что он был прав, и что здоровье его сына было серьезно подорвано. Но если это так, то Австрийскому императорскому дому придется отвечать за это всю вечность. Наполеон знал, что этот столь ценный бюст находится в Плантейшн-Хаусе, и сказал О'Мире, что, если бы его не отдали, он рассказал бы историю, которая заставила бы матерей Англии возненавидеть Лоу как чудовище в человеческом обличье.

Но правительства Европы, а также частные лица тратили огромные суммы денег на распространение памфлетов, и, вероятно, те, кто писал самые ужасные пасквилы, были наиболее высокооплачиваемыми. Поэтому умы женщин Англии и других стран постоянно были насыщены ядовитыми заявлениями. Многие из них твердо верили, что Наполеон - Антихрист, и только сейчас мир начинает прозревать гигантский заговор.

Было заявлено, что бюст был выполнен в Ливорно по приказу вероломной Марии Луизы. В "Жизнь Веллингтона" Хупера трудно поверить утверждению о том, что "она была благодарна герцогу за победу при Ватерлоо, потому что в 1815 году у нее был любовник, который впоследствии стал ее мужем, и она была не в состоянии безопасно вернуться к своему императорскому супругу". Эта мать сына, о котором поет поэт-император, получала удовольствие, играя в карты за наполеонов с герцогом, которого ее муж считал одним из своих самых решительных палачей. Ее предполагаемая связь со статуей, естественно, вызвала к ней больший интерес, поэтому император выразил желание увидеть артиллериста и приказал Бертрону получить для него разрешение посетить Лонгвуд.

Губернатор, допросив артиллериста под присягой и тщательно обыскав его, разрешил ему встретиться с Наполеоном, но капитану Попплону было приказано не разрешать ему разговаривать с французами без его присутствия. Это произвольное условие было воспринято со спокойным, презрительным достоинством, и артиллериста попросили удалиться. Трудно поверить, что человек может быть таким извращенно жуликоватым, как сэр Хадсон Лоу. Как по-человечески было для изгнанника жаждать услышать послание из уст человека, которому приписывали то, что он видел мать его сына и разговаривал с ней, и как бесчеловечно со стороны Лоу чинить какие-либо препятствия на пути удовлетворения своего желания!

Этот инцидент стал общеизвестным, и пропорционально его распространению пострадала и репутация Лоу. Сомнительно, смог бы он найти на острове кого-нибудь достаточно бесчувственного, чтобы оправдать столь подлый поступок, за исключением, возможно, сэра Томаса Рида, чья низость в этой и других сделках не поддается адекватному описанию, и в чьей натуре, по-видимому, укоренилась ежедневная мысль добиться отличия, превзойдя своего хозяина в той или иной форме жестокости.

Грустно думать об этих двух растениях благодати, одно из которых всегда было проникнуто идеей некоего кровавого плана наказания, в то время как другое варьировало план своих сомнительных сделок, в то же время говоря изгнанникам, что им двигали самые сладкие и чистые мотивы.

В отличие от Лоу и Рида, хронисты высоко оценивают майора Горрикера. Офицеры и солдаты гарнизона, а также военнослужащие военно-морского флота выразили свое трогательное сочувствие герою, который описал свое заключение как худшее, чем "железная клетка Тамерлана". Капитан Мейтленд в своем повествовании рассказывает историю, которая

указывает на магнетическую силу этого великого солдата. Мейтланду не терпелось узнать, что его люди думают о Наполеоне, поэтому он спросил своего слугу, который сказал ему, что слышал, как некоторые из них говорили о нем, и один из них заметил: "Что ж, они могут оскорблять этого человека сколько им заблагорассудится; но если бы народ Англии знал его так же хорошо, как мы, они бы и волоска не тронули с его головы". С чем остальные согласились.

Зафиксировано множество случаев, когда моряки рисковали быть застреленными ради того, чтобы хоть мельком увидеть его, и нет никаких сомнений в том, что бедный артиллерист-посыльный был подвергнут неподражаемым нравоучениям о грехе, боли и наказаниях за какое бы то ни было общение с неучтивыми жителями Лонгвуда. За этим добросердечным парнем следили так тщательно, словно ему было поручено увезти императора. Лоу был заражен верой в то, что у него были какие-то тайные замыслы, и если бы за ним не следили пристально, он мог бы начать прогуливаться сам по себе и действительно поговорить с французами, и что тогда могло бы произойти? Этот эпизод был доведен до конца императором, распорядившимся написать предприимчивому моряку доброе письмо и приложить чек на 300. О'Мира говорит: "С помощью какой-то недостойной уловки он не получал его почти два года".

Причина, по которой так много внимания уделяется делу о бюсте, объясняется следующим:—

Лоу, впервые услышав о том, что его высадили на берег, намеревался изъять его и выбросить в море. Впоследствии он завладел этим предметом, намереваясь лично преподнести его в подарок Наполеону. Эта идея сработала не так, как он ожидал, и из-за столь сильного общественного возмущения он приказал отправить бюст в Лонгвуд сразу после своего разговора с Бертраном. Пока Лас Касес ждал в Мангейме в надежде, что патетические обращения, с которыми он обратился к монархам от имени Наполеона, приведут к благоприятному решению, далматинский артиллерист услышал о нем. Он ехал через Германию к себе домой после безуспешной попытки в Лондоне раздобыть деньги, которые Наполеон вложил в свое письмо. Указанная причина заключалась в том, что лица, на которых это было написано, в то время не располагали необходимыми средствами. Лас Кейсес заплатилему и получил соответствующие благословения за свою доброту. Наводчик щедро осыпал Лоу проклятиями. Ему помешали высадиться на острове Святой Елены на обратном пути из Индии, и, если бы не этот злобный поступок Лоу, деньги были бы выплачены немедленно.

Между тем трогательные обращения Лас Кейсов к суверенам остались без внимания. Даже тесть Наполеона, император Австрии, выдавший свою дочь замуж за вершителя судеб Европы, не снизошел до ответа, хотя совсем недавно он получил множество знаков великодушия от французского императора. То же самое, действительно, было и с другими королями и королевами того времени, не исключая Александра Российского; но об этих монархах, которые когда-то требовали союза с Наполеоном и его семьей, но которые теперь были заговорщиками, готовившими крупное убийство, мы расскажем позже.

Примерно три года назад лорд Кейт пришел в ужас, когда капитан Мейтленд сообщил ему на борту "*Беллерофонта*" в Торбее, что герцоги Ровиго, Лаллеман, Монтолон и Гурго заявили, что их император не отправится на остров Святой Елены, и если он согласится, они предотвратят это, что означает, что они скорее покончат с его существованием, чем станут свидетелями его дальнейшей деградации. Лорд Кит возмущен и отвечает сэру Фредерику Мейтленду: "Вы можете сказать тем джентльменам, которые угрожали стать палачами Бонапарта, что закон

Англии присуждает убийц к смертной казни и что определенным последствием такого поступка будет завершение их карьеры на виселице". Вот именно!

Увлекательная маленькая речь благородного лорда вполне соответствует справедливости, но поднимал ли он когда-либо палец, чтобы помешать своим коллегам и их знаменитому заместителю совершить то же преступление на острове Святой Елены, а после гибели того же Бонапарта были ли предприняты какие-либо шаги, чтобы призвать к ответу тех, кого великий солдат последовательно объявлял причиной его преждевременной смерти? Лорд Кит, воздев глаза к небу, сказал: "Англия присуждает смерть убийцам", и в этом мы согласны, но не должно быть тонкого различия в том, кто преступники или по какой причине они это делают. Независимо от того, будет ли человек убит ради блага человечества дружеским выстрелом из пистолета или в результате шестилетнего процесса утонченной жестокости, преступление остается одним и тем же, с той лишь разницей, что (если приходится отнимать жизнь) более милосердно, и это должно быть совершено быстро.

Французы почитали своего императора и не могли вынести его ужасного унижения отрук людей, стоявших бесконечно ниже его, отсюда и мысль о незаконном прекращении его существования. С другой стороны, члены британского правительства были преисполнены надменной праведности; они считали себя наместниками Всемогущего. На торжественном конклаве они постановили, что человек, против которого они вели войну двадцать лет и который только сейчас был побежден стечением обстоятельств, должен быть подвергнут испытанию инквизицией. Если бы он продержался долго, все было бы хорошо, но если бы он поддался их мягкому обращению, их вера была бы непоколебимой в их собственной непорочности. Они совершенно не осознавали, что являются невыразимым выводком пустых, бессердечных посредственностей. Почему лорд Кит не прочитал им, как он это сделал с преданными французами, небольшую проповедь об ортодоксальности виселицы? Они гораздо больше нуждались в его руководящем влиянии.

Британская общественность была обманута самыми недоброжелательными публикациями. Великого пленника сделали настолько опасным животным, что ни солдаты, ни матросы не могли удержать его в повиновении, и рассказы о его злодеяниях на пике его восхитительной славы распространились повсюду. Действительно, ничто не было настолько низменным, до чего могли бы опуститься английская олигархия и французские роялисты.

Какое-то время поток зла не сдерживался. Наконец несколько хороших мужчин и женщин начали говорить правду, и, как будто Природа восстала против негодяйства, которое творилось и творилось сейчас, резкая и бурная реакция охватила общественность. Мужчины и женщины начали выражать те же взгляды, что и матросы капитана Мейтленда, а именно: "Этот человек не может быть таким плохим, каким они его изображают".

Дела Лас были отправлены на Кейп, но его дневник, содержащий беседы, диктовки и общую повседневную жизнь изгнанников с тех пор, как они поднялись на борт *Беллерофонта*, был изъят Лоу, чтобы он мог заглянуть в него в надежде найти крамольные записи. (Можно считать само собой разумеющимся, что никакой хвалебной речи в его адрес там не появилось.) Бедный граф и его сын по прибытии на Мыс были заключены в нездоровую лачугу, и с ними обращались скорее как с рабами на галерах, чем как с человеческими существами. После нескольких недель этого истинно британского гостеприимства при режиме Ливерпуль-Батерст он решает обратиться в последний раз к лорду Чарльзу Сомерсету, тогдашнему губернатору Кейптауна, с

просьбой проявить больше сострадания. Ему сказали, что ничто, кроме собаки или лошади, не привлекает его симпатии или внимания, и он откровенно признает, что совершил ошибку, так резко подумаво его светлости, поскольку его обращение встретило быстрый и щедрый отклик.

Губернатор, действительно, выразил свое сожаление, впервые узнав о болезни графа и условиях, в которых он жил. Он немедленно предоставил в его распоряжение свою загородную резиденцию, слуг и все остальное, что могло бы добавить ему комфорта, и таким образом заслужил вечную благодарность сильно преследуемых отца и сына. Лорд Чарльз Сомерсет, только за этот милосердный поступок, войдет в число добросердечных англичан того беспокойного времени. Похоже, что подчиненные губернатора Кейптауна были полностью ответственны за жестокое обращение, на которое подана жалоба.

Остается загадкой, с какой целью этот джентльмен и его сын были задержаны на мысе. Граф часто указывал на безрассудство своего заключения под стражу и умолял лорда Чарльза разрешить им проехать на небольшом бриге водоизмещением 200 тонн, который направлялся в Европу. Эта просьба была удовлетворена, паспорт выдан, и капитану судна, которое должно было пронестись "на руках у моряков" три тысячи лье, были даны строгие инструкции, что, если он куда-либо дотронется, его пассажиры не должны иметь связи с берегом, а по прибытии в Англию им не должно быть позволено высадиться на берег без получения приказа от правительства.

Какие бы другие обвинения ни выдвигались против ЛАГ, на недостаток мужества ссылаться нельзя. Столь длительное плавание на этом корабле-ракушке является верным свидетельством его преданности и храбрости. Еда и жилье были наихудшими, и хотя рассказ о низком грохоте волн, набегавших на палубы, не очень соответствует настроению моряков, можно не сомневаться, что столь длительный переход не обошелся без некоторых поразительных превратностей.

Наконец, после почти ста дней пути от Кейпа, они благополучно высаживаются в Дувре и направляются в Лондон, чтобы сообщить бессмертному Батерсту о своем прибытии и о своем желании увидеть его, чтобы он мог выслушать некоторые замечания по поводу острова Святой Елены. Этот человек, полный загадочности и достоинства, не соизволил ответить, но отправил посланца министерства сообщить графу, что принц-регент желает, чтобы он немедленно покинул Великобританию. Лас Касес говорит посланнику, что для Его королевского высочества это "очень прискорбное, глупое удовольствие", но он все равно должен уйти, поскольку Англией теперь правит "прискорбное, глупое удовольствие". У него забирают еще одну пачку бумаг, и его отправляют в Остенде, а оттуда в другие негостеприимные страны, и в конце концов он приземляется во Франкфурте.

Граф пишет много умных, довольно длинных, но тревожных писем знатым лордам Англии, членам правительств других стран и каждой коронованной особе, заинтересованной в том, чтобы их маленькое сообщество находилось под надежным и деспотическим контролем на острове Святой Елены. Он направляет петицию в британский парламент, в которой в четких, решающих выражениях излагается очередное обвинение против британского министерства и их агента. Этот документ был отправлен из пустынь Тайгерберга, но, как и во многом другом подобного рода, о нем не было сказано ни слова. Автора, однако, нельзя было одурачить или свернуть с пути, который он считал своим долгом перед своим сильно обиженным императором, поэтому петиция была опубликована и произвела большую сенсацию.

Это нужно было подавить или противодействовать, и поскольку правительство не привыкло к мужественным, прямым действиям, оно вернулось к своему естественному методу интриг и распространению сообщений, которые, вероятно, поощряли и создавали предубеждение против их пленника. Им вменялось, что, пока Конгресс заседал в Экс-ла-Шапель, они испугались дерзкого плана побега. Это было сделано в то время, когда монархи прониклись своего рода сочувствием к человеку, который так часто щадил их и которого их жестокость теперь обрекала на смерть.

Неудивительно, что это Служение маленьких человечков подозревалось в проделках унижительных и вероломных. Рассказы об их искаженных версиях своих бед воздействовали на общественное воображение подобно унылой литании. Огромные сообщества людей начинали понимать, что трагедия разыгрывается во имя святости и человечности.

Каждое агентство, состоящее из хитрых, беспринципных негодяев, было задействовано для изображения императора как отвратительного монстра, которому нельзя позволить пользоваться свободой, столь великодушно данной ему, и который, если получит по заслугам, должен быть закован в цепи. Его изображали страдающим манией бродить по острову с ружьем, отстреливая диких кошек и все остальное, что оказывалось в пределах досягаемости. Сообщалось, что любимчики мадам Бертран, вол и несколько коз стали жертвами этого злобного маньяка. Старый Мончену и Лоу встревожились, как бы он по ошибке не убил какого-нибудь человека; они ломали свои маленькие головы над формой обвинения, если бы такое событие произошло. Должно ли это быть непредумышленное убийство? Этот запутанный вопрос был с трогательной торжественностью представлен на рассмотрение судебных приставов короны для принятия решения, и можно предположить, что даже их чувство юмора, должно быть, пошатнулось, когда они узнали о затруднительном положении губернатора и французского комиссара. Склонность к стрельбе заставила изобретательного Лоу задуматься, и, чтобы удовлетворить ее, он придумал пустить кроликов по течению, но, как обычно, еще одно из его маленьких утешительных соображений оказалось несостоятельным, и план закончился трагически. Стрельба отменяется. Хобби императора сменилось садоводством. Кролики становятся легкой добычей для стаи крыс, которые рыщут по Лонгвуду и вскоре исчезают.

Вполне вероятно, что Наполеон действительно увлекался стрельбой, но хорошо известно, что он никогда не был спортсменом в смысле хорошего стрелка — действительно, все указывает на то, что у него не было вкуса к тому, что обычно называют спортом, и то, что он когда-либо стрелял в детей, коз или быков, крайне маловероятно. То, что он время от времени ходил на охоту и получал удовольствие, убивая крыс и других паразитов, которые делали Лонгвуд невыносимым местом обитания, совершенно верно. Также совершенно верно, что Лоу обезумел от страха, что стрельба может иметь кровавые и далеко идущие последствия. Отсюда и вышеупомянутое сообщение сотрудникам правоохранительных органов.

Нет никаких сомнений в том, как было использовано смехотворное расследование Лоу. Это, должно быть, было передано армии отвратительных клеветников — мужчин и женщин, которые были готовы выполнять самую грязную из всех работ, писать и произносить ложь (иногда отвратительную по своему характеру) о незащитном человеке, чтобы полностью удовлетворить свою мстительность. Огромные суммы ежегодно расходовались только на то, чтобы подвергнуть своего больного пленника пыткам в живом чистилище.

Наполеон не обращал внимания на их глупые рассказы о подвигах стрелков, хотя и знал их основную цель. Это было темное, отвратительное зло, которое ежедневно практиковалось по отношению к нему, которое разъедало, как язва, разум и тело, пока он не превратился в разбитую вдребезги развалину. Именно отвратительное обращение с этим великим человеком заставило доктора Барри О'Мира взбунтоваться и открыто заявить, что пленник острова Святой Елены приговорен к смерти. Как честный человек, он заявил, что не может больше смотреть на это без энергичного протеста. Он знал, что это означало изгнание, остракизм и преследование со стороны правительства. Он предвидел, что против него будут работать могущественные агентства и что не пожалеют средств для того, чтобы опровергнуть его заявления, но он рискнул всем и бросил вызов миру. Он прошел через это испытание, как признают все беспристрастные судьи, с более чистыми руками и языком, чем у тех, кто оспаривал его точность.

Какие бы выводы вы ни делали, искажайте и перевирайте, как вам нравится, несущественные мелочи, основные факты, изложенные О'Мира, никогда по-настоящему не были поколеблены. Более того, его поддерживает сам Наполеон в личных беседах Лоу с ним, и особенно в его письмах губернатору, не говоря уже о существенной поддержке, которую он получает от Лас Касеса, Монтолона, Маршана и Гурго — этого бесстыдного, ревнивого, слезливого предателя своего великого благодетеля.

А еще есть Сантини, чье желание убить губернатора было не совсем безосновательным, и который был депортирован с острова за это и другие нарушения правил. Публикация его брошюры, о которой упоминалось ранее, произвела большую сенсацию, и она разошлась со скоростью лесного пожара. Говорили, что это были измышления, но это были не все измышления. Монтолон сообщает, что Наполеон раскритиковал работу и заметил, что кто-то, должно быть, помогал ему. Что ж, так оно и было. История была рассказана Сантини полковнику Мачерони, итальянцу, и им самим изложена в удобочитаемой форме, но это не умаляет того, что в ней действительно правдиво, и многое из того, что утверждает О'Мира, в ней подтверждается.

Тогда преемнику О'Мира, Антоммарчи, есть что рассказать еще худшую историю. Эти хроники различаются только фразами и деталями, и даже в них есть удивительное сходство. Но когда мы переходим к фундаментальной основе их жалоб, *т.е.* Политике и обращению Лоу и его мирмидонцев, подстрекаемых правительством Метрополии и их последователями, каждая запись несет на себе печать правды — обвинительный акт один и тот же, хотя изложен по-разному.

Некоторые авторы ставят под сомнение подлинность хроникеров острова Святой Елены, не имея при этом никаких оснований для обоснования своих утверждений. Ответ на все это таков: если бы эти люди никогда не написали ни строчки, государственные документы, какими бы хитроумными и изощренными ни были большинство из них, были бы достаточным доказательством, из которого можно было бы сделать неблагоприятные выводы.

Действительно, даже без привлечения к этому государственных документов, перед вами всегда стоит вопиющий факт преднамеренного убийства, совершенного во имя человечности, и если бы я испытывал хоть какое-то желание убедиться в этом, я бы взял в качестве авторитета три тома Уильяма Форсайта, написанные в защиту сэра Хадсона Лоу. Ни одному автору не удавалось так полностью доказать свою правоту. Более того, никогда не приводилось и не может быть приведено никаких веских оснований сомневаться в правдивости слов О'Мира

идругих джентльменов из свиты Наполеона, которые описали свои впечатления о периоде Святой Елены.

Во-первых, те скептически настроенные авторы, которые имеют дело с различными книгами, опубликованными относительно этой части истории Наполеона, не только не были свидетелями всего происходящего, но некоторые из них не появлялись на свет в течение многих лет после ухода Наполеона и его современников. Таким образом, на самом деле все сводится к следующему: знания, полученные скептиками, взяты из документов или книг, написанных по большей части теми самими людьми, на которых, по их словам, не следует полагаться как на правдивую версию всего, что происходило во время их пребывания на острове Святой Елены. Нельзя оспаривать, что эти джентльмены ежедневно и ежечасно общались с английским пленником и, как они утверждают, записывали все, что происходило в разговоре или иным образом выяснялось между ними и императором или кем-либо еще.

История периода острова Святой Елены, написанная авторами, находившимися на месте событий, по мнению автора, на редкость свободна от преувеличений, не говоря уже о неправде. Кроме того, что мог получить кто-либо из них, распространяя искаженные заявления и неправдивую историю? Никто лучше них не знал, что каждая написанная ими строчка будет оспорена теми, кто полагался на жесткие правила, запрещающие все сообщения, кроме тех, которые проходили через руки сэра Хадсона Лоу. Конечно, О'Мира нельзя обвинить в наличии скрытых мотивов, как и любого другого - даже Гурго, который вел себя попеременно то как предатель, то как преданный друг. Один Гурго, по-видимому, страдал манией грешить и каяться, записывая во время своих детских приступов гнева о своих предполагаемых проступках на манжетах рубашки и нередко на ногтях пальцев какое-нибудь неприятное замечание или клеветнические мысли о человеке, чье дружеское отношение к нему было печально известно в кругу Лонгвуда и даже в Плантейшн-Хаусе. Эти каракули предназначались для точной записи в его дневнике, и если раздражительность сохранялась до тех пор, пока он не добирался до этой драгоценной книги, они исчезали в злобной спешке.

И все же этот вспыльчивый, ревнивый хроникер, ведомый слепой страстью, а не разумом, пока им владели подобные настроения, считался авторитетом, на которого можно положиться в том, что касается действий и высказываний Наполеона и его ближайших последователей в "Обители Тьмы". Хорошо известная аксиома гласит, что люди, которые говорят или пишут что-либо, находясь в тисках ревности или вспыльчивости, не могут считаться надежными людьми для подражания, и именно это произошло в случае с Гурго. Он был Петром группы учеников на острове Святой Елены, и можно считать вполне разумным предположить, что те, кто описал генерала как опытного историка, сделали это с целью поддержать предрассудки, большие или малые, против императора.

Но, несомненно, они совершили очень серьезную ошибку, избрав своим героем правдивости человека, который в своем более нормальном и милосердном настроении с поразительной щедростью изливает хвалу и жалость своему императорскому главе.

Позиция О'Мира сильно отличалась от позиции любого другого автора дневников. Он прекрасно понимал, что если он напишет честную историю, это означало бы его полное разорение, и все же он столкнулся с этим лицом к лицу и бросил вызов миру, чтобы тот опроверг его утверждения. "Перед лицом всего мира, - говорит он, - я бросаю вызов расследованию", и "расследование" было проведено с местью, достойной инквизиции. Если бы какое-то слово или

предложение можно было каким-либо возможным способом представить ошибочным, крик осуждения разносился бы из одного конца Европы в другой, но преступление слишком глубоко запало в сердца возмущенной общественности, чтобы эти волнения возымели какой-либо реальный эффект. Могли быть недостатки в дикции и даже в фактах, но отвратительная реальность документальной и устной истории, которая дошла до них, никогда не вызывала сомнений. Великодушие британской нации начало проникаться сочувствием к мученику задолго до его смерти и, конечно, задолго до появления книги О'Мира, хотя приезд доктора в Европу стал поводом для энергичного разоблачения хода великого убийства.

Волна общественного мнения набирала силу; правительство, каким бы глупым и вероломным оно ни было, видело, что она нарастает, и возобновило свои глупые попытки остановить ее, установив чудовищное двуличие дома и на скале мучеников. Действительно, ничто не было ниже их достоинства, пока им удавалось обманывать взволнованное население и достигать своих собственных злых целей.

Но, несмотря на тактику и прискорбное использование предателя Гурго, сочувствие усиливается. В Палате общин часто задают вопросы, на которые даются уклончивые ответы, но реакция настолько очевидна, что лорды Ливерпуль, Каслри и бессмертный Батерст приходят в смятение. Они увидели в приходе к власти партии лорда Холланда полное разоблачение их плохого управления и поворот их политики вспять (если только не клевета называть это "политикой"). Они также знали, что как только общественность по-настоящему осознает совершаемое великое зло, никакое правительство, каким бы сильным оно ни было численно или лично, не сможет противостоять его противодействию. Если бы император прожил еще немного, мстительные люди, замучившие его до смерти, были бы вынуждены уступить не только британскому, но и европейскому негодованию. Общественное мнение заставило бы Администрацию лучше обращаться со своим пленником, потребовало бы его высылки с острова скорби и, вероятно, освобождения. Общественность может быть капризной, но как только она решит что-либо сделать, никакая сила на земле не сможет ее остановить, потому что за ней стоит большая сила. К счастью, или к несчастью, для Bathurst & Co. дух великого пленника покинул портал до того, как были предприняты серьезные общественные действия.

За три года до этого министр по делам колоний в письме Лоу пишет: "Мы должны ожидать, что смещение мистера О'Мира вызовет большую сенсацию, и будет предпринята попытка создать плохое впечатление по этому поводу. Вам лучше сообщить о сути моих инструкций всем, как только вы их выполните, чтобы можно было представить дело так, что мистер О'Мира был смещен не из-за какой-либо ссоры с вами, а из-за информации, предоставленной генералом Гурго в Англии относительно его поведения".^[11]

Читая эти государственные письма, поражаешься их дипломатически (?) хитроумному составу. Кажется, что от начала до конца в них нет ни одной мужественной фразы. Обман, подозрительность, жестокость, завуалированная или явная, а иногда и нотки благочестия и напыщенности подводят итог этим вероломным документам. Несколько выдержек точно передадут характер людей, которые вели переговоры, которые следовало рассматривать как чрезвычайно деликатные.

В феврале 1821 года Батерст пишет Лоу:

"С даты вашего последнего сообщения пройдет достаточно времени, чтобы вы могли составить более точное суждение относительно степени и реальности недомогания генерала Бонапарта. Если ваши наблюдения убедят вас в том, что болезнь была *предполагаемой*, вы, конечно, будете считать себя вправе утаить от него сообщение, которое вы иным образом уполномочены сделать в моем послании № 21" и т.п.

11 апреля 1821 года Лоу пишет Батерсту: "Прилагаемая выдержка из письма графа Монтолона, как обычно, заслуживает прочтения вашей светлостью". (Это, конечно, задумано как остроумие.) "Это можно рассматривать как бюллетень о здоровье генерала Бонапарта, предназначенный для распространения в Париже".

Доктор Антоммарчи в письме синьору Симеону Колонне от 17 марта 1821 года, подробно рассказав о здоровье своего хозяина, климате и т. Д., раздражается абзацем: "Дорогой друг, медицинское искусство ничего не может сделать против влияния климата, и если английское правительство не поспешит удалить его из этой разрушительной атмосферы, Его Величество вскоре, с болью я говорю это, воздаст последнюю дань земле"; и в постскрипуме он добавляет: "Я предлагаю *несомненные факты*, изложенные выше, в противовес беспричинные утверждения в английских газетах относительно хорошего самочувствия, которым, как утверждается, здесь наслаждается Его Величество".

17 марта 1821 года Монтолон пишет принцессе Полине Боргези: "Император рассчитывает, что ваше высочество сообщит о его реальном положении некоторым влиятельным англичанам. Он умирает без помощи на этой ужасной скале; его агония ужасна". В то время, когда Наполеон страдал таким образом, в некоторых министерских газетах были опубликованы письма, якобы пришедшие со острова Святой Елены и утверждавшие, что он находится в полном здравии.

6 мая 1821 года Лоу пишет Батерсту о смерти императора. Это длинная галиматья, которую не стоит цитировать, за исключением того, что он снизошел до того, чтобы позволить предать тело земле с почестями, подобающими генералу самого высокого ранга. Затем следует величественный ответ Батерста. Он говорит: "Я рад заверить вас, что ваше поведение, подробно описанное в этих депешах, получило одобрение Его Величества"; это указывает на то, что Лоу сам не был вполне доволен тем, как к этим излияниям отнесутся его работодатели теперь, когда император стал жертвой их и его собственного жестокого обращения. В своих депешах от февраля и апреля 1821 года он насмешливо называл недомогание Наполеона притворным, а в мае он вынужден был написать о себе как о беспринципном лжеце, но, несмотря на это, его действия получили одобрение начальника палачей, что очень естественно, учитывая, что этот человек считался одним из самых известных негодяев в Европе. Но сэр Хадсон Лоу жаждал одобрения и был так умственно устроен, что считал, что заслужил его, совершая преступления против Бога и человека.

"Каждый хороший слуга выполняет не все приказы, нет никаких обязательств, кроме как выполнять справедливые", но Лоу, в своем стремлении угодить своим работодателям, перешел все границы несправедливости. Каким лишенным человеческого понимания и того, что миссис Карлайл называла "этой проклятой вещью, человеческой добротой", был этот несчастный человек!

Как будет показано ниже, ему не пришлось долго ждать после смерти Наполеона и получения знаков дружелюбия, которые были отправлены ему через министра по делам колоний, прежде

чем он почувствовал, что правительство не склонно взваливать на свои плечи какую-либо часть его общественной непопулярности. Он сделал все возможное или худшее, чтобы сделать ту часть земли, на которой он жил, несчастной для тех, кого он мог бы сделать сносно счастливыми, не нарушая грубых инструкций заведомо тупого правительства. Вместо этого он навлек на себя такое презрение, что император почти при последнем издыхании призвал всех добрых духов свидетельствовать против него и его кровожадных сообщников.

Великий солдат сошел с якоря 6 мая 1821 года, а 7 или 8-го, после долгих переговоров с губернатором, доктор Франсуа Антоммарчи провел вскрытие в присутствии доктора Дж. Шорт, Арнотт, Бертон и Ливингстон. Лоу представлял начальник штаба. Обследование выявило язвенный нарост и неестественно увеличенную печень, что можно считать окончательной причиной смерти, хотя отчет Антоммарчи, несомненно, указывает на фатальный характер климатических условий.

Французы очень хотели, чтобы тело их императора было забальзамировано, но Хадсон Лоу настаивал, что его инструкции запрещают это. Наполеон приказал поместить его сердце в серебряную вазу, наполненную крепким вином, и отправить Марии Луизе. Когда сэр Хадсон Лоу услышал, что это делается, он отдал категорический приказ, запрещающий это, заявив, что ни одна часть не должна быть сохранена, кроме желудка, который будет отправлен в Англию. Естественно, такое вопиющее пренебрежение волей императора вызвало бурное негодование французов и лучших из находившихся там англичан. По-видимому, по этому вопросу последовала долгая и жаркая дискуссия, которая закончилась тем, что губернатору пришлось уступить — не совсем, — но он был вынужден пойти на компромисс, а именно, что сердце и желудок следует сохранить и положить в гроб.

Затем губернатор столкнулся с тем, что для него было еще одним сложным вопросом. Император пожелал, чтобы несколько золотых монет, отчеканенных во время его правления, были похоронены вместе с ним. После серьезного рассмотрения это было милостиво разрешено, но не без предчувствия возникающих из-за этого неприятностей! Что британскому правительству или их идиотскому губернатору было нужно от желудка Наполеона, или почему они отказались позволить забальзамировать его тело, или сохранить его сердце и отправить его жене, одному Небу известно. Они чудовищно надругались над всеми человеческими чувствами, проигнорировав обращенные к ним со всех концов света призывы быть милосердными к сильно страдающему человеку. Лучшие медицинские авторитеты острова хорошо проинформировали их о том, что климат смертельно опасен для такого сложения, как у него. Они игнорировали сообщения об ухудшении его здоровья вплоть до нескольких недель после его смерти, а затем, когда Заклятый враг заявил о своих правах на него, они наводнили Европу сведениями о том, что он скончался от болезни, от которой умер его отец, и что их нежная и доброжелательная забота о нем была напрасной. Прогресс его наследственной болезни проконтролировать не удалось.

Мир быстро начинает осознавать всю подлость всего этого. В их головах никогда не было другой мысли, кроме как о пытках, скрытых или открытых, и ужасающая неуклюжесть их попыток скрыть свои сатанинские замыслы, чтобы они могли предстать в свете благодетельных хозяев, показывает, что они съезжились от возможности публичной мести. К счастью для них, смерть Наполеона произошла слишком близко к ужасному переполоху, вызванному Французской революцией.

На протяжении всей его государственной карьеры вокруг императора бушевали волнения, и могущественные ведомства постоянно выступали против него и его методов. Его приход принес с собой новую форму демократии, которая повсюду свергла олигархию и деспотизм. Его система разрушила и затронула слишком много интересов, чтобы не оставить после себя чувства мести, но этой мести не существовало среди простых людей. Те, кто преследовал простых людей, чувствовали на себе его тяжелую руку. Население мелкими группами поступало к нему на службу только для того, чтобы предать его, когда наступало время суда. Он знал, на какой риск шел, но не уклонялся от него. Он надеялся, что ему удастся склонить их к принятию великих принципов, которых он придерживался, и плана, который он имел в виду.

Его честолюбивым намерением было найти всех, у кого есть талант и характер, и дать им возможность развить свои способности на благо расы. Скромное происхождение не оказало на него сдерживающего эффекта. Его самые блестящие офицеры и высокопоставленные люди происходили из среднего и низших слоев среднего класса, и, если брать их в целом, их преданность никогда не ослабевала, даже во время самых ужасных невзгод, которые когда-либо выпадали на долю смертного человека. Об одном небольшом примере восхищения и сочувствия свидетельствует прекрасное почтение, проявленное офицерами и рядовыми английской армии и флота, которые осквернились перед останками погибшего героя и преклонили колени до земли.

Монтолон говорит, что "некоторые из офицеров просили оказать им честь прижать к губам плащ из маренго, которым были прикрыты ноги императора". Лоу, должно быть, почувствовал укол раскаяния, когда увидел, как эти простые люди, как подобает морякам и солдатам, изливают свою глубокую скорбь. Было сделано все, что могло, чтобы их пленник был расценен как угроза безопасности человечества и полностью забыт; но как бесполезно пытаться выполнить такую задачу, в то время как мир цивилизации управляется человеческими инстинктами, а не варварством!

Сообщение о смерти Наполеона не успокоило европейские кабинеты министров. Они знали об опасности быть охваченными отвращением к чувствам и о том, как трудно остановить массы, как только они придут в движение, и имели место сильные проявления народного возмущения, вырвавшегося на свободу, со всеми ужасными последствиями правления террора. Чувство горя было всеобщим и сильным. Искра могла вызвать большой пожар. Лорд Холланд заявил в парламенте, что те самые люди, которые ненавидели этого великого человека, признали, что за десять веков на земле не появлялось более экстраординарной личности.... "Вся Европа, - добавил он, - носила траур по герою"; и тем, кто внес свой вклад в эту великую жертву, суждено стать объектами проклятий как нынешнего поколения, так и потомков.

Как раз в то время, когда великий дух героя направлялся на Елисейские поля, чтобы там, как он обычно причудливо предвещал, встретиться со своими храбрыми товарищами по оружию, которые предшествовали ему, необычайно сильная буря разразилась над "обителью тьмы и преступлений". Дома были разрушены до основания; любимая ива, на которой он часто сидел и наслаждался свежим бризом, была вырвана ураганом, как, впрочем, и другие деревья вокруг Лонгвуда. Это ужасное возмущение стихий было характерно истолковано как голос живого Бога, возвещающий миру, что Император с грохотом возносится в вечность, чтобы встретиться со своим Создателем и быть судимым Им за те проступки, в которых, по словам его политических и других оппонентов, он был виновен по отношению к ним самим и человечеству в

целом. В истинно британской ортодоксальности Великий Судья всегда считается соотечественником, и сэр Вальтер Скотт не единственный, кто считает это феноменальное возмущение признаком грядущей мести английскому узнику. Шотландский бард не совсем беспристрастен в проводах изгнанника. С великим корсиканцем он связывает еще одну колоссальную личность. Напомним, что лорд-протектор подобным же образом был перенесен из времени в вечность на крыльях разрушительного торнадо. Бедный Оливер! чей боевой клич был "Господь Саваоф", и кто никогда не сомневался, что он был верховным комиссаром, посланным Всемогущим очистить землю от злонамеренных роялистов, предателей, папистов и других неуправляемых существ в Ирландии и других местах.

Похоже, этим джентльменам, чьи мысли были сосредоточены на Священном Писании и они находили утешение в поддержке, которую оно придавало их утверждению, не приходило в голову, что Великий Бог, вместо того чтобы заставить природу разразиться такой ужасной яростью, чтобы выразить Свое недовольство этим замечательным человеком, созданным по Его образу и подобию и посланным Им служить как божественной, так и человеческой цели, использовал накопленные природные силы, чтобы показать Свой гнев в кульминации самой жестокой трагедии, которая когда-либо совершалась.

Добрый сэр Уолтер и елейный набожный биограф сэра Хадсона, очевидно, потрясены совпадением того, что шторм и смерть Наполеона наступили одновременно. Для них это глас Божий, возвещающий радость по поводу того, что враг британской расы вынужден понести наказание за все зло, которое он совершил. Это очень утешительный вывод, к которому можно прийти после того, как шесть лет продержали свою жертву на дыбе и двадцать лет воевали с ней, но неужели им никогда не приходило в голову, что величайшая жертва, когда-либо приносимая, достигла кульминации именно в таких природных беспорядках и что в то же время "завеса в храме разорвалась надвое"?

К счастью для справедливой славы прав человека, многие авторы истории Наполеона преодолели национальные предрассудки и робость и излагают взгляды, сильно отличающиеся от взглядов сэра Уолтера и неинтересного защитника Лоу; и чем беспристрастнее умы, исследующие как первую, так и последнюю фазу его экстраординарной карьеры, тем больше будет казаться, что он был не врагом, а могущественным реформатором человечества. Он снова и снова клялся, что "никогда не побеждал, разве что для собственной защиты, и что Европа никогда не переставала воевать против Франции и ее принципов". И снова он заявил: "Одной из моих великих целей было сделать образование доступным для всех. Я распорядился, чтобы каждое учреждение было сформировано по плану, который предлагал обучение населения либо бесплатно, либо по такой умеренной ставке, которая была бы не по средствам крестьянину. Музеи были открыты для *канарейки*. Моя *каналья* стала бы самой образованной в мире. Все мои усилия были направлены на то, чтобы просветить широкие массы нации, вместо того чтобы растлевать их невежеством и суевериями". Эти идеалы разительно контрастируют с политикой европейской олигархии, которая боролась за подавление знаний и восстановление наихудшей формы суеверия и деспотизма.

Прискорбна мысль о том, что нации (и особенно Великобритания), объединившиеся против этого человека из народа и пославшие его на бесчеловечную смерть, могли бы спасти себя от вечного осуждения будущих веков, если бы заключили с ним мир, как сделал бы проницательный Чарльз Джеймс Фокс, будь он жив. Если бы они были мудры, они бы

воспользовались его несравненными способностями и уравновешенным умом, чтобы способствовать возрождению человеческого хаоса, который был одновременно причиной и результатом Революции. Прежде всего, если бы "свободолюбивая" британская нация была верна своим провозглашенным принципам, она либо осталась бы в стороне от бушевавшего конфликта, либо нашла бы какие-то почетные средства сотрудничества с ним и тем самым заслужила долю славы, которая навечно будет связана с его именем в великих усилиях по искоренению рабства и улучшению положения масс.

Вместо этого она подло связала свою судьбу с предателями Франции и союзниками Европы, чтобы свергнуть монарха, избранного французским народом, и поставить на его место короля, которого им навязали союзники, а не народ Франции. Это странная пародия на "Свободолюбивое" правительство. Если бы великий квакер остался у власти, а не Питт, который всегда пребывал в состоянии хронического страха и ныл, что никогда не переживет крах своей страны, реки британской крови, которые были пролиты, и восемьсот миллионов фунтов стерлингов долга не были бы растрочены впустую. Все это было сделано по приказу нескольких человек, которым было доверено управление великой нацией, и либо из-за гнусного обмана, либо из-за явной неспособности судить о соответствии вещей, возникло убеждение, что они обязаны поддерживать баланс сил или *статус-кво*, которое оказалось под угрозой, и что единственный человек, который расстроил их нервы и навлек на себя их ненависть, должен быть устранен любой ценой.

Совершенно очевидно, что Англия могла бы легко удержаться в стороне от континентальной смуты, если бы правительство состояло из талантливых людей исвободных от олигархических предрассудков, тогда как все, что мы получили от этого, плюс потеря жизней и сокровищ, - это доля в сомнительной славе Ватерлоо, опека над великой фигурой, которую предали некоторые из его собственных подданных, "позор от того, что его смерть была завещана правящей семье Англии", и тот факт, что Людовик XVIII, по его собственному признанию французскому народу, был поставлен под удар. трон принадлежит нашему собственному драгоценному принцу-регенту.

Это лишь некоторые из результатов, которые не должны заставлять нас гордиться этой частью нашей истории. Но мы далеко продвинулись с тех дней жестоких действий. В нынешнюю эпоху не могло произойти ничего, даже отдаленно напоминающего это вероломство. Немыслимо, чтобы мудрый, миролюбивый монарх-миротворец на троне или его министры и народ допустили бы бессмысленные ошибки, которые опозорили наше имя в начале девятнадцатого века. Даже если допустить, что мы неизбежно должны были развязать войну против главы французской нации, ничто и никогда не сможет стереть пятно от того, что мы отказали ему в убежище, о котором он просил, после того, как мы приняли столь большое участие в его падении. В следующем письме принцу-регенту он попросил разрешения быть гостем Англии, и Англия сделала его своим пленником. Вот документ: —

"Забава тех фракций, которые разделяют мою страну, и объект враждебности величайших держав Европы, я завершил свою политическую карьеру и пришел, подобно Фемистоклу, посидеть у очага английского народа. Я отдаю себя под защиту их законов, которых я требую от вашего королевского высочества как самого могущественного, самого постоянного и самого великодушного из моих врагов". Если бы это было предоставлено английскому народу, а не

правительству и Его Королевскому Высочеству, я не думаю, что этот достойный призыв был бы полностью проигнорирован, поскольку ссора Наполеона была не с народом.

Они знали, что именно олигархия боялась и ненавидела его. Поговаривали, что даже Его Королевское высочество оказал бы гостеприимство, и это спасло бы нацию, которой он правил, от вечного проклятия, если бы он был достаточно силен, чтобы противостоять ошибочному решению мстительного министерства.

Ни один беспристрастный исследователь роли, сыгранной Наполеоном в течение двадцати лет войны, не станет отрицать, что учреждения, которые он основал, законы, которые он издавал, и его способ правления, где бы он ни был установлен, были благотворными и полностью были направлены на устранение неравенства, кульминацией которого стало великое национальное восстание. Его диктатура осуществлялась с помощью здоровой дисциплины, без ненужного использования плети. У него не было четкой максимы обращения с неуправляемыми людьми, но его ужасная власть заставляла их чувствовать, что он проводит различие между вечной справедливостью и тиранией. Он знал и дал понять всем остальным, что в сложившихся обстоятельствах слишком большая свобода была бы подобна яду для некоторых людей. Когда он сказал: "Больше никакого этого", агрессоры поняли, что доктрина братства в том виде, в каком они ее понимают, не должна распространяться дальше.

Несмотря на его методы порицания и сдержанности, массы боготворили его, даже те, против кого он вел свои армии и кого так часто побеждал. Даже в нашей собственной стране, где вражда против него усердно подогревалась прессой и другими агентствами, была важная часть, которая считала, что мы ставим свои деньги не на ту лошадь. Эта идея не ограничивалась беднейшими классами. Многие из наших лучших и мудрейших государственных деятелей были решительно против этой враждебной политики по отношению к нему.

Он голодал на улицах Парижа, продал свои драгоценные книги и другие пожитки, чтобы купить хлеба и прокормить себя и своего горячо любимого брата Луи, который в последующие годы относился к нему с низкой неблагодарностью. Он терпел ужасные лишения в пронзительные морозные ночи из-за отсутствия огня, света, иногда и достаточной одежды. Неудивительно, что он думал покончить со своими горестями, бросившись в Сену.

Но появился проблеск света и вывел его из оцепенения отчаяния. В час испытания ему было дано понять, что усталость должна прекратиться и что он предназначен для других дел, и для того, чтобы выполнить их, он должен быть сильным и отважным. Судьба, удача и таинственное Провидение нашли в нем неукротимого вождя, гению которого было предназначено изменить облик Европы. Как и все крупные люди, вышедшие из безвестности и смертоносной бедности и вышедшие на сцену, чтобы навести порядок в суматохе и хаосе, его враги, по природе вещей, были многочисленны и плодовиты. С самого начала он применил метод, которым так часто внушал своим солдатам накануне битвы, а именно: "Вы не должны бояться Смерти, мои ребята. Бросьте ему вызов, и вы загоните его в ряды врага".

Одно из обвинений, выдвинутых против него безмятежными критиками, желавшими показать его слабые стороны, заключается в том, что он был слишком беспечен и снисходителен к грызущемуся гнезду наемных убийц, которые рыскали переодетыми, жаждая его крови. Несомненно, что во многих случаях милосердие было его ошибкой, и это, без сомнения, способствовало его гибели; но в то же время есть достаточно доказательств того, что он

достаточно хорошо знал, где находятся его враги, и всякий раз, когда достоинство и безопасность государства подвергались опасности, он не замедлял наказывать. Его привычка была не слабостью, а всего лишь слишком легкомысленным отношением к собственной личной безопасности.

СНОСКИ:

[1] Монтолон, "История пленения Наполеона", стр. 326. Редактор говорит, что этими подробностями он обязан официальным отчетам, опубликованным в то время французским правительством.

[2] Так арабы называли Наполеона. "Кебир" означает "великий" (Монтолон, том iv, стр. 245).

[3] Эти слова были продиктованы Лас Кейсу Наполеоном на острове Святой Елены в 1819 году (стр. 315, том iv., его дневника).

[4] См. стр. 183, том i, "Плен Наполеона".

[5] О'Мира в своем втором томе, стр. 134, заявляет: "Император был настолько твердо убежден в том, что будет предпринята попытка насильственного вторжения в его частную жизнь, что вскоре после отъезда сэра Джорджа Кокберна он всегда держал в своих покоях четыре или пять заряженных пистолетов и несколько шпаг, с помощью которых он был полон решимости отправить первый, кто вошел сюда против своей воли.

[6] См. стр. 299, "Плен Наполеона" Монтолона, том i.

[7] См. стр. 301, том i, "Плен Наполеона".

[8] См. стр. 57-62, инцидент с задержанием.

[9] Добродушный Джозеф небрежно относился к письмам, что еще больше доказало бы подлость олигархии. Во многих случаях эти письма были заявками на территорию. Он доверил их своему низкому другу, который предложил их различным правительствам за 30 000 фунтов стерлингов. Сообщается, что российский посол заплатил 10 000 фунтов стерлингов, чтобы заполучить материалы, касающиеся его хозяина. Его величество Пруссии, похоже, положил глаз на Ганновер. Он всегда питал отеческое уважение к этой стране. Монархи в целом, похоже, сильно скомпрометировали себя в своих усилиях по обеспечению безопасности территории.

[10] См. "Montholon", том. iii, стр. 37.

[11] Это наглая ложь. Ссора произошла с Лоу из-за того, что доктор отказался быть его сообщником.

ГЛАВА II

ЧЕЛОВЕК РЕВОЛЮЦИИ — КРИТИКА, СОВРЕМЕННАЯ И НЕ ТОЛЬКО

9 мая 1821 года бранные останки Изгнанника были преданы земле в месте, называемом Долиной Наполеона. Он выбрал это место на тот случай, если Власти не разрешат перевезти его останки во Францию или Аяччо. Лоу хотел надписать на крышке гроба "Наполеон Бонапарт", но его последователи совершенно справедливо побрезговали предавать покойного императора и настояли на том, чтобы у него был "Наполеон" и ничего больше. Губернатор был категорически против этого, поэтому его похоронили без указания какого-либо имени на гробе.^[12]

Возможно, один из самых потрясающих пассажей бессознательного юмора передан Форсайтом (том iii, стр. 288), где Лоу вынужден сказать майору Горрекеру и мистеру Генри, когда они вместе шли перед дверью Плантейшн-Хауса, обсуждая характер Наполеона: "Что ж, джентльмены, он был злейшим врагом Англии и моим тоже; но я прощаю ему все. В связи со смертью такого человека, как он, мы должны испытывать только глубокую озабоченность и сожаление". Форсайт считает это великолепным великодушием со стороны своего героя.

Не записано, что думал по этому поводу доблестный майор, но можно считать само собой разумеющимся, что если бы мистер Генри и Горрекер вообще обладали хоть каким-то чувством юмора, комментарий Лоу, должно быть, прозвучал бы очень комично, зная, что они делали об отношениях между покойным монархом и его опекуном, хотя следует сказать, что Генри, похоже, был единственным человеком, который мог подобрать сочувственные слова для сэра Хадсона. Форсайт в томе iii, стр. 307, говорит: "Никто не может изучать характер Наполеона, не будучи пораженным одной преобладающей чертой - его сильным эгоизмом". Это замечательное заявление для любого человека, претендующего на то, чтобы писать точную историю, и убедительно доказывающее, что Форсайт не "изучал" "характер" Наполеона, иначе он обнаружил бы, что не только его ближайшие друзья, но и некоторые из его злейших врагов отдадут ему должное, утверждая прямо противоположное тому, что говорит о нем этот автор.

Мистер Генри, принимавший участие в вскрытии трупа, говорит, что лицо наполеона имело удивительно безмятежное выражение, свидетельствовавшее о мягкости и мягкосердечии, и те, кто смотрел на черты лица, когда он лежал в неподвижном покое смерти, не могли удержаться от восклицания: "Как красиво!" После этого прекрасного описания, сделанного другом сэра Хадсона, Форсайт добавляет сноску: "Френологам может быть интересно узнать, что органы борьбы, причинности и филопрогенитивности были сильно развиты в черепе"! Чтобы доказать обвинение в эгоизме, он приводит старую знакомую историю развода: "Запоминающийся пример этого (*т.е.* эгоизма) имеет место в его обращении с благородной Джозефиной".

Эта вспышка явно рассчитана на эффект, но Форсайту не удается привлечь любезную императрицу к себе на помощь; ибо какими бы добродетелями она ни обладала, подлинная история показывает ее полной противоположностью "благородному уму". Те, кто близко знал эту даму, с подчеркнутой щедростью отзываются о ее милости, но они также отмечают бесстыдную привычку изменять ее мужу в то время, когда он изливал ей томы любви из Италии. И она, кажется, дала себе волю во время его пребывания в Египте. У своенравной, слабой Жозефины было много любовников, которых отбирали не слишком тщательно.

Со времени ее брака с Наполеоном и до тех пор, пока она не услышала о том, что он находится на пути из Египта во Францию, ее любовные интриги были хорошо известны, и ее любовники определенно не были людьми с высокой общественной репутацией. Короче говоря, Джозефина была кем угодно, только не "благородно мыслящей". Она была убежденной и дерзкой кокеткой, пока суровые реалии расторжения брака не привели ее в чувство, и с того времени, пока не произошел крупный политический развод, она, похоже, держалась подальше от дальнейших любовных интриг. Привязанность Наполеона к ней была очень искренней и оставалась непоколебимой вплоть до момента ее смерти, и даже на острове Святой Елены он всегда говорил о ней с большим почтением. Форсайт не укрепляет репутацию Лоу и не наносит ущерба репутации Наполеона популярным использованием им расторжения брака маленькой креолки, о достоинствах которого можно будет подробнее рассказать позже, поскольку это тема сама по себе, и эта ссылка на важный эпизод в истории ее мужа лишь между прочим.

Тем временем останки императора в слоях гробов, сделанных из дерева, олова и свинца, были герметично запечатаны, а гробница, надежно забитая цементом и плитой, была надежно огорожена, чтобы предотвратить вторжение сочувствующей и любопытствующей публики. Его могила была оставлена на попечение британского гарнизона, а герои, которые последовали за ним в могилу и разделили его мученичество и изгнание на этой роковой скале в течение шести смертных лет, были погружены на борт "*Кэмела*" и доставлены в Англию, где их встретила группа заплесневелых бюрократов, пораженных подозрением, что изгнанники, возможно, принесли с собой дух своего умершего хозяина, с целью вызвать кровавую реакцию в его пользу, нарушив мир в Европе - как будто в Европе не было ни одного по—настоящему мирного дня с момента начала войны. падение империи!

Эти образцовые люди сталкивались с трудностями, почти превосходящими человеческую выносливость, и переносили их с великолепной стойкостью духа. Их миссия состояла в том, чтобы выполнить предсмертный приказ героя, которого они обожали и который пал жертвой гостеприимного обращения Батерста, Каслри, Ливерпуля и Веллингтона и их сообщников. Эти виновные, чьи имена, как ни странно, столь же бессмертны, как и имя их жертвы, охотно сделали бы вид, что, если бы он не умер от рака желудка, он не мог бы умереть ни от чего, кроме крепкого здоровья, благодаря целебности выбранного ими климата и непревзойденной заботе, которую они проявили о его персоне через бессмертного Лоу.

Примечательно, что эти люди не имели представления о великом существе, над которым они проявляли жестокость. Это действительно странный каприз природы, который делает возможным, что человеческий разум может думать о Наполеоне и этих бюрократах одновременно, но это часть тайны, которая на данном этапе не может быть понята. Возможно, время раскроет этот феномен, и в грядущие годы духи справедливости будут громко взывать к реальному оправданию характера человека Французской революции, и, действительно, может случиться так, что ужасное возмездие приближается. Кто знает? Ватерлоо и остров Святой Елены еще могут стать немезидой врагов великого императора. Очевидно, у него были видения, как и у его соотечественницы Жанны д'Арк, которую постигла еще более жестокая участь, чем его, от рук нескольких кровожадных английских дворян, которые опозорили имя солдата, не только позволив сжечь ее, но и продав паразитическим епископам с этой целью. Нет ничего странного в том, что Орлеанская дева, принявшая мученическую смерть за сверхъестественную роль, которую она сыграла в борьбе за своего короля и страну, 18 апреля 1909 года стала святой Римско-католической церкви во всем мире, равно как и в том, что папа Римский совершил

церемонию. Англичане продали ее. Церковный суд, возглавляемый печально известным епископом Бове, приговорил ее к сожжению как ведьму, и когда пламя пожирало ее, раздался крик "Иисус". Английский солдат, стоявший рядом, был настолько поражен ужасным злодеянием, творимым англо-французским церковным союзом, что крикнул: "Мы погибли! Мы сожгли святого!"

Солдат сразу понял, что дочь рабочего из Домреми была "святой", но Церкви, к которой она принадлежала и представители которой сожгли ее как ведьму, потребовалось пять столетий, чтобы официально причислить ее к лику блаженных. Правда, этот этап постепенно был доведен до возведения памятников в ее честь и славу. Шинон отличился этим, предположительно потому, что именно там Жанна брала интервью у некоронованного тогда Карла и заставила его взять ее к себе на службу рассказом о том, как она услышала небесные голоса на ферме Домреми, требующие, чтобы она выступила освободительницей Франции.

Признание притязаний Наполеона не на "святость", а как благодетеля человечества также, несомненно, придет, но в его случае требование будет исходить не от Церкви, а от непреодолимого голоса всего Человечества.

Страна Жанны находилась в состоянии войны уже сто лет. Разоренный иностранными захватчиками и обезлюдивший от чумы, он кипел гражданскими раздорами и изменой национальному делу, многие из самых влиятельных мужчин и женщин, как открыто, так и тайно, переходили на сторону врага. Кризис достиг той точки, когда эта скромная, необразованная, ясноумная, бесстрашная девушка была отправлена своими "голосами" на место битвы, чтобы вселить надежду и энтузиазм в сердца своего народа. За несколько недель она завоевала доверие, разбила захватчика и короновала недостойного Карла VII. Через двадцать лет после того, как они сожгли ее, на французской земле почти не ступала нога иностранца.

Есть еще одно сходство между крестьянской девушкой и Наполеоном. Она была приведена на помощь своей стране голосами невидимых, и четыреста лет спустя, когда ее страна снова оказалась в страшной беде, он был найден в неизвестности и почти сверхъестественным образом проявил выдающуюся активность, чтобы спасти Революцию. Это были голоса живых, видимых и невидимых, которые громко призывали маленького Капрала вести в бой, завоевывать и, в конечном счете, править. Это были одни и те же голоса, которые заинтриговали его, а затем разразились речью и потребовали отречения накануне его первого реверса. Церковь, которая была обязана ему своей реабилитацией после того, как он установил во Франции стабильное правительство, принимала немалое участие в заговоре с целью его свержения. Он сказал: "Есть только один способ приобрести хорошие манеры, и это установление религии". Он верил в это и делал это, несмотря на бурю сопротивления, которая оттолкнула бы менее решительного человека от власти, но он прекрасно знал свою силу и тогда, как всегда, был уверен в своем мнении.

Церковь и те люди, которые становятся союзниками ее материальной политики, склонны уничтожать тех, кто служил их делу. На самом деле нет общества мужчин и женщин, которые были бы настолько мстительными, более того, мстительными, как только они осознают, что ими пренебрегают или что их интересы не получают всего того покровительства, которого, по их мнению, они заслуживают, а затем, после нескольких поколений размышлений, их переполняет елейная святость и раскаяние, и они продолжают делать святыми жертв своих прародителей, чтобы предательство, с которым они исторически связаны, было обелено и искуплено.

Наполеон верил, что "Никакая физическая сила никогда не умирает; она просто меняет свою форму или направление" — и если бы мы могли хотя бы мельком заглянуть за завесу, мы могли бы увидеть его нетленную душу, порхающую от сферы к сфере, борющуюся с жестокими реакционными духами, которые отправили его в вечность до завершения работы, которую он был послан выполнять.

Виланд, немецкий писатель, взял у него интервью на поле Йены. Он говорит: "Меня представила герцогиня Веймарская. Он сделал мне несколько комплиментов приветливым тоном и пристально посмотрел на меня. Мне показалось, что немногие мужчины обладают в такой же степени искусством читать с первого взгляда мысли других людей. Он сразу понял, что, несмотря на мою известность, я прост в манерах и лишен претензий, и, поскольку он, казалось, желал произвести на меня благоприятное впечатление, он взял тон, наиболее подходящий для достижения своей цели. Я никогда не видел никого более спокойного, более простого, более кроткого или менее показного внешне; ничто в нем не указывало на ощущение власти великого монарха; он говорил со мной, как старый знакомый говорил бы с равным, и, что было еще более необычно с его стороны, он беседовал исключительно со мной в течение полутора часов, к великому удивлению всего собрания".

Затем Виланд продолжает рассказывать, о чем был разговор. Наполеон "предпочитал римлян грекам. Вечные склоки их мелких республик не были рассчитаны на то, чтобы породить что-либо великое, тогда как римляне всегда были заняты великими делами, и именно благодаря этому они воздвигли Колосса, который восседал верхом на мире.... Он любил только серьезную поэзию, патетических и энергичных писателей и прежде всего трагических поэтов".

Виланд почувствовал себя настолько непринужденно (так он говорит), что осмелился спросить, как получилось, что общественное поклонение, восстановленное Наполеоном во Франции, не было более философским и не соответствовало духу времени. "Мой дорогой Виланд, - последовал ответ, - религия предназначена не для философов! они не верят ни в меня, ни в моих священников. Что же касается тех, кто действительно верит, то было бы трудно дать им или оставить им слишком много чудесного. Если бы мне пришлось создавать религию для философов, это было бы прямо противоположно религии легковой части человечества".^[13]

Частная беседа с ним швейцарского историка Мюллера в этот период весьма примечательна и показывает, какими обширными знаниями и представлением о вещах обладал император. Ничто так ясно не показывает его собственный план регулирования и руководства делами вселенной на благо всех. Он говорит Мюллеру, что тот должен завершить свою историю Швейцарии, что даже в более поздние времена был свой интерес. Затем он перешел от швейцарцев к древнегреческим конституциям и истории; к теории конституций; к полному разнообразию конституций в Азии и причинам этого разнообразия в климате, полигамии, противоположных характерах арабской и татарской рас, особой ценности европейской культуры и прогрессу Свободы с шестнадцатого века; как все было связано друг с другом и в непостижимом руководстве невидимой руки; как он сам стал великим благодаря своим врагам; великая Конфедерация наций, идея которой принадлежала Генриху IV; основа всех религий и развитие свободы с шестнадцатого века. его необходимость; этот человек не мог вынести ясной истины и нуждался в том, чтобы его держали в порядке; допуская, однако, возможность более счастливого положения, если прекратятся многочисленные междоусобицы, вызванные

слишком сложными Конституциями (такими, как немецкая) и невыносимым бременем, которое несут государства из-за чрезмерных армий.

Эти мнения ясно обозначают руководящие мотивы попыток Наполеона навязать различным нациям единообразие институтов и обычаев. "Иногда я возражал ему, - говорит Мюллер, - и он вступал в дискуссию. Совершенно беспристрастно и правдиво, как перед Богом, я должен сказать, что разнообразие его знаний, острота его наблюдений, основательность его понимания (не ослепительное остроумие), его грандиозные и всеобъемлющие взгляды наполнили меня изумлением, а его манера говорить со мной - любовью к нему. Своим гением и бескорыстной добротой он покори́л и меня".^[14] Замечательные показания Виланда и Мюллера, выдающихся людей, имеют более чем обычную ценность, поскольку они не были его соотечественниками, но были на стороне тех, кто вел войну против него. Мюллер признает, что он победил его, и мир должен признать, что он постепенно, но верно побеждает, несмотря на колоссальную клевету, которая была произнесена и написана о нем с очевидной целью оправдать пуритан и выставить его в качестве Раскольника и антихриста, чья жажда крови, чтобы он мог достичь славы, была его неиссякаемым увлечением. Для них он - Людоед, который потрясает силу веры, и все же он бросает вызов всему миру, чтобы доказать, что он когда-либо объявлял войну или совершил хоть одно преступление во время всего карнавала войн, который залил Европу человеческой кровью.

До настоящего времени миру, к сожалению, не удавалось сделать ничего подобного. Его противники, клеветники и потомки его подлых палачей - все теряют позиции, а он везде выигрывает. Невидимая рука работает, раскрывая ужасную правду. Этот достойный, спокойный, непритязательный человек, окруженный толпой королей и принцев, которые соревновались друг с другом, чтобы оказать ему почтение и показать свою преданность, поразил их, рассказав историю о том, как он был "простым лейтенантом 2-й артиллерийской роты". Возможно, было замечено, что некоторые из его гостей напускали на себя вид, который всегда был неприятен императору, и это был его презрительный способ упрекнуть их. Или, возможно, он хотел воспользоваться случаем и сообщить Европе, что у него не было желания скрывать свое скромное начало, хотя в то время он был признан в ней первым человеком. Историки, когда он был на пике своего могущества, усердно рылись в заплесневелых архивах, чтобы выяснить и доказать, что в нем течет королевская кровь. Они утверждали, что обнаружили, что он связан с княжеской семьей Тревизо, и комичная манера, с которой он презрительно отмахивался от этой льстивой речи, должно быть, уязвила гордость придворных, добивавшихся благосклонности такими методами.

Касаясь идеи королевской крови, Гурго в своем Дневнике рассказывает, что император рассказал ему следующие истории:

"Одно время в мое правление было принято считать, что я потомок Человека в Железной маске. Губернатора Пиньероля звали Бомпарс. Говорили, что он выдал свою дочь замуж за своего таинственного пленника, брата Людовика XIV, и отправил пару на Корсику под именем "Бонапарт", а затем с тонким юмором добавляет: "Мне стоило только произнести это слово, и все бы поверили в эту басню".

Он никогда не забывал, что он Наполеон, поэтому никогда не произносил этого слова.

Его неискренний тесть тоже усердно искал особ королевской крови, и вот что говорит о нем его зять:-

"Когда я собирался жениться на Марии Луизе, ее отец император прислал мне коробку с бумагами, призванными доказать, что я происхожу от герцогов Флоренции. Я расхохотался и сказал Меттерниху: "Неужели вы думаете, что я стану тратить время на подобную глупость? Предположим, это было бы правдой, какая мне от этого была бы польза? Герцоги Флоренции были ниже по рангу императоров Германии. Я не буду ставить себя ниже своего тестя. Я думаю, что такой, какой я есть, я ничем не хуже его. Мое дворянство происходит от Монте-Нотте. Верните ему эти бумаги". Меттерних был очень удивлен".

Франциск Австрийский, должно быть, почувствовал себя сбитым с толку упреком своего бесцеремонного родственника, который всегда был человеком суровой реальности — слишком большим, чтобы его ослепляли заплесневелые свидетельства королевской крови. Ни пышность, ни церемонии не привлекали его, за исключением тех случаев, когда это могло служить цели произвести впечатление на других. Буррьен, бесстыдный хищный предатель, сказал в своих воспоминаниях, что, когда резиденция правительства была перенесена из Люксембурга в Тюильри, Первый консул сказал ему: "Вам очень повезло; вы не обязаны выставлять себя на посмеище. Мне приходится разъезжать с кортежем; это наводит на меня скуку, но привлекает внимание людей".

Редерер в своих мемуарах рассказывает практически то же самое, только то, что это касается вопроса о титуле и, предположительно, исследований для подтверждения его королевского происхождения.

Здесь снова проявляется его твердый практический взгляд на вещи и его полное безразличие к величию или генеалогическим различиям. Он говорит: "Как кто-либо может притворяться, что пустые имена, титулы, данные ради политической системы, могут хоть в малейшей степени изменить отношения человека с его друзьями и единомышленниками? Меня называют сир, или императорское величество, и никто в моем доме не верит и не думает, что из-за этого я другой человек. Все эти титулы являются частью *системы*, и поэтому они необходимы". Он всегда заканчивает свои излияния убедительной мудрости тем, что четко разъясняет свою позицию.

Автор мог бы процитировать страницы хвалебных речей в его адрес от самых выдающихся людей любой национальности. Нет никаких достоверных свидетельств того, что он когда-либо добивался лести, которая расточалась ему; более того, он, похоже, попеременно был в настроении игнорировать ее или высмеивать. Однажды он написал королю Жозефу: "Я никогда не добивался аплодисментов парижан; я не оперный монарх".^[15]

Сегье говорит:—

"Наполеон выше истории человечества. Он принадлежит к героическим периодам и неподвластен восхищению".^[16]

Известный англичанин, лорд Эктон, говорит (как и Мюллер), что "его доброта была самой великолепной из всех, что появлялись на земле". И есть бесчисленные примеры, доказывающие, что его сочувствие и доброта к тем, кто, как известно, их не заслуживал, были для него роковой страстью. Но нет такого мнения, каким бы грубым оно ни было, которое так сильно трогало бы человека, как мнение простых английских моряков, сказавших на Эльбе, что

"Бони все-таки был чертовски хорошим парнем". "Они могут говорить об этом человеке все, что им заблагорассудится, - сказал один из членов экипажа *"Нортумберленда"*, - но я не поверю тому плохому, что они говорят о нем", и *этой* точки зрения, похоже, в целом придерживались люди, составлявшие экипаж судна, доставившего императора на остров Святой Елены. Примечательно, что у английских военных моряков, а также у моряков торгового флота тех тревожных времен, должно было сложиться столь благоприятное впечатление о Наполеоне, тем более что английская пресса была полна враждебности по отношению к нему. Статьи, приписывающие все формы неопишуемого скотства, коррупции, вопиющей жестокости его солдатам, подчиненным офицерам и даже маршалам, появлялись с постыдной регулярностью. В эти статьи были включены как самые абсурдные, так и самые серьезные обвинения.

Я привожу следующую историю в качестве примера и воспринимаю ее, в частности, как вполне серьезно цитируемую некоторыми антинаполеоновскими авторами в попытке подкрепить слабое обвинение. Предрассудки и искаженное видение помешали им увидеть абсурдность подобных попыток очернить характер Наполеона. Пусть судит читатель!

Рассказывают, что во время заключения Конкордата Наполеон заметил сенатору Волни: "Франция хочет иметь религию". Смелым (!) ответом Волни было: "Франция хочет бурбонов", и вслед за этим предполагается, что на императора напал приступ неуправляемой ярости, и он ударил сенатора ногой в живот!

Более серьезные обвинения включали инцест с его сестрой Полиной и падчерицей Гортензией, а также отравление его пораженных чумой солдат в Яффо.

Говорили, что его дворцы были гаремами, а его распутство заставляло краснеть восточных властителей. Эти противники человеческой справедливости были настолько усердны, что незадолго до разрыва Амьенского мирного договора сочинили глупую историю о том, что Наполеон совершил жестокое нападение на лорда Уитворта, британского посла. Он был так яростен в своих жестах, что посол испугался, как бы Первый консул не ударил его. Даже Оскар Браунинг обязан опровергнуть эту недостойную выдумку как абсурдную на первый взгляд, но потребовалось девяносто лет, чтобы получить подлинный документ из британских архивов, который опровергает скандал. Наполеон был слишком поглощен важными делами, чтобы обращать внимание на глупые, хотя и злобные истории, которые постоянно придумывались против него. Когда его друзья обратились к нему с просьбой должным образом разобраться с клеветой, он просто пожал плечами, как это было у него в обычае, и сказал: "На весь этот вздор ответят, если не в мое время, то потомки. Это доставляет удовольствие болтунам и скандалистам, и у меня нет времени возмущаться или вмешиваться в это".

Подданным Георга IV стало плохо. нападать на Наполеона со стороны морали. Достаточно хорошо известно, что французский двор во времена Империи был самым чистым в Европе. В своем домашнем устройстве Наполеон больше всего завидовал тому, что его Двор должен иметь репутацию чистоплотного человека. Он приложил бесконечные усилия, чтобы убедиться в этом. Его личные любовные связи полностью описаны Ф. Массоном, французом и его верным поклонником. Но обвинять его в распутстве - это возмутительно. Это правда, у него были любовницы, и говорят, что он никогда бы не согласился на развод с Жозефиной, если бы у мадам Велевской (польки) не был от него сын. (Этот сын занимал высокий пост при Наполеоне III.) Но даже в вопросе любовниц он был очень осторожен, чтобы об этом не стало известно никому, кроме очень немногих личных друзей. Из соображений высокой политики это было

скрыто от глаз широкой общественности, и он приводит для этого очень веские причины. Дело было не только в том, что это привело бы его к серьезному конфликту с Джозефиной, но и в том, что он знал, что для поддержания высокого уровня государственной власти необходимо держать пищу для скандалов под контролем.^[17]

Однако его враги были искусны в изобретательстве, и хотя моральный кодекс того периода находился на самом низком уровне, они установили для французского императора стандарт безбрачия, который отодвинул бы в тень обязательства, которыми был связан любой из его священников. Они были настолько потрясены нарушениями ортодоксальности, которые были написаны и распространены ими самими без каких-либо оснований, что выступали за отлучение от церкви, убийство, за что угодно, лишь бы избавить мир от столь коррумпированного монстра. Но моральная уловка не удалась. Это не совсем соответствовало нетрадиционным веяниям времени, и, фактически, они довели свои другие обвинения и обиды до такой степени, что прямодушные и суровые тары на борту *"Беллерофонта"* и *"Нортумберленда"* прониклись трогательной симпатией к человеку, который отдал себя в их руки в горячей вере, что его примут как гостя, а не как военнопленного.

Мы знаем, что у него были другие способы побега, если бы он решил ими воспользоваться. После своего отречения он решил прожить оставшееся ему время на пенсии и, веря в великодушие британской нации, положился на их гостеприимство. Он пробился через сеть блокады, когда возвращался из Египта и Эльбы, и, глядя на факты в том виде, в каком они сейчас находятся перед нами, нелепо придерживаться хвастливой банальности о том, что он был настолько зажат, что у него не было другого выбора, кроме как попросить капитана Мейтленда принять его как гостя Англии на борту *"Беллерофонта"*, и можно считать само собой разумеющимся, что находчивые моряки знали, что у него было много путей к бегству. Они знали, что *"Беллерофонт"* был медлительной старой посудиною и что в погоне за ней ничего не добьешься.

Кроме того, Наполеону не было необходимости делать отправной точкой Рошфор или Рошель. Все солдаты и моряки в этом и соседних портах были преданы ему и рискнули бы всем, чтобы спасти его от захвата. Он знал все это, но был одержим врожденной верой в рыцарство британского характера и не принимал во внимание класс людей, стоявших у власти. Он знал, что они были его заклятыми врагами, но обманывался, полагая, что у них есть сердца. Их передовой солдат принял активное участие в его поражении, и он признал это, отдав себя под защиту наших законов. Честные английские моряки, которые были его товарищами по плаванию на обоих кораблях, вскоре прониклись к нему сильной симпатией и неприязнью к обращению, которому он подвергался. Они чувствовали, что что-то не так, хотя все, что они могли сказать по этому поводу, было то, что "он был чертовски хорошим парнем".

Лорд Кит был так напуган его очаровательной личностью после визита на *Беллерофонт*, что сказал: "Черт бы побрал этого парня! если бы он добился беседы с Его королевским высочеством, через полчаса они были бы лучшими друзьями в Англии". По правде говоря, лорд Кит упустил прекрасную возможность спасти британское гостеприимство от порчи вечного проклятия, ускользнув от адвоката, который приехал в Плимут, чтобы вручить судебный приказ Habeas Corpus о предъявлении претензий к личности императора, и жаль, что почетное имя должно было ассоциироваться со столь преступной миссией и случаем, столь полным безграничных последствий для хваленой щедрости Англии. За исключением того, что он

слишком хорошо выполнил свои властные инструкции, лорд Кит плохо переживает начало великой трагедии. Единственный по-настоящему деликатный поступок, проявленный лордом Китом по отношению к императору, заключался в том, что он позволил ему сохранить оружие и пренебрежительно отозвался о секретаре, который напомнил ему, что согласно инструкциям, все должны быть разоружены. Этому ревностному человеку было велено не лезть не в свое дело.

Наполеон спрашивает адмирала, есть ли какой-либо трибунал, к которому он может обратиться, чтобы определить законность его отправки на остров Святой Елены, поскольку он протестовал, что был гостем, а не пленником британской нации; и Кит со снисходительной доброжелательностью заверяет его, что он удовлетворен тем, что со стороны правительства есть все основания сделать его положение настолько комфортным, насколько это позволит благоразумие. Неудивительно, что ответ Наполеона был оживленным, а его душа преисполнилась благородного негодования по поводу вероломства, которое вот-вот было совершено по отношению к нему под видом благодеяния.

Скотт описывает интервью с Китом как "замечательную сцену". Он говорит: "Его (Наполеона) манеры были совершенно спокойными и собранными, голос ровным и твердым, интонации очень приятными, движение головы было достойным, а выражение лица удивительно мягким и безмятежным, без каких-либо признаков суровости". Это хорошее свидетельство автора "Романов Уэверли", который был кем угодно, только не беспристрастным биографом. Даже самые ярые поклонники романиста (а писатель - один из них) не могут поставить ему в заслугу чрезмерное пристрастие к герою, который был первым солдатом, государственным деятелем и правителем того времени, который не только владел искусством завоевывать людей так, как никто другой (даже Александр) никогда его не знал, но и обладал большим качеством - умением побеждать и управлять собой в условиях, не имевших аналогов в истории человечества.

Я еще раз говорю, что, помимо жестокости обращения с ним Властей (и все они имели в этом постыдную долю), было роковой ошибкой отправить этот великий ум погибать на скале, когда, приняв более гуманную политику, его несравненный гений можно было бы использовать для проведения реформ, на которые он нацелился после возвращения с Эльбы. Суматоха, окружавшая его карьеру, изменилась; он ясно увидел зарю новой эры и сразу же провозгласил Бенжамену Константу и французской нации свой великий план обновления сути вещей. Он знал, что на это потребуются время, и предвидел также, что сочетание сил прилагает невероятные усилия, чтобы уничтожить его. Они жаждали крови, а он слишком торопился.

В одном из своих снов наяву на острове Святой Елены он воскликнул: "Ах! если бы я мог править Францией сорок лет, я бы сделал ее самой великолепной империей, которая когда-либо существовала!"

Его требования к судьбе были слишком велики, и, несмотря на то, что он хорошо знал человеческую природу, он не мог остановить поток предательства, который усердно лелеяли против него его враги, пока это не воспламенило воображение тех, от кого он имел право ожидать, что они преданно поддержат его в час скорби, какой никогда не испытывал ни один другой человек.

Это правда, что он вошел в историю (блестящую историю, если хотите) в те последние дни, но о! боль и низость всего этого.

Цезарь тоже вошел в историю; и *этот* правитель не добился полного успеха. Брут, его друг, оставил его и отправил на тот свет, и, возможно, это было самым завидным завершением его великой карьеры. Удалось ли Наполеону выжить лучше, чем его прототипу, поскольку он не стал жертвой кинжала убийцы? Опьяненные духом милосердия, его победители постановили, что он должен быть депортирован в уединенное место жительства на бесплодной и нездоровой скале, содержаться там за счет нации в 12 000 фунтов стерлингов в год и умереть как можно быстрее, как добрый джентльмен-христианин.

Самонадеянность лорда Кейта, заметившего Наполеону, что для него предпочтительнее быть отправленным на остров Святой Елены, чем заключенным на меньшем пространстве в Англии или отправленным во Францию или Россию, и предполагаемый ответ императора— "Россия! Боже, сохрани меня от этого!" — почти невероятно, и в свете того, что он постоянно утверждал, находясь в английском плену, это выражение можно рассматривать как выдумку.

Было ли это врожденной верой в то, что Александр Русский был его другом, или тем фактом, что Франциск Австрийский был его тестем, он определенно признавал - согласно хронистам острова Святой Елены, - что, если бы он сдался кому—либо из них, с ним обращались бы не только по—доброму, но и с должным уважением, как подобает монарху, правившему восьмьюдесятью тремя миллионами людей, или более чем половиной Европы. Но даже если бы он просто рассуждал сам с собой или хотел убедить себя и тех, кому он высказал это мнение, трудно представить, что какая-либо из континентальных держав рискнула бы столкнуться с определенными последствиями в виде его расстрела или жестокого обращения, и крайне сомнительно, что даже во Франции нашелся бы солдат, который подчинился бы приказу застрелить своего бывшего императора, которого реквизировали для возвращения с Эльбы, и который совсем недавно, имея всего шестьсот солдат, начал войну против Людовика с его двумястами тысячами, победил и сверг его с престола.

Никогда не было известно ничего более великолепного. Этот великий человек полностью владел воображением и преданностью своих простых людей и солдат. Даже в час поражения их преданность была поразительной.

Приводятся различные примеры этой глубоко укоренившейся верности и привязанности. Некоторые из его императорских гвардейцев, раненых при Ватерлоо, покончили с собой, услышав, что он проиграл битву, и многие, кого считали погибшими, когда пришли в сознание, кричали "Да здравствует Император". Больницы были полны умирающих, которые издавали один и тот же крик. Одному ампутировали ногу, и, глядя на струящуюся из нее кровь, он сказал, что охотно отдал бы все это на службе Наполеону. Другой, у которого извлекали пулю из левого бока в районе сердца, крикнул: "Проникни на дюйм глубже, и там ты найдешь Императора".

История старухи, которую они с Дюроком встретили во время второй кампании в Италии и во время восхождения на гору Тараре, является яркой иллюстрацией того, как к нему относились беднейшие слои населения. Она ненавидела бурбонов и хотела видеть Первого консула. Наполеон ответил: "Ба! тиран на тирана - это одно и то же". "Нет, нет!" - ответила она. "Людовик XVI. был королем знати, Бонапарт - король народа". Эта идея о старой женщине была всеобщим чувством ее класса на протяжении всего его правления. Ни один писатель не смог привести доказательств того, что она была отождествлена, даже когда на него обрушилась катастрофа, лишившая его империю огромных масс населения. Ни один жестокий бесчеловечный деспот не мог так притягивать своим непреходящим очарованием множество мужчин и женщин, как это

делал он. Дело было не в его несравненном гении и не в его несравненных военных успехах в битвах. Его любили, потому что он был привлекателен, и ему доверяли, потому что он внушал веру в свои высокие мотивы улучшения положения всех угнетенных людей. Он правил, соблюдая суровую, но добрую дисциплину, и сурово наказывал тех, у кого были деспотические наклонности.

Герцогиня Абрантес, которая пострадала от некоторых резких замечаний, которые он сделал в адрес ее мужа (Жюно), герцога Абрантеса, находясь на острове Святой Елены, была достаточно великодушна, чтобы сказать о нем много хорошего в своих мемуарах. Одно из ее упоминаний о нем звучит так: "Все, что я о нем знаю" (а она хорошо знала его с детства), "доказывает, что он обладал великой душой, которая быстро забывает и прощает". Она очень любит повторять в своих мемуарах, что Наполеон сделал предложение руки и сердца ее матери, мадам Пермон, которая сама была корсиканкой и хорошо знала семью Бонапартов.

Мадам Жюно рассказывает еще одну историю, характерную для Бонапарта. Энтузиазм людей во время его марша в Париж после высадки с Эльбы был таков, что, когда он проводил смотр Национальной гвардии в Гренобле, люди подставили ему плечо, и молодая девушка с лавровой ветвью в руке подошла к нему, декламируя какие-то стихи. "Что я могу для тебя сделать, моя прелестная девочка?" спросил император. Девушка покраснела, затем, подняв на него глаза, ответила: "Мне не о чем просить ваше величество, но вы сделали бы меня очень счастливой, обняв меня". Наполеон поцеловал ее и, повернув голову по сторонам, громко сказал с обворожительной улыбкой: "Я обнимаю в вас всех дам Гренобля".

То, что Наполеон совершал ошибки, никто не будет оспаривать; на самом деле, он ясно видел и свободно признавал в своем одиночестве, что совершил их много. Его незначительная ошибка (если ее можно так назвать) заключалась в проявлении милосердия ко многим негодяям, которые замыслили его погубить, и в применении системы казнокрадства, которая вызывала у него отвращение. Талейран, Фуше и Бурьен часто вызывали его неудовольствие и были отстранены от службы, но вернулись обратно после того, как его гнев прошел.

Мио де Мелито говорит о них как о "Бурьенах и других подчиненных негодяях", и, действительно, Мио де Мелито не преувеличивает в своей оценке их. Фуше говорит, что Бурьен держал его в курсе всех передвижений Наполеона за 25 000 франков в месяц, помимо того, что был партнером и покровителем в доме братьев Кулон, поставщиков кавалерийского снаряжения, которые потерпели неудачу за 120 000 фунтов стерлингов.

В 1805 году Бурьен был назначен полномочным министром в Гамбурге, и за время своего пребывания там он заработал 290 000 фунтов стерлингов, выдавая разрешения и устраивая так называемые "произвольные остановки", и, помимо того, что Бонапарт предал бурбонов, этот подлый предатель написал Талейрану через несколько дней после отречения в Фонтенбло: "Я всегда желал возвращения этого превосходного принца Людовика XVIII и его августейшей семьи". Но все это лишь тени несравненного злодейства этой вороватой человеческой галки.

Говорят, что его мемуары были написаны безденежным и посредственным писателем по имени Вильмарест, который также написал "Постоянные воспоминания" (камердинер императора), и обе книги были очень широко прочитаны и им поверили. Люди выслушивали от них потрясающие лекции, авторы цитировали их всякий раз, когда им требовался авторитет, чтобы доказать то, во что они хотели, чтобы поверили сами и их читатели, - сфабрикованные истории о

деспотизме и злодеяниях Наполеона. Безусловно, Бурьен - последний и самый ненадежный из всех хронистов, которых можно цитировать при написании истории императора. Ни его характер, ни какие-либо из его личных качеств не внушают беспристрастному читателю доверия ни к его критике, ни к историческим утверждениям.

Такие мужчины, как Фуше, Талейран и Бурьен, и политические женщины, такие как мадам де Ремюза и мадам де Сталь, все из которых вызвали неудовольствие императора своей ревностной склонностью в той или иной степени к интригам, нелояльности и, что касается мужчин, вопиющей нечестности в денежных вопросах, усердно описывали свои собственные добродетели и выступали против неисчислимых пороков Наполеона, и этот курс, без сомнения, был выбран для того, чтобы отвести общественное внимание от слишком пристального изучения их собственного вероломства. В таких обстоятельствах их план не является чем-то необычным; негодяи без колебаний умножают преступления, более тяжкие, чем те, которые уже совершены, чтобы доказать, что они действуют из чистого чувства общественной морали и исторической правды. Если объектом их нападок является благодетель, тот, кто был вынужден упрекнуть или уволить их за проступки, большие или малые, тогда они нападают на него с безоговорочной враждебностью.

Несомненно, таково было наказание, выплаченное Наполеоном за проявление милосердия к людям, которые, будь они на службе у любого другого монарха в Европе, были бы заключены в крепость или расстреляны в тот момент, когда их вероломство было раскрыто. Жаль, что во многое из этой декламационной чепухи так охотно верили и использовали для того, чтобы опорочить имя государя, главная вина которого заключалась в смягчении справедливого наказания тех, кто, как он никогда не мог полностью забыть, были его товарищами в прежние дни.

СНОСКИ:

[12] Монтолон пожелал иметь следующую простую надпись: "Наполеон, урожденный Аяччо, 15 июля 1769 года, смерть на острове Святой Елены, 5 мая 1821 года".

[13] "История Наполеона" Хорна, том ii.

[14] "История Наполеона" Хорна, том ii.

[15] "Переписка Наполеона I."

[16] Там же.

[17] Мадам Велевская родила ему двоих детей. Это побудило его задуматься о том, чтобы завести наследника.

ГЛАВА III

ТРИ ПОКОЛЕНИЯ: МАДАМ ЛА МЕР, МАРИЯ ЛУИЗА И КОРОЛЬ РИМА

Кажется, что на этого великого человека и его семью обрушился Ад. Коронованные особы Европы и плутократы не останавливались ни перед чем, чтобы довести его гибель до конца. Они

не осмеливались рисковать и сразу обречь его на смерть, но они разработали, с помощью добровольных инструментов, план, который был неслыханным по своему зверскому характеру. Они вложили истории о неверности в уши вероломной женщины, чье имя останется в памяти потомков как неблагородной жены и черствой матери. Она взяла с собой в Австрию римского короля, прекрасного ребенка, которого отдали на попечение австрийских наставников. За ним наблюдали так, словно он держал в своих руках судьбы империй. Имени его отца не позволялось попадать в его юношеские уши, и не один наставник был уволен из-за того, что он тайно рассказал ему что-то о славе своего отца. С этим жалким человеком обращаются как с заключенным, за ним следят спутники Меттерниха, ему не разрешается принимать посетителей без разрешения этого бессмертного канцлера, ему не разрешается общаться с семьей его отца или с французами. Этот человек, проникнутый австрийскими взглядами, охвачен растущим желанием узнать историю своего отца, который заявил в письме своему брату Иосифу в 1814 году, что он предпочел бы видеть своего сына задушенным, чем видеть, как он воспитывается в Вене как австрийский принц.[18]

Принц Наполеон в своей превосходной книге "Наполеон и его недоброжелатели" упоминает молодого принца, игравшего в бильярд с Мармоном и доном Мигелем, первый из которых был одним из самых важных генералов его отца. Именно он предал его, и теперь он стал доверенным лицом и наставником герцога. Принц говорит, что его двоюродный брат попросил рассказать о деяниях, совершенных его отцом, о его падении и изгнании. По-видимому, не существует никаких записей о том, что Мармон передал или утаил от сына Марии Луизы, но есть много свидетельств того, что молодой человек был не только увлеченным учеником карьеры своего отца, но и полностью осознавал свою собственную важность и влияние на европейскую политику.

Было заявлено, что до 1830 года он действительно ничего не знал о происходящих событиях в стране, на которой он родился. Обенаус, его наставник, записывает в своем дневнике от 18 января 1825 года: "Во время дневной прогулки обсуждались политические отношения принца с императорской семьей и остальным миром". Граф Нейпперг посоветовал ему изучать французский язык, и его ответ был таким: "Этот совет не пал на бесплодную или неблагодарную почву. Все мыслимые мотивы вдохновляют меня на желание совершенствоваться в языке и преодолевать трудности, связанные с ним, который в настоящее время составляет самую существенную часть моего обучения. Это язык, на котором мой отец отдавал приказы во всех своих сражениях, в котором его имя было покрыто славой и на котором он оставил нам непревзойденные воспоминания о военном искусстве; в то время как до последнего он выражал пожелание, чтобы я никогда не отрекался от нации, в которой я родился".[19] Далее он добавляет: "Главной целью моей жизни должно быть не остаться недостойным славы моего отца".

Его дед, император Франциск, который, как считалось, был ему очень предан, сказал: "Я хочу, чтобы герцог чтит память своего отца". "Не скрывай правду", - говорит он Меттерниху (неверному другу Наполеона). "Научи его прежде всего чтить память его отца". Канцлер отвечает: "Я буду говорить с герцогом о его отце так, как хотел бы, чтобы обо мне говорили с моим собственным сыном". Какая ирония! Какие бы попытки обесценить императора ни предпринимались в любое время, лояльность его сына к нему никогда не поколебалась. Он рассматривал своего отца как героя, чьи славные традиции не имели равных ни одному воину или правителю человечества. Он впитывал каждую крупницу информации, которую мог узнать о

жизни своего отца, и ни в коем случае не был в неведении о том, какой была бы его собственная великая судьба, если бы ему позволили жить.

Сильная партия во Франции жаждала видеть сына своего императора на троне Франции. Часть поляков требовала, чтобы он был провозглашен королем Польши после польской революции, а греки провозгласили его своим будущим королем. Все существующие записи, касающиеся взгляда принца на свое положение, совершенно ясно указывают на то, что он никогда не недооценивал своей важности. Он полностью осознавал и ценил растущую преданность себе, своему делу и великому имени, которое он носил. Мы узнаем от маршала Мармона, что принц принял его с подчеркнутой сердечностью, когда император Франциск разрешил ему рассказать историю своего отца. Мармон, как и все предатели, никогда не забывал демонстрировать свою популярность у императора Наполеона. Это привычка людей, которые наносят большой вред своим друзьям. Они всегда создают видимость, что пострадавший человек испытывает к ним растущую любовь — они никогда не осознают, насколько сильно их ненавидят и им не доверяют.

Принц сначала принял его с подозрением, затем стал относиться к нему холодно, и только после того, как Мармон очаровал его рассказами о гениальности и несравненном величии истории его отца, молодой человек преодолел свои предрассудки и поощрял маршала посещать его апартаменты, чтобы тот мог узнать все, что Мармон мог рассказать ему о качествах и достижениях его отца. Молодой Наполеон заставил генерала восхититься быстрым умом, который он проявил в колких комментариях о карьере своего отца. В знак признания его заслуг Мармону был подарен портрет принца.^[20]

Его двоюродный брат, принц Наполеон, сын короля Жерома, в своей книге "Наполеон и его недоброжелатели" явно желает создать впечатление, что все важные или неважные вопросы, касающиеся императора, тщательно скрывались от его сына, и до достижения им определенного возраста не может быть никаких сомнений в том, что были приняты неоправданные и неестественные меры предосторожности, чтобы не произноситься им императора, но средства, использованные для этой цели, должно быть, оказались безуспешными, поскольку все указывает на то, что он был хорошо информирован. Похоже, он обладал инстинктивным знанием, которое сводило на нет меры предосторожности Венского двора, и особенно его преступного канцлера Меттерниха, чье неуклюжее и бессердечное обращение столь очевидно для всех изучающих историю. Вероятно, именно на эту политику, господствовавшую до 1830 года, жалуется принц Наполеон. Как бы то ни было, мы убеждены, что герцог был не только хорошо информирован, но и проявлял живой интерес к событиям своей собственной жизни и жизни своего отца задолго до появления Мармона в качестве его наставника. Например, однажды его друг, граф Прокеш, обедал с его дедом в 1830 году, и за столом принц получил большое удовольствие от возможности побеседовать с этим выдающимся человеком. Молодой герцог знал, что Прокеш сломал копье в 1818 году, защищая своего отца, и он охотно воспользовался случаем сказать графу несколько очень лестных слов. Он сообщает ему, что "давно знает его и любит за то, что он защищал честь своего отца в то время, когда весь мир наперебой пытался очернить его имя"; а затем продолжает: "Я прочитал вашу "Битву на воде" в лоо, и, чтобы запечатлеть в памяти каждую ее строчку, я дважды перевел ее на французский и итальянский".^[21] Очевидно, что этот молодой человек не был ни тупицей, ни бездельником, когда под вопросом были слава его отца и его собственные интересы.

Одной из самых примечательных черт этой жалкой молодой жизни является тот пристальный интерес, который начал проявлять к нему муж его матери, и он, вероятно, во многом был обязан тому факту, что граф Нейпперг убедил его приобщиться к славе Империи и деяниям его отца. Каким бы странным это ни казалось, сын Великого Наполеона и морганатический муж его матери были привязаны друг к другу самым сокровенным образом. Если герцог и подозревал об аморальных отношениях между Нейппергом и Марией Луизой, то, похоже, никогда не разглашал этого; но, принимая во внимание страстную любовь и преданность, которые он питал к памяти своего отца, маловероятно, что он знал о любовной связи или браке, имевших место между графом и его матерью, иначе ему было бы что сказать об этом не только самому Нейппергу, но, конечно же, его друзьям Прокешу, барону Обенаусу и графу Дитрихштейну, и, что вполне естественно, своему деду. Возможно, обстоятельства его жизни сделали его осторожным и даже хитрым, когда он держал при себе дело, которое в целом одобрялось наиболее заинтересованными сторонами, но вряд ли дух естественных чувств был настолько подавлен в нем, чтобы запретить ему открыто возмущаться дальнейшим чудовищным злом, причиненным его императорскому отцу.

Молодой принц был центром большого политического интереса и объектом искренней симпатии и преданности широкой общественности в Европе, и особенно во Франции, и если бы его жизнь продлилась еще несколько лет, он был бы, несмотря на препятствия и предрассудки, возведен на трон страны, на которой он родился.

У Меттерниха, закоренелого обманщика, по-видимому, не было серьезной мысли поощрять проект превращения герцога в императора Франции. Его тонкая игра заключалась в том, чтобы использовать его в качестве устрашения для Луи Филиппа, когда этот монарх становился непокорным или проявлял признаки алчности.

Принц был выше грязных партийных методов. Он гордился тем, что является наследником трона, который его отец сделал бессмертным, и был полон решимости не запятнать его. Если это место должно быть возвращено, все препятствия должны быть устранены, прежде чем он согласится на это. Должен быть чистый, непрерывный проход. Утверждалось, что тридцать четыре миллиона душ жаждали его возвращения во Францию. Среди лидеров были некоторые из старых товарищей его отца по оружию и в изгнании, среди которых никто не проявлял большего энтузиазма, чем верный и преданный граф Монтолон, Бертран, раздражительный и раскаивающийся Гурго и Савари, герцог Ровиго. Они присоединились к тысячам других храбрецов, которые сочли бы за честь пролить свою последнюю каплю крови за правое дело и в память о том, кого они так сильно любили. Двое названных первыми были исполнителями завещания его отца, в котором Наполеон предписывает своему сыну не пытаться отомстить за его смерть, а извлечь из этого выгоду. Он напоминает ему, что все изменилось. Он был вынужден устроить Европу своим оружием, но теперь остается только убедить ее. Его сына убеждают не взойти на трон с помощью иностранного влияния, и ему вменяется в обязанность заслужить одобрение потомков. Ему напоминают, что "ЗАСЛУГИ могут быть прощены, но не интриги", и что он должен "распространять во всех нецивилизованных и варварских странах преимущества христианства и цивилизации. Религиозные идеи обладают большим влиянием, чем готовы поверить некоторые ограниченные философы. Они способны оказать человечеству большие услуги".

Это лишь некоторые из прекрасных мыслей, переданных молодому человеку с трагического рока, воспоминания о котором навсегда опорочат имя тех, кто объединился, чтобы совершить преступление, не имеющее аналогов в политической истории.

Тем не менее, это феномен, что эта "обитель тьмы", столь чудовищная в истории своего вероломства, должна быть освещена великой фигурой, которая своей личностью навеки запечатлела ее славу.

Одной из последних и прекраснейших гениальных работ, которые он там совершил, было составление конституции для своего сына. Сомнительно, что Монтолону когда-либо удавалось донести это до принца, который скончался до того, как поступил законный призыв воплотить это в жизнь.

Державы, которые в последний раз объявили священную войну великому солдату с 900 000 человек против его 128 000, присвоили себе право объявить его вне закона и заклеить как нарушителя общественного спокойствия. Я уже говорил, что это была их мнимая просьба, но настоящей причиной была его решимость уничтожить феодализм и установить демократические институты, как только он сможет привести различные фракции к гармонии. Он потерпел неудачу, но колоссальная цена его неудачи в людях и деньгах немыслима. Его порабощение оставило Великобританию наедине с долгом, как уже говорилось, в восемьсот миллионов, и тогда мира не было.

Конституция, предназначенная для его сына, могла бы быть очень благотворно применена к некоторым нациям, представленным на конгрессе в Экс-ла-Шапель союзными суверенами, которые объявили его вне закона и тратили свое время на то, чтобы делить друг с другом кусочки чужой территории. Единственной страной, которая плохо выступила на Конгрессе, была Великобритания.

Этот ужасный деспот, которого любили простые люди и ненавидела олигархия, оставил после себя конституцию, которая вполне могла быть принята самыми демократическими странами.

Первая статья, состоящая из шести слов: "Суверенитет пребывает в нации", — провозглашает ее цель настоящей демократией. Возможно, не повредит включить некоторые из его положений в нашу собственную конституцию в настоящее время. Мы с большим опозданием приняли некоторые из его законов спустя долгое время после его смерти, и мы могли бы продолжать копировать их в наших интересах. Он был настоящим прогрессором, но его командой было трудно руководить. Если бы с ним смирились и позволили сохранить мир, он бы демократизировал всю Европу, но страх перед этим или идея легитимности, несомненно, были главной причиной многих проблем. Недоверие и враждебность по отношению к отцу отразились на сыне, который был практически государственным заключенным.

В детстве принц был сильным и здоровым, и его крепкое телосложение вызвало положительные отзывы. Только в 1819 году его здоровье пострадало от приступа пятнистой лихорадки. Она прошла через несколько недель, но ухудшение его здоровья, которое объясняли его быстрым ростом, относится к тому периоду. Он преждевременно скончался 22 июля 1832 года в Шенбрунне, и свидетельства, на которые можно положиться, указывают либо на умышленную небрежность, либо на некомпетентное медицинское лечение. Утверждается даже, что этот наследник французского престола, провозглашенный двадцать один год назад вестником мира, должен был рассматриваться как источник бесконечной опасности, и по этой варварской

причине его здоровью было позволено медленно и верно подрываться, пока смерть не забрала его из-под сдерживающего влияния и преступной политики европейских дворов. Были предприняты большие усилия, чтобы убедить скептически настроенную общественность в том, что его ранняя смерть была результатом юношеской неосторожности, но Прокеш это решительно отрицает, заявляя, что он был строго нравственным юношей, и барон Обенаус в своем дневнике оправдывает это мнение, если не было ничего другого, что могло бы его поддержать. Более того, Наполеон III попросил того же Антона, графа Прокеша, рассказать ему правду о предполагаемых любовных связях, и он заявил, что слухи не имеют под собой оснований.

Король Рима умер в Шенбрунне в той же комнате, которую занимал его отец в 1809 году. В Париже распространился слух о том, что он был отравлен венским двором. Это мнение было передано, и сегодня есть много людей, которые твердо верят в его возможность.

Другой распространенный слух, имевший хождение в 1842 году, состоял в том, что Меттерних прислал Прокешу отравленный лимон, который сделал свое дело, и даже в эту крайне невероятную историю не без оснований верят, потому что Меттерних был известен как самый бессердечный хитрый Иуда в политике того времени. Он предал отца принца, когда тот заявлял о самой верной дружбе. Он признает это, более того, даже хвастается этим в своих мемуарах, и его позорное поведение вознаграждается тем, что на него навешивается клеймо желающего и ускоряющего смерть несчастного молодого человека, к которому обычная мужественность должна была бы вызвать сострадание. Этот моральный убийца отца и сына заявил, что он "использовал все средства, которые были в его власти, чтобы поддержать руку Божью", заманив Наполеона в ловушку объединенных европейских моралистов. Узурпатор должен был быть уничтожен, затем был провозглашен мир на веки вечные. Таково было их притворство, хотя это не могло быть их убеждением. Если это было так, то они вскоре разочаровались.

Несколько лет назад я совершил долгое путешествие в компании датского государственного деятеля, и среди прочих тем, о которых мы беседовали, были правление и падение Наполеона. Этот джентльмен поднял руки и сказал мне: "О! какой грубой ошибкой было уголовное дело. Если бы Власти правильно поняли миссию этого человека, каким благословением это было бы для мира!" — и нетрудно поддержать точку зрения этого датского джентльмена. Чем больше вникаешь в историю того периода, тем более очевидной становится ошибка.

Меттерних отличается тем, что его восхваляет м. Тэн, который не был ни справедлив, ни точен, и нет ничего славного в том, чтобы его защищал человек, книга которого состоит из клеветы. Меттерних здесь может быть отвергнут как лишь один из многих, чьим высшим стремлением было уничтожить человека, которого французская нация сделала своим монархом. Их цель была достигнута, но дух, возникший на крушении Революции, все еще жив и может восстать снова, чтобы отомстить за совершенное великое преступление.

Был ли одаренный и дружелюбный сын императора Наполеона убит в результате самого жестокого из всех покушений или его преждевременная смерть наступила по небрежности или по естественным и конституционным причинам, это вопрос, который, возможно, никогда не будет выяснен, хотя действия верховных комиссаров в этой отвратительной драме вызывают сохраняющиеся сомнения относительно их невиновности. Несомненно, что было предпринято несколько решительных попыток лишить принца жизни, и головорезам предлагались большие

суммы за совершение этого кровавого деяния. Тогда Венский двор постоянно опасался его похищения. Его постоянно приглашали приехать во Францию.

Двоюродная сестра — графиня Наполеоне Камерата, дочь Элизы Баччочи, сестры императора, легко получила паспорт у государственного секретаря папы римского и так успешно кокетничала с австрийским послом, что он дал ей двойную гарантию добросовестности, подписав его. Эта порывистая и эксцентричная женщина беспрепятственно добралась до Вены, встретила своего кузена на пороге, бросилась к нему и схватила за руку, а затем закричала: "Кто может помешать мне поцеловать руку моего государя?" Она также нашла способ передавать ему письма. Об этом наполеоновском рывке сказано немного, но, судя по имеющимся записям, этот инцидент привел героев — включая дворы союзников (включая Францию) — в трепет волнения. шумиха, вызванная предприимчивостью хорошенькой маленькой графини, дает зловещее представление о волне комического помешательства, которая, должно быть, овладела умами мужчин.

Эта дама получала пенсию во времена Третьей империи, и за восемнадцать лет она превысила шесть миллионов франков. Она умерла в Бретани в 1869 году и оставила свое состояние имперскому принцу.

Несомненно, существовал решительный и хорошо продуманный заговор с целью свержения герцога, но контрзаговоры возобладали над более ярыми бонапартистами, которые жаждали возрождения славной империи. Принц Луи Наполеон, старший сын короля Людовика, не согласился с идеей своей семьи. Он рассматривал сына императора как австрийского принца, проникнутого австрийскими методами и политикой и, следовательно, опасного для наилучших интересов Франции. Этот принц зашел так далеко, что с удовольствием приветствовал коронацию Луи Филиппа. Он умер в 1831 году. В следующем году скончался и его двоюродный брат-император, и его кончина стала большим ударом по делу бонапартистов, и это едва не убило престарелую мадам Мер, которая возлагала на него все свои надежды. Мария Луиза сообщила о его смерти его бабушке и попросила ее "принять по этому скорбному поводу заверения в добрых чувствах, которые питает к ней ее любящая дочь", и вот холодный, полный достоинства, сокрушительный ответ от мадам Мер. Оно продиктовано и датировано Римом, 6 августа 1832 года:

"Мадам, несмотря на политическую близорукость, которая постоянно лишала меня каких-либо известий о дорогом ребенке, о смерти которого вы были так любезны сообщить мне, я никогда не переставала питать к нему материнскую преданность. В нем я все еще находил некоторое утешение, но к моему преклонному возрасту и моим непрекращающимся и болезненным немощам Бог счел нужным добавить этот удар как новое доказательство Своей милости, поскольку я твердо верю, что Он полностью искупит его в Своей славе для славы этого мира.

"Примите мою благодарность, мадам, за то, что вы взяли на себя труд при таких печальных обстоятельствах облегчить горечь моего горя. Будь уверен, что это останется со мной на всю мою жизнь. Мое состояние не позволяет мне даже подписать это письмо, и поэтому я должен просить вашего разрешения поручить эту задачу моему брату".

Ни слова об отношениях этой леди к своему сыну или к ней самой. Ее ответ старательно формален, но каждое его выражение выражает скорбь и мысли о великом мученике, которому

причинила зло женщина, которой она писала. В нем нет ни слова *открытого* упрека, хотя в нем сквозит вежливое, уничтожающее обвинение, которое, несомненно, глубоко ранило черствую натуру этой печально известной австрийской эрцгерцогини, так фальшиво сыгравшей роль своего сына.

Эту замечательную мать замечательного семейства, кажется, меньше всего подозревали в политических заговорах из всех бонапартистов. Ее уважали все, многие почитали и любили. Коронованные особы были равнодушны к ее силе и благородству характера, но глупый старый король, унаследовавший трон Франции от ее сына, вбил себе в голову, что она укрывает агентов на Корсике для подстрекательства к восстанию, и вслед за этим подал на нее жалобу. Пий VII, знавший мадам Мер, послал своего секретаря поговорить с ней по поводу этой предполагаемой интриги. Она выслушала то, что хотел сказать представитель папы римского, а затем со строгим достоинством начала свой ответ: —

- Монсеньор, я не обладаю миллионами, которые мне приписывают, но пусть господин де Блакас расскажет об этом своему повелителю Людовику XVIII. что если бы я это сделал, я бы не использовал их для разжигания беспорядков на Корсике или для привлечения сторонников моего сына во Франции, поскольку у него и так их достаточно; я бы использовал их для оснащения флота, чтобы освободить его со острова Святой Елены, где его держат в плену самые гнусные предатели".

Затем она почтительно поклонилась и вышла из комнаты.

Это был действительно резкий отпор как Пию VII. так и "Самому христианскому королю".

Еще одну очень хорошую историю об этой необыкновенной пожилой леди рассказывает Х. Ноэль Уильямс. Похоже, что после падения Империи она продолжала использовать имперский герб на своей карете.

"Почему я должна убрать этот символ?" - спросила она. "Европа десять лет склонялась в прах перед руками моего сына, и ее правители не забыли этого".

Однажды она была за рулем, когда произошел затор. Два австрийских офицера, проезжавшие мимо, смело заглянули в карету. Мадам Мер, увидев австрийскую форму, к которой она испытывала отвращение, пришла в негодование, поэтому, опустив окно, воскликнула им: "Что, господа, вам угодно? Если вы хотите увидеть мать императора Наполеона, то вот она!" Офицеры, естественно, были удручены. Они почтительно отдали честь и уехали. Эти ее жалящие уколы были весьма тревожными; они всегда возвращались домой и заходили слишком далеко, чтобы утешить преследователей ее сына.

Ее письмо государям-союзникам, собравшимся в Экс-ла-Шапель, является одним из самых резких обвинений, которые когда-либо были написаны. Его логика, смелый, хотя и вежливый призыв к справедливости и великодушию и, прежде всего, эхо материнской любви, которое характеризует его, делают его документом, достойным бережного отношения. Последний абзац поразит воображение грядущих поколений, и над теми, кто совершал это преступление, будет вынесен суровый приговор.

"Государственные соображения, - говорит она, - имеют свои пределы, и *потомство* которое *forgets nothing*, превыше всего восхищается великодушием победителей".,,

Союзные монархи побоялись ответить на письмо. Для их репутации было бы лучше, если бы они избавились от необходимости его писать. Свидетельство Пия VII. заключается в том, что она была "богобоязненной женщиной, которая заслуживала того, чтобы ее чтили все принцы христианского мира".

Большая радость посетила мадам Мер в 1830 году, когда ей сообщили, что правительство решило заменить статую Наполеона на Вандомской колонне. Она пришла в восторг от этого, но оплакивала свою хромоту (в том году она сломала бедро) и полную слепоту, которые навсегда помешают ей увидеть статую. Она отвлеклась от этих тягостных размышлений и утешила себя несколькими словами с грустным юмором, заметив, что, если бы она могла быть в Париже, как в прежние дни, Бог дал бы ей силы взобраться на вершину колонны, чтобы убедиться, что она там. Она отказалась отделять свою судьбу от судьбы своих детей и не приняла бы предложения отменить приговор об изгнании, если бы он не касался всей ее семьи. Эта замечательная женщина умерла 2 февраля 1836 года в возрасте восьмидесяти пяти лет вместе с Наполеоном III. в 1851 году останки его бабушки и кардинала Феша были перевезены в Аяччо. Шесть лет спустя останки были снова извлечены и помещены в специально построенный для них склеп в церкви, которая была построена после первого погребения в Аяччо.

Жаль и странно, что неверная вторая жена императора вообще попала в историю. К счастью, очень немногие даже из тех историков, которые настроены Антинаполеоновски, могут сказать о ней что-нибудь комплиментарное. Она пережила своего сына, римского короля, на пятнадцать лет, и земля забрала ее в декабре 1847 года, когда ей было пятьдесят шесть. Если бы эта милая прелюбодейка, желавшая успеха союзным армиям в борьбе против ее мужа, прожила немного дольше, она стала бы свидетельницей унижительного зрелища, когда преемника ее отца заставили отречься от престола в пользу племянника ее мужа-императора, память о котором чтят все благородные сердца и чьи страдания, домашние и общественные, всегда будут лежать на плечах этой женщины, позволившей себе стать подлой соучастницей великого убийства. Наиболее подходящее упоминание о ее смерти появилось в газете *Times*, в которой говорилось, что "ничто в ее жизни не стало для нее лучше, чем уход из нее". 15 апреля 1821 года в третьем параграфе своего завещания Наполеон с неизменным великодушием, если не намеренным безразличием к тому, что эта пассивная, ледяная женщина бросила его, говорит: "У меня всегда были причины быть довольным моей дорогой Марией Луизой. Я сохраняю к ней до моего последнего мгновения самые нежные чувства. Я умоляю ее быть бдительной, чтобы уберечь моего сына от ловушек, которые все еще окружают его в младенчестве ". Какая ирония!

Вполне разумно предположить, что у Наполеона, должно быть, были тайные подозрения в неверности своей жены. Даже трудно поверить, что он не был полностью осведомлен о ее фактической связи с графом Нейппергом. Следует заметить, что, хотя его обращение к ней почтительно, чтобы не сказать нежное, все же чего-то не хватает, как будто он что-то тщательно скрывал в глубине души, что—то вроде следующего: "Я не могу составить этот исторический документ, не упомянув вас ради моего сына, хотя я прекрасно знаю, что вы причинили мне зло и заодно с моими врагами и предателями. Я знаю все это, но я собираюсь уйти, и, верный своим инстинктам сострадания и своему императорскому достоинству, я должен унести свою скорбь с собой, и, дав вам как можно более хорошее свидетельство, я должен оставить вас, чтобы вы рассчитались с потомками за ваше поведение по отношению ко мне и вашей приемной стране. Я не поступлю с вами так, как поступили вы. Я надеюсь, что вам будет полностью возмещено все, что вы заставили меня выстрадать. Тем временем я собираюсь облегчить пищеварение

королей, отправившись на Елисейские поля, где меня встретят Клебер, Дезэ, Бессьер, Дюрок, Ней, Мюрат, Массена и Бертье, и мы поговорим о делах, которые мы совершили вместе. Да, Мария Луиза, я сгибаюсь под ужасным ярмом, которое наложили на меня твой отец, его канцлер и союзные сателлиты, и все же я держу этих несравненных воинов Европы в состоянии тревоги. Я желаю вам радости за ваших союзников, которые так благородно вели себя с вашим мужем в плену. Я часто думал в своем одиночестве, Луиза, что наш национальный союз был бы более популярным, если бы я осуществил свое намерение взять во вторую жену француженку. Возможно, мой брак с тобой, заключенный со всеми признаками мира и доброй воли, на самом деле был началом моего падения. Ах! насколько благороднее с вашей стороны было последовать за мной в моих невзгодах на Эльбу. Вы могли бы оказать большую услугу Франции и своей родной стране, не говоря уже о возможности разбить коалицию против меня и спасти реки крови. Битва при Ватерлоо, возможно, никогда бы не произошла, если бы вы подражали своей несравненной невестке Екатерине Вестфальской в ее отношении к высшей женственности, и ваша слава могла бы превзойти славу Жанны д'Арк и быть переданной в далекие века как пример героической стойкости и преданности, и тогда вы были бы причислены к лику блаженных Церковью и провозглашены святой народом, к которому вы принадлежите. Ты разделил со мной непревзойденное величие самого могущественного трона на земле. Я был предан тебе, а ты предал меня. Твой отец настаивал на том, чтобы ты нарушила свой брачный обет, и нашел в тебе добровольного соучастника надругательства, совершенного против меня. Ты делил со мной трон, и у меня были основания ожидать, что все человеческие инстинкты призовут тебя на мою сторону в моем изгнании, и мысль, которая горит в моей душе, заключается в том, что через годы позора потомство не будут упрекать в том, что оно отводило глаза от тебя, а также от того бессердечного отца, который просил тебя оставить меня. Екатерина Вестфальская поступила лучше. Она бросила вызов своему отцу и крепче прижалась к мужу, когда он нуждался в помощи сочувствующего существа, которое утешило бы его в час страшного несчастья. Эти мрачные мысли навязаны мне всеми законами природы, и теперь, когда у меня осталось совсем немного времени, я вынужден завещать вам в третьем параграфе моей последней воли и завещания некоторые нежные воспоминания о вас. Я делаю это, несмотря на то, что ты, Мария Луиза, императрица Франции, молила Бога, чтобы Он благословил оружие врагов страны, которую ты усыновила. А потом то письмо, которое я в двух словах отправил вам из Гренобля по пути с Эльбы в Париж, чтобы вернуть трон, которого менялишила государственная измена. Я просил вас прибыть ко мне с моим сыном, королем Рима. Вы проигнорировали это, как и другие сообщения, которые я отправил и которые, я уверен, вы получили. Я не выдвигаю против вас публичных обвинений. *Это было бы недостойно и не по-королевски*".

Несмотря на свою очевидную неизменную привязанность к жене, во время своего изгнания Наполеон время от времени задумчиво делал замечания, которые указывали на то, что ее поведение было ему по душе; и приведенное выше описание его чувств к ней можно рассматривать как правдоподобное. Примечательно, что он вообще упомянул об этой эротичной женщине в своем завещании. Это озадачило его товарищей по изгнанию, которые достаточно хорошо знали, что она была причиной его сильных душевных страданий. Это так сильно огорчало его в двух примечательных случаях, что он трогательно сравнил ее поведение с тем, как вела бы себя Джозефина при аналогичных обстоятельствах. Удивительной чертой характера Наполеона является то, что он всегда прощал тех, кто причинил ему наибольшую боль.

Чтобы подчеркнуть дух прощения, он специально ссылается на вопрос, который, должно быть, потребовал большого прощения. В шестом параграфе своего завещания он говорит: "Два печальных результата вторжений во Францию, когда у нее было еще так много ресурсов, следует приписать измене Мармона, Ожеро, Талейрана и Лафайета. Я прощаю их — пусть потомки Франции простят их так же, как я". Затем в седьмом абзаце он прощает своего брата Луи за клевету, опубликованную им в 1820 году, хотя, как он заявляет, "Она изобилует ложными утверждениями и фальсифицированными документами". Он подливает масла в огонь в Мари-Луизе, прося Маршана сохранить часть его волос и сделать из них браслет с маленькой золотой застежкой. Весьма вероятно, что жена графа Нейпперга предпочла бы, чтобы эти небольшие знаки внимания не напоминали ей о ее любовных привычках и другом преступном поведении.

Нейпперг, это грязное и добровольное орудие обольщения, низость которого оскорбляет все моральные законы, в течение трех лет страдал от неизлечимой болезни и умер в декабре 1828 года в возрасте пятидесяти семи лет. Короли и цареубийцы в своем свирепом страхе сделали важной частью своей политики то, что Мария Луиза должна была стать стержнем, на котором должно было сосредоточиться полное крушение Наполеона, поэтому Нейпперг считался подходящим человеком, способным заставить бывшую императрицу пассивно подчиняться желаниям закоренелых врагов ее мужа. Меневаль отмечает, что на счету этого человека уже были романы. Он действительно сбежал с женой другого мужчины и имел от нее потомство. Вероятно, его любовная репутация повлияла на выбор олигархии.

Чтобы осуществить свой план, он искусно импровизировал ложь, вливал в ее уши истории о неверности со стороны ее мужа-императора, читал книги и брошюры, изготовленные и точно подходящие для поставленной им цели. Его инструкции состояли в том, чтобы доводить дело до конца, насколько это возможно, и он делал это с отвратительным успехом.

Широкая земля Божья не знала более уродливого случая, чем доведение личной ненависти и политической трусости до такой степени безумия, как принуждение слабой женщины бросить своего мужа, пожертвовать интересами своего ребенка и соблазнить ее нарушить брачный обет, чтобы гибель ее мужа была более гарантирована. С точки зрения высокой политики его порочность никогда не будет превзойдена.

После смерти своего морганатического мужа Мария Луиза стала "безутешной". Она распорядилась построить "дорогостоящий мавзолей, чтобы ее скорбь могла быть увековечена надолго". В ответ на письмо с соболезнованиями, написанное ей выдающимся итальянцем доктором Аглиетти, в котором он, кажется, сделал несколько вежливых и утешительных замечаний, она говорит, "что все усилия искусства были бессильны, ибо невозможно бороться против *Божественной Воли*. Вы совершенно правы, говоря, что только время и религия могут уменьшить горечь такой потери. Увы! первое, отнюдь не проявляя своей власти надо мной, лишь с каждым днем увеличивает мое горе". Эта "дружелюбная", убитая горем королевская особа, перегруженная проявлениями религиозного рвения, снова поддается своим природным инстинктам. "Время, - утверждает она, - не может утешить", а только усиливает глубину ее скорби по "нашему дорогому усопшему".

Ее чувства были бы поистине впечатляющими, если бы мы не знали, насколько лживой она была, даже не подозревая об этом. Но подкрадывающийся ужас времени быстро смягчается ее браком в 1833 году с французом по имени Де Бомбель, который служил ее родине и, как говорят, имел в своих жилах английскую кровь. Несмотря на преданные усилия Меневаля изобразить ее

ироничное шествие по жизни как можно более благоприятным, единственное истинное впечатление, которое можно составить, - это то, что у нее не было ни стыда, ни самоконтроля, ни жалости.

Странной сочувствующей Наполеону в его тяжелом положении была дочь Марии Терезии и сестра Марии—Антуанетты -королева Мария Каролина, бабушка Марии Луизы. Она относилась к императору Франции с особой неприязнью, но когда его власть была сломлена и он стал жертвой преследований, эта добрая женщина забыла о своих предрассудках, послала за Меневалем и сказала ему, что когда-то у нее были причины считать Наполеона врагом, но теперь, когда он попал в беду, она забыла прошлое. Она заявила, что если Венский двор по-прежнему намерен разорвать узы единения между мужем и женой, чтобы лишить императора утешения, то долг ее внучки - переодеться, связать вместе простыни, спуститься из окна и сбежать.

Нет никаких сомнений, что ловкая и энергичная пожилая леди дала Луизе здравый совет, и, действуя под ее святым влиянием, ее имя стало бы памятником благородства, фактически уроком против нанесения жестокого, трусливого удара понесчастным. Более того, весьма вероятно, что королева Каролина в то время считала политический брак ее внучки с французским императором неудачным и трагичным, но дело было сделано, и она поддержала божественный закон брака. Кроме того, она знала, что Наполеон был снисходительным, добрым мужем для этой непостоянной девушки и что, какими бы ни были его недостатки, ее долгом было утешить его и разделить его горе, как она в полной мере разделила его славу. Поэтому она настаивает на воссоединении с изгнанником, но бывшая императрица, возможно, сделала невозможным до этого наслаждаться утешительными сладостями супружеского общения, а ее последующее поведение делает более чем вероятным, что она была слишком глубоко скомпрометирована, чтобы покинуть вихрь и понести наказание за совершенные ошибки.

"Я мог бы выслушать, - говорит Наполеон, - известие о смерти моей жены, моего сына или всей моей семьи, не изменив выражения лица - ни малейшего волнения или перемены выражения лица не было бы заметно. Но когда я один в своей комнате, *тогда* я страдаю. Тогда чувства этого человека прорываются наружу".

Мы не привыкли думать об этой сильной личности как о человеке, обуреваемом мягкими эмоциями. Мы считали его олицетворением силы, и все же, при всей его гигантской власти над мужчинами и самим собой, он обладал настоящим женским запасом человеческой нежности. Однажды его видели плачущим перед портретом своего горячо любимого сына, которого он называл "Mon pauvre petit chou". "Я не стыжусь признаться, - сказал он по одному памяtnому случаю, - что во мне много материнской нежности. Я никогда не мог рассчитывать на верность отца, который не любил своих детей".

СНОСКИ:

[18] "Переписка Наполеона", том 128, стр. 133.

[19] Цитируется из "Герцога Рейхштадтского" Де Вертхаймера, стр. 330.

[20] См. "Воспоминания".

[21] Смотрите "Воспоминания".

ГЛАВА IV

ОЛИГАРХИЯ, ЕЕ АГЕНТЫ И АПОЛОГЕТЫ

Было бы нетрудно рассказать подробнее о превосходных качествах этого замечательного человека. Об одном только этом этапе его блистательной карьеры можно было бы написать тома, и все же у нас есть негодяи, такие как Талейран, заявляющие на Конференции "христианских королей" и предателей, что величайший, могущественнейший и гуманнейший принц эпохи "должен быть истреблен, как бешеная собака". Известие о его бегстве с Эльбы и прибытии в Париж, громогласно провозглашенном французским народом своим законным сувереном, повергло эту банду паразитов в апоплексический ужас; Талейран, из всех созданий, диктовал Конференции формулировку прокламации, которая должна быть издана и объявлять вне закона его императора, которого он и они называли "Узурпатором". Если бы это не было столь вопиющим нарушением приличий, мы бы сочли это самым комичным инцидентом в истории. Талейрану, самому отъявленному предателю и бесстыдному вору в Европе, за исключением, пожалуй, Буррьена, который не мог удержаться от того, чтобы не пошарить в карманах своего государя и всех остальных при любой возможности, было позволено присутствовать на совещании с помазанными правителями Европы, - это действительно слишком комично.

Эти праведные легитимисты называли Наполеона "Узурпатором", ни один из которых не достиг королевского престола так почетно и законно, как человек, которого они поклялись уничтожить, даже если в результате этого вся Европа будет залита кровью. Они поставили перед собой цель лишить избирательных прав и узурпировать права французского народа, который только что снова миллионами голосов утвердил его притязания на трон и доблестный и героический ответ на их требование, чтобы он покинул Эльбу и снова стал их правителем. Конечно, никто не будет утверждать, что притязания Наполеона были менее законны, чем притязания принца Оранского, или курфюрста Ганноверского, или Фредерика Вильгельма великого курфюрста, чье единственное право на трон заключалось в наличии инстинктов тигра. О последнем лорд Маколей говорит: "Его дворец был адом, а сам он - самым отвратительным из демонов". Его единственной целью, казалось, было заплатить баснословные суммы за солдат-гигантов, и он испытывал нечеловеческое отвращение к своему сыну, впоследствии известному как Фредерик Великий, и его дочери Вильгельмине. Он был самым невежественным и невоспитанным существом, какое только можно было найти в целом мире, трусливым негодяем, который находил удовольствие в том, что пинал женщин, которых встречал на улице, и приказывал им "идти домой и присматривать за своими отпрысками". Нет нужды больше говорить об отце великого Фредерика, на создание "Жизни" которого Томас Карлайл потратил тринадцать лет, разыскивая затхлые немецкие исторические книги. Карлайл говорит: "Одна из причин, побудивших меня написать "Фредерика", заключалась в том, что ему удалось не быть лжецом и шарлатаном, каким был его век"; и действительно, его обожание Фредерика вполне простительно. Он потратил тринадцать лет своей жизни на то, чтобы сделать его героем, и его великий труд, состоящий из восьми томов, является непревзойденным литературным произведением; но в нем нет ничего, что могло бы оправдать чью-либо веру в то, что Фредерик не был ни лжецом, ни шарлатаном. Это правда, что Фредерик закончил лучше, чем начал, но правдивость и честность не были его выдающимися добродетелями. Он лгал, нарушал веру и

грабил везде, где и когда это соответствовало его целям, и некоторые из других его пороков были невыразимы. Нет никаких сомнений, что он был одновременно шарлатаном и трусом, когда нарушил Прагматическую Санкцию и начал красть территорию Марии Терезии. Державы Англии, Франции, Испании, России, Польши, Пруссии, Швеции, Дании, германского союза - все они согласились по договору сохранить его. Если бы он был благородным человеком и обладал теми качествами, которые приписывает ему Карлайл, он остался бы верен своей клятве. Вместо того чтобы защищать своего союзника, он набросился на нее, как стервятник, и ввергнул Европу в опустошительную, кровопролитную войну с единственной целью грабежа; и все, что он мог сказать в свое оправдание такого низкого поведения, было: "Амбиции, интерес, желание заставить людей говорить обо мне одержали верх; и я решился на войну".

На самом деле Фредерик не был хорошим человеком, и его репутация великого человека была приобретена главным образом потому, что Силы и обстоятельства позволили ему добиться успеха после семи долгих лет кровопролитного конфликта.

Действительно, за всю карьеру Наполеона не было ни одного поступка, сравнимого с беззаконием и жестокостью Фредерика. Он действительно ничего не узурпировал, а Фредерик узурпировал все, к чему мог прикоснуться, невзирая ни на какие моральные законы; но тогда он проигнорировал все моральные законы. Нет необходимости в сравнении, но не лишним будет отметить, что доводы о легитимности очень поверхностны, а утверждения союзников - это удивительный пародийный спектакль, исходящий из мозгов трудолюбивой посредственности.

Эти законные монархи через своих министров открыто вдохновляли журналистов на написание доктрины о бесполезной трате крови как естественном процессе решения проблемы перенаселения. История полна доказательств того, что их призыв к миру был наглым лицемерием. Они могли получить его в любое время, но это не соответствовало их политике легитимности. Бесчисленные тысячи людей были убиты, чтобы удовлетворить отвращение королей и знати к плану одного человека, который возвышался над ними и настаивал на разрушении гнусной системы феодализма и царствования по божественному праву. Они ненавидели и его, и его систему. Они замыслили его убийство и интриговали со всей свирепостью диких зверей против его гуманного и просвещенного правительства. Он растоптал все их сатанинские уловки, чтобы свергнуть власть, которую суверенный народ так часто с энтузиазмом отдавал в его руки. Он построил дороги и каналы и внедрил новые методы создания торговли. Он представил великую схему расширения образования, науки, искусства, литературы. Каждая фаза просвещения была не только инициирована, но и сделана обязательной, насколько он мог обеспечить ее применение. Он восстановил религию и дал Франции новый свод законов, которые и по сей день пользуются дурной славой практических, всеобъемлющих и в высшей степени справедливых.

Он не только восстановил религию, но и поддержал авторитет папы Римского как признанного главы Римской церкви. Он построил свои "пирамиды в море", учредил свободную прессу и заявил, что выступает за избирательное право мужчин. Он включил в свою систему объединение всех малых континентальных государств, и за это был объявлен разбойником. Где бы ни осуществлялись его планы, люди были процветающими и счастливыми до тех пор, пока им позволялось трудиться по-своему на своих полях и в других отраслях промышленности.

Именно вечный дух войны, окутавший всю Европу, помешал его правлению решить великую проблему. В этом он неизменно оказывался потерпевшим. План, который он воплотил в

практическое решение, был сорван союзниками, и менее чем через столетие после того, как великий реформатор был удален из сферы вражды и полезности, принц Бисмарк принудил эти маленькие государства к объединению с Германской империей, тем самым приведя в действие ту самую систему, за которую Наполеон был осужден за установление своего сюзеренитета. Какая сатира, какая жестокость судьбы, что Бисмарк, явное опровержение гения по сравнению с французским императором, преуспел в возрождении структуры, которую последний с такой гордостью создал для Франции, только для того, чтобы через несколько коротких лет стать призом Германии, признанным теми самыми державами, которые с такой ожесточенной агрессивностью боролись против великого полководца и государственного деятеля, создавшего не только современную Францию, но и современную Европу; и который в любое время своего правления мог, сделав знак, как он сказал, уничтожить дворян Франции. . Эти кровососущие создания всегда стояли на пути реформ, всегда были погрязли в политических интригах, всегда были замешаны в заговорах против жизни Наполеона и всегда визжали от негодования, когда их и их сообщников ловили. Некоторые авторы настолько проникнуты праведностью убийства Наполеона, что у них создается впечатление, что, если какая-либо попытка провалилась, виновные, вместо того чтобы понести наказание, должны были лично получить орден Почетного легиона. Они также совершенно не осознают, что поддерживают подлую месть и ужасную насмешку над свободой, когда красноречиво кричат "Осанна!"

По их словам, остров Святой Елены был единственным решением проблемы, если это можно так назвать, и Силы, пославшие его туда, должно быть, имели вдохновение свыше. Они понятия не имеют, что союзники учинили еще одно распятие величайшего и (если мы будем судить о нем по *надежным* записям) лучшего человека девятнадцатого века. Ах, непостоянная Франция! вы покрыты вечным позором за то, что позволили этим трусливым мстительным заговорщикам, которых в народе называют Союзниками, запятнать вас, а также самих себя кровью героя.

В распоряжении Франции были ресурсы, которые могли и должны были быть использованы для изгнания захватчиков за пределы ее границ. Французы никогда не смогут смириться с великой ошибкой, заключающейся в том, что они бросили своего императора, оставили самих себя и свой долг перед родной землей. Они оставили в час нужды все, что было благородным, и бросились в котел измены, о какой никогда не слышала мировая история. Вскоре они разочаровались, но было уже слишком поздно. Яд сделал свое дело, и Франция на долгие годы оказалась во власти предателей, охотников за чужими местами и иностранных держав.

Я уже говорил, что Людовик XVIII. был возведен на трон не французским народом, а его завоевателями и их мирмидонами. Он недолго пережил свое позорное восшествие на престол. Затем пришел Карл X, которому пришлось бежать во дворец Холируд в Эдинбурге, потому что он так плохо управлял страной. Его квалификация для правления заключалась в подавлении всех реформ и свобод; после него пришел Луи Филипп, но даже он правил только терпимо, хотя в целом занимал обременительное положение с похвальным успехом. Монарху, который правит по нежной милости капризного народа, и, что еще хуже, капризной и не слишком щепетильной монархии монархов, не позавидуешь, и именно таким было положение Луи Филиппа. Его окружал шум многих фракций, помимо необходимости зорко следить за теми высокопоставленными людьми, на которых ему приходилось смотреть с постоянным нервным напряжением, чтобы обеспечить стабильность и долговечность своего трона. Он знал, что сердце нации сосредоточено на острове Святой Елены и что по стране прокатилась волна

раскаяния. Народ хотел искупить преступление, которому они позволили быть совершенным в 1815 году.

Луи Филипп проявил великую мудрость и дальновидность. Ничто не могло быть предпринято с большей деликатностью, чем переговоры, которые вынудили британское правительство согласиться передать останки императора французам. Вид важности и чванства, приданный этому лордом Пальмерстоном, в высшей степени фарсов, но тогда вся бессмысленная ошибка от начала до конца была фарсом, который не делает нам чести. Невероятно, что нация, столь изобилующая способными людьми во всех важных ведомствах, имела несчастье доверить свои дела министрам и чиновникам, которые были по-детски некомпетентны и до смешного диктовали. Люди невысокого умственного уровня, занимающие должности при короне или где-либо еще, неизменно суетливы, напыщенны, властолюбивы и переполнены тщеславием. Такое положение вещей было в полном разгаре во время наполеоновского режима и плена, и это тот период, о котором мы говорим. Похоже, что в Европе не было ни одного гениального человека, кроме него самого. Население Франции, которое было его современником во время его блестящего руководства, запомнило его как несравненного реформатора и непобедимого воина. Их преданность и вера в его великие дары глубоко запали им в душу. С 1815 по 1840 год сменилось два поколения, но даже для тех, кто знал его только как пленника, он был таким же их Императором, героем и мучеником, как и для своих современников. Гордость расы, слава Империи и ее великого основателя были вскормлены в них с момента рождения, и по мере того, как они выросли, становясь мужчинами и женщинами, они проникались страстной преданностью его делу. Они утверждали, что его освобождение людей, которых "он так сильно любил", было правом, в котором нельзя было отказывать. Дух угрюмой решимости отказаться от него пустил глубокие корни. Они достигли той точки, когда возгорание искры привело бы к пожару. Болтовни больше быть не должно. Они были настроены серьезно и решили, что больше не потерпят бюрократической суетливой чепухи ни от своего правительства, ни от правительства, которое держало полк британских солдат для охраны его могилы, чтобы он снова не нарушил мир в Европе. Они дали понять, что больше такого рода надувательство не будет терпимо без репрессий, и намек был понят. Луи—Филипп понял ситуацию и организовал экспедицию во главе со своим сыном принцем Жуанвилем, которого сопровождали барон Лас Касес, член Палаты депутатов; генерал граф Бертран; господин аббат Конкери, раздававший милостыню экспедиции; четверо бывших слуг Наполеона, а именно Сен-Дени и Новерраз, камердинеры; Пьеррон, офицер кухни; и Аршамбо, дворецкий-Маршан, один из душеприказчиков, и сварливый и нелояльный генерал Гурго, из которых возможно, нам есть что сказать дальше. Тот самый Гурго, который так позорно лгал о своем императорском благодетеле, когда тот приземлился в Лондоне, сказал, что "он не мог выразить, что он чувствовал, когда снова оказался рядом с этим необыкновенным существом, этим гигантом человеческой расы, которому он пожертвовал всем и которому был обязан всем, кем он был". Эти мысли и многие другие, не высказанные вслух, приходили к нему, когда он стоял у гроба учителя, которому он причинил такое тяжкое зло и который отныне должен был быть признан "законным правителем своей страны".

Граф Монтолон, самый преданный и постоянный последователь Наполеона и его семьи, не участвовал в экспедиции. Он был занят тем, что помогал племяннику своего героя взойти на трон своего прославленного дяди, и в результате они оба оказались в крепости Хэм. Луи-Филипп и его министры очень ревниво относились к любому, кто хоть немного разделял славу приведения Наполеона на берега Сены. Поэтому, когда король Жозеф и принц Луи Наполеон

предложили нации оружие императора, король отказался от него, но убедил генерала Бертрана отдать его ему, чтобы он мог передать его нации. Наполеон отдал меч, который носил при Аустерлице, и свое оружие Бертрону, когда был на смертном одре. Принц Луи не мог вынести, когда имя великого полководца трубили во славу других людей. Он утверждал, что она принадлежит ему. Он был законным наследником всей ее славы, и это слишком раннее предположение привело его в тюрьму в Хэме за утверждение, что то, против чего он протестовал, было его правом.

Тем временем *"Бельпул"* неуклюже продвигается вперед, чему препятствуют штили и штормы, но 8 октября 1840 года он благополучно бросил якорь у берегов Джеймстауна. Конечно, пришлось выполнить множество формальностей, так что эксгумация началась не раньше полуночи 15-го числа. Они наткнулись на гроб в десять часов утра, открыли его и обнаружили, что тело хорошо сохранилось. При этих словах всех охватило волнение. После того, как гроб был с глубокой торжественностью опущен и над ним водружен национальный флаг, почести, которые были бы оказаны императору, будь он жив, были оказаны его останкам 18 октября 1840 года.

Экспедиция отправилась в плавание, и прошло всего несколько дней, когда капитан проходящего мимо судна под названием *"Гамбург"* сообщил принцу Жуанвиллю, что война между Францией и Великобританией неизбежна, а два или три дня спустя это было подтверждено косвенной информацией, полученной им от голландского судна под названием *"Эгмонт"*. Офицерам двух других судов экспедиции было приказано подняться на борт *"Бельпула"*, был проведен военный совет и решено оказать решительное сопротивление. Палубы были расчищены для боя, орудия установлены, и все формы королевского комфорта были отменены. Сын Луи Филиппа добавил блеска имени Бурбонов своим героическим решением, что, каким бы ни был исход битвы, он скорее потопит свой корабль, чем позволит останкам императора снова попасть в руки британцев. Эта решимость была достойна самого Наполеона.

Были приняты все меры предосторожности, чтобы избежать поимки, но поскольку информация оказалась необоснованной, экспедиция не была прервана ни враждебными крейсерами, ни даже встречными ветрами, и задолго до того, как это ожидалось, исторический фрегат спокойно вошел в гавань Шербура в 5 часов утра 30 ноября 1840 года. Она совершила переход от острова Святой Елены за сорок два дня. Затем начался великий и беспримерный триумф.

Европа во второй раз погрузилась в траур, склонив голову в знак почтения и стыда. Никогда еще не было таких всеобщих проявлений осуждения плена и созданий, которые его устроили, и никогда еще не было такой несравненной радости и почтения, какие воздавались памяти великих усопших. В течение восьми дней, пока длилось лежание, к инвалидам ежедневно приходило более двухсот тысяч человек. Тысячи людей так и не добрались до желанной территории, но с каждым днем их становилось все больше, несмотря на суровую погоду.

Можно сказать, что весь мир был движим желанием выразить сочувствие этой непревзойденной национальной преданности и всемирному покаянию. Его останки сейчас находятся в церкви инвалидов, куда до сих пор совершается ежедневное паломничество. Интерес к жертве глупости британской администрации никогда не ослабевает. Каждый день умершего императора канонизируют, и его пророческие слова о том, что потомки воздадут ему должное, в полной мере исполняются.

Христианские короли, которые вели праведную войну с Наполеоном и объединились, чтобы совершить чудовищное преступление во имя основателя нашей веры, были мертвы. Бог в Своей милости обошелся без их мудрого руководства в человеческих делах, и, возможно, они долго расплачивались за дьявольский поступок в то самое время, когда прах их пленника достиг берегов его любимой страны и сотрясал ее с неудержимой радостью. Они и многие из их сообщников ушли. Четыре папы, которые царствовали, погрузились в свой последний долгий сон. Испанская нация, которая способствовала его падению, была поражена чумой хронических революций. Они были лишены великого направляющего духа, который один мог управлять той благотворной дисциплиной, которая была так необходима, чтобы держать в узде мятежные умы. Только Бернадот, которого Наполеон поставил на пути к тому, чтобы он стал королем Норвегии и Швеции, остался представлять плеяду королей. Осталось несколько маршалов-предателей, но Ожеро умер вскоре после изгнания, а Бертье покончил с собой за несколько дней до битвы при Ватерлоо, выбросившись из окна. Сульт, Удино и виновный Мармон были на виду в эти дни великого национального ликования. Даву, Журдан, Макдональд и Массена скрылись за занавесом. Именно дезертирство Бертье и Мармона, которых он считал своими самыми доверенными товарищами по оружию, сокрушило императора во время первого отречения. Это был жестокий удар, который глубоко запал в его душу и так и не зажил по-настоящему, но самым бессердечным инцидентом в связи с этим предательством стало назначение императором Франциском Мармона, предателя, военным инструктором сына Наполеона, пока тот находился в плену и невежестве в Вене.

Фуше, чья измена и хищнические злодеяния должны были привести к его расстрелу задолго до того, как над Империей разразилась катастрофа, поступил на службу в министерство Людовика XVIII, которому он усердно помогал взойти на трон, но в 1816 году он был включен в указ противубийц Людовика XVI, и ему пришлось скрыться. Он уехал в Прагу, затем в Триест и умер там в 1820 году.

Талейран умер в Париже в 1838 году.

Оба мужчины были беспринципными интриганам, лишенными ни капли морального чувства или лояльности, и оба обладали способностями, возможно, разными по характеру, которые они использовали для достижения своих собственных целей. Франция никогда не сможет переоценить огромное зло, которое эти два человека причинили национальному делу. Сила и проницательность Наполеона удерживали их в узде только тогда, когда он мог ухватиться за крапиву. Даже когда он отсутствовал в своих кампаниях, они знали, что он находится в тесном контакте с происходящим. Только когда измена переплелась с государственной изменой, их злые замыслы приобрели более широкий размах и более катастрофические результаты. Буррьен, еще один негодяй, уже упоминавшийся в этой книге, потерял свое состояние и рассудок в 1830 году и умер в сумасшедшем доме в Кане от апоплексического удара в феврале 1834 года. Примечательным фактом является то, что почти все выдающиеся фигуры драмы Империи и ее падения покинули портал до того, как останки великого полководца были доставлены обратно во Францию. Об этих людях сейчас помнят только как о невдохновленных ничтожествах с темным умом, которые совершили позорные поступки, приведшие к падению могущественного лидера, и до конца своих дней были связаны с дьявольским преследованием императора при его жизни и его семьи до и после его смерти и поощряли его.

Но благочестивый уход за его могилой полка британских солдат, оплачиваемый британскими налогоплательщиками, с 1821 года до патриотической эксгумации в 1840 году; с величественного и торжественного разрешения британского правительства, превосходит комический гений банды изобильных приходских трактирщиков. Если бы это не было так унижительно для национальной гордости расы, мы могли бы считать это одним из самых забавных происшествий в человеческой жизни. Какая шайка одутловатых, покрытых плесенью созданий стояла во главе британских дел в те дни! Действительно, они обнажают человеческую душу в ее худшем проявлении, и любопытной чертой является их укоренившаяся вера в честность всех своих поступков, которую невозможно описать в английском словаре. То, как люди терпели утечку человеческих жизней и материальных ресурсов страны, также феноменально.

Тысячи жизней были принесены в жертву и миллионы денег растрочены впустую с единственной целью уничтожить и унижить одного человека, который, если бы с ним обращались осторожно, стал бы большим общественным достоянием, чем он был на самом деле. Сэр Хадсон Лоу не был бы известен потомкам, если бы не та виновная роль, которую он сыграл в этой трагедии. Он покинул остров Святой Елены 25 июля 1821 года, и накануне своего отъезда ему вручили обращение от местных жителей. Говорили, что документ был написан по мотивам Plantation House, но этому вряд ли можно верить. Кроме того, мы не склонны сбрасывать со счетов заслуги, которые Лоу и его друзья и сообщники могут извлечь из этого. Они не светятся преданностью и не сожалеют о том, что он оставил командование. На самом деле, это не что иное, как холодный, вежливый способ попрощаться с ним. Форсайт придает этому большое значение, стремясь доказать свою популярность среди островитян и странствующих людей на службе короны. Он только усугубляет свое положение, берясь за столь безнадежную задачу. Фактически, этот выдающийся представитель британского правительства в то или иное время доводил все население острова Святой Елены до такой степени гнева и презрения, что не вызывает сомнений, что ни одна душа не могла последовательно выразить искреннего сожаления, за исключением тех немногих, кто входил в его штат, которые были так же виноваты, как и он сам, и всегда были готовы лизать ему сапоги за крупницу благосклонности; и все же совершенно очевидно, что, несмотря на героические глупости и заботу о том, чтобы превратить Плантейшн-Хаус в святилище преступной секретности, не произошло ничего важного или неважного относительно жителей острова. Что касается Лонгвуда, то это не было сразу передано по наследству. Излишне говорить, что эти сообщения скрашивали унылую монотонность жизни изгнанников, и даже Гурго был доведен до циничных насмешек нелепым характером некоторых жалких историй, которые просачивались сквозь них. Никогда не возникало никаких трудностей с проверкой их истинности, когда это считалось необходимым или полезным. Со слов биографа Лоу, нам сообщают, что этот бессмертный Верховный комиссар был представлен своему драгоценному государю 14 ноября 1821 года и собирался поцеловать ему руку, но Его Величество, пораженный превосходством стоявшего перед ним великого человека, указал, что целования рук не будет. Его заслуги перед своим королем и страной потребовали крепкого пожатия руки и сердечных поздравлений от Его христианского Величества. Трудная и образцовая задача Лоу была принята со слезами на королевских глазах, и Его величество был настолько потрясен, что снова взял руку Лоу и пожал ее во второй раз, сопроводив рукопожатие дальнейшим потоком благодарностей, а назначение на полковничье звание 93-го полка - эти комплименты были вполне заслуженными, поскольку исходили от монарха, волю которого он исполнял с такой жестокой верностью. Но как быть с запоздалой

мыслью, реакцией, которая начала гудеть у него в ушах почти сразу после этого бурного проявления восторженного одобрения? Огромная общественность, никогда не одобрявшая хваленую политику правительства героизма по отношению к несчастному врагу, развернулась с удвоенной силой. Возмущение против исполнителей этого жестокого убийства имело границ. Оно не ограничивалось Великобританией. Цивилизованный мир был потрясен. Добровольному орудию правительства досталось самое худшее, и вероломство будет цепляться за его имя всю вечность.

Книга О'Миры "Голос со острова Святой Елены, или Наполеон в изгнании", опубликованная в 1822 году, разошлась с бешеной скоростью. Напрасно Батерст, Каслри и Ливерпуль пытались сдержать поток общественного порицания, обрушившийся на них отовсюду. Сэр Хадсон Лоу, вне себя от дурных предчувствий, обратился к ним за защитой, но таковой не последовало. В самом деле, они были слишком заняты поиском каких-нибудь средств, с помощью которых можно было бы смягчить удар, и с нарочитой вежливостью предоставили своему сообщнику планировать свою защиту так хорошо, как он мог; и мир знает, какую жалкую работу он проделал. Его соучастники в великой трагедии были не из тех людей, которые разделяют какую-либо часть общественного порицания, которое могло отразиться на их тюремщике. Король и некоторые из его министров расточали ему милые комплименты до того, как осознали всю силу общественного негодования. Батерст отправил ему письмо в 1823 году, напоминая ему, что обращение с ним выходило за рамки обычного обращения губернаторов, что он вынашивал идею рекомендовать его на пост губернатора Вест-Индии, и что он не должен предполагать, что этот благосклонный интерес к нему был направлен на то, чтобы утихомирить шум, который поднимался против него. Это сообщение было сделано в ноябре, а в декабре Лоу сообщили, что он должен отправиться на Антигуа в качестве губернатора. По особым причинам в этой услуге было отказано, и два года спустя он принял командование войсками на Цейлоне и все еще находился там, когда в 1828 году появилась книга сэра Вальтера Скотта "Оправдание британского правительства". Скотт был нанят для этой особой цели.

Экс-губернатор искал на страницах этого экстраординарного труда оправдание себе, но там не было ни слова, которое можно было бы истолковать как настоящее одобрение. Он получил отпуск от губернатора Цейлона и отправился в Англию, якобы для того, чтобы оправдать свою репутацию. Он высадился на острове Святой Елены, нанес визит в Лонгвуд, иначе известный как "Обитель Тьмы", поскольку императорский арендатор называл его так, когда давал О'Мире свое благословение по случаю последнего расставания с ним, когда тот был изгнан с острова. Сэр Хадсон был потрясен, увидев, что это место вернулось в худшее состояние, чем было до того, как туда загнали изгнанников. Тогда это был грязный, нездоровый сарай, кишасший паразитами; теперь это было хуже, чем свинарник. Этот вид затронул нежную струнку в этом человеке, который был причиной того, что вынужденное пребывание императора превратилось в прискорбную агонию.

Размышления обо всем, что произошло за те пять памятных лет, должно быть, нахлынули на него и вызвали чувство горького раскаяния за то, что ему пришлось избежать роли в жестокой драме; и когда он стоял на месте, прославленном добровольным пленником Англии, не было ничего противоестественного в том, что его охватила странная и, возможно, очищающая грусть. Все то, что в другие дни, при других условиях, он считал неоправданным великолепием, исчезло. Императорская спальня и рабочий кабинет теперь использовались для содержания коров, лошадей и свиней. Повсюду были разбросаны другие сельскохозяйственные товары. Не

осталось ничего, что указывало бы на то, что это место было посвящено славе и вечной жалости. Торжество смерти постигло его всего около шести лет назад. И теперь сэр Хадсон Лоу, мы не сомневаемся, с глубоким сожалением взирал сверху вниз на безымянную могилу великого полководца, охраняемую часовыми с примкнутыми штыками, готовыми вонзить их в любого непрошеного гостя, вторгшегося в священные пределы Долины Наполеона, или Долины Герани, которая также известна под названием Чаша для пунша.

Ах! какие густые воспоминания, должно быть, нахлынули на него в тот торжественный час на этой сокрушенной скале горькой и жестокой мести! Все, что мы когда-либо узнаем об этом печальном визите, как он действительно повлиял на Лоу, было рассказано его биографом. Нам остается многое вообразить, и поэтому мы должны прийти к выводу, что он был бы не совсем человеком, если бы не осознавал, что тень возмездия преследует его. Если бы его мысли о себе были иными, он вскоре разочаровался бы.

Он провел на Скале три дня, его хорошо встретили и проводили, и вскоре он появился в Лондоне и представился своему квазидрузью Батерсту, который, заботясь о своих собственных интересах и интересах своих коллег, не поощрял идею публикации ответа на книгу сэра Вальтера Скотта. Батерст, на самом деле (с бессознательной шутливостью), посоветовал Лоу без промедления поспешить обратно на Цейлон, иначе тем временем откроется вакансия губернатора и он может упустить свою возможность. Он был уверен в том, что правительство ценит его как своего самого надежного и лояльного государственного служащего, в то время как на самом деле было до смешного очевидно, что его присутствие было для них в Англии столь же нежелательным, как и для изгнанников на острове Святой Елены. Он полностью осознавал и не недооценивал количество грязной работы, которую он для них выполнил, и вполне обоснованно ожидал, что будет щедро вознагражден. Ему никогда не приходило в голову, что возмездие преследует их так же, как и его самого, и что они не могут открыто выразить свое недовольство той ненавистью, которую он навлек на правительство и на британское имя из-за того, что он так строго выполнял их вероломные постановления. Если бы общественное мнение поддержало их, их действия были бы расценены как мудрая политика, но этого не произошло, так что это бедное, жалкое, бестактное, некомпетентное орудие вызвало у них почти такое же отвращение, как и сам великий узник. Фактически, дела у них шли настолько плохо, что они предпочли бы, чтобы Лоу потакал каждой прихоти своего пленника, предоставил ему полную свободу бродить, где ему заблагорассудится, признал его императором и даже не слишком усердствовал в предотвращении его побега; и они, должно быть, хотели, чтобы в первую очередь они недумали о Святой Елене, а мудро и великодушно оказали ему гостеприимство на нашей собственной земле. Последнее было бы лучшим, что могло произойти для всех заинтересованных сторон.

Жестокое обращение с самым скромным заключенным или убийство самого возвышенного никогда не смогут понравиться британскому народу. Сэра Хадсона обдало холодом, когда он добился интервью с герцогом Веллингтоном. Его светлость так многословно сказал ему, что они не желают иметь с ним ничего общего. Он не мог рекомендовать его на должность в российской армии. Он не мог питать надежд на то, что тот получит пост губернатора Цейлона, если появится вакансия. Им почти не пользовались, но ничего не поделаешь. Парламент не назначил ему пенсию, о которой он просил. Лоу ответил, что он будет стоять или падет в зависимости от ее решения, но герцог оборвал его, заявив, что мистер Пил никогда не внес бы такое предложение в Палату общин. Теперь у него не было другого выхода, кроме как вернуться на Цейлон. Он не

получил вакансию, которая открылась в 1830 году, и вернулся в Англию, но больше никогда не получал государственного назначения.

В 1843 году он представил многословный мемориал, жалуясь на то, что его двенадцать лет не пускали на работу. Пост губернатора Цейлона трижды был вакантен, Ионических островов - четыре раза; он был губернатором там в 1812 году. В других частях империи должности, которые, как он предполагал, он мог бы заполнить, были переданы другим. Бедняга! Он умер в 1844 году, сломленный и разоренный человек.

Ему не хватало всех качеств, необходимых администратору, и он был совершенно лишен чувства юмора, воображения или способности управлять людьми. Его подозрительный нрав и отсутствие здравого смысла делали для него в высшей степени невозможным занимать какую-либо деликатную должность, и было чудовищной клеветой на знание обстоятельств доверить ему пост губернатора острова Святой Елены.

Лорд Тейнхэм совершил жестокую атаку на Лоу в Палате лордов в 1833 году. Герцог Веллингтон был вынужден защищать своего сателлита и делал это довольно энергично, поскольку нападение действительно было совершено на него и некоторых членов его правительства. Лорд Тейнхэм отвечает с не меньшей энергией: "У него не было намерения порочить личную жизнь сэра Хадсона, но что касается его поведения в бытность губернатором острова Святой Елены, он утверждал и всегда будет утверждать, что все народы Европы осуждали Лоу как человека, которому нельзя доверять власть". Несколько дней спустя лорд Тейнхэм принес своего рода извинения, несомненно, инспирированные заинтересованными лицами, по личным и международным причинам. Они были великодушны, эти бесстрашные сообщники, на ранней и средней стадиях плена, и, действительно, они вели себя с хвастливым вызовом общественному мнению, пока их не охватили многочисленные сильные проявления неизбежных неприятностей, и, подобно всем деспотам, которые неизменно трусы, они жили в смертельном страхе, что это их создание снова заболеет проказой Святой Елены и подвергнет ихдальнейшему унижению. Лоу говорил о возбуждении иска за клевету против Барри О'Мира и в причудливой, нерешительной манере побудил своих работодателей дать отпор, а судебные приставы короны возбудили дело, но посоветовали не предпринимать никаких действий, и поэтому оно так и не было возбуждено, хотя О'Мира продолжал многословно призывать их действовать. "Я озабочен тем, чтобы у вас была возможность защитить выдвинутые мной против вас обвинения. Я также озабочен тем, чтобы общественность узнала больше, чем я написал". Такова, по сути, была позиция доблестного доктора, который первым обратил серьезное внимание на происходящее в "Обители Тьмы". Излишне говорить, что никаких действий так и не было предпринято, и, несмотря на все инкриминирующие факты, никогда не предполагалось, что какие-либо действия будут предприняты. Даже Высший торизмбыл встревожен последствиями. Герцог Веллингтон, каким бы храбрым и доблестным солдатом он ни был, уклонился от столь непосильного испытания. Лучшее, что он мог сказать о нем, было: "Он был глупым человеком", "Неудачный выбор", "и совершенно не подходил для руководства Бонапартом".

Веллингтон, возможно, и был храбрым и умелым генералом, но он не знал, как быть великодушным к несчастному врагу, который сам всегда был добр и внимателен в час победы. Высказывания Веллингтона о Лоу более чем знаменательны, хотя его поведение по отношению к бедняге кошачьей лапе характерно для подлой, суровой души. Но его поведение по

отношению к Наполеону заставило бы покраснеть любого французского якобинца и навсегда принизило его в глазах каждого, в ком есть хоть искра человеческих чувств.

Гиперссылка[22] гласит, что Ватерлоо было выиграно французами в середине дня той судьбоносной битвы, но каприз судьбы — прибытие корпусов Бюлова и армии Блюхера и отсутствие корпуса Груши - вырвал из рук Наполеона триумф, который был у него в руках. Веллингтон даже сказал генералу Хиллу, который пришел за приказами в самый критический момент сражения: "У меня нет приказов, чтобы отдавать их вам. Нам ничего не остается, кроме как умереть здесь. Наш путь к отступлению отрезан даже у нас за спиной".

Слова отчаяния Веллингтона передавались в различных формах. В частности, сообщается, что он сказал: "О! для найта или Блюхера". Когда он услышал стрельбу, "Наконец-то это старый Блюхер!" и т. Д. В том, что он оказался в затруднительном положении, мало кто сомневается, и многие авторитетные источники заявили, что, если бы Граучи появился в соответствии с приказом, союзные войска были бы разорваны на куски.

Был ли это "каприз фортуны" или нет, Веллингтон утверждал, что выиграл битву. "Каприз фортуны" не имел к этому никакого отношения. Это было тяжелое сражение. Предательство и дезертирство на важном этапе, несомненно, уменьшили шансы французов на успех. Меневаль добавляет, что "ни в одном столь важном столкновении французская армия не проявила большего героизма и решительности, чем в битве при Ватерлоо". Наполеон на острове Святой Елены объяснял свое поражение целым рядом обстоятельств: предательством и тем, что некоторые из его генералов не выполняли его приказы должным образом, и часто заключал: "Должно быть, это была Судьба, потому что я должен был добиться успеха". Он привык говорить, что "Никогда не следует просить у Судьбы больше, чем она может дать", и, возможно, в этом он ошибался.

Хотя с момента катастрофы во Франции прошло почти столетие, причина ее до сих пор остается спорной. Несомненно, что поведение маршала Сульта, который был заместителем командующего, давало повод для подозрений. Старый капрал сказал императору, что он должен "быть уверен, что Султ предал его". Сообщалось, что генерал Вандамм перешел на сторону врага. Драгун также доложил императору, что генерал Эннен призывал солдат своего корпуса перейти на сторону союзников, и пока это происходило, генералу пушечным выстрелом оторвало обе ноги. Лейтенанты, полковники, офицеры штаба и, как говорят, офицеры, которые везли депеши, дезертировали, но важно, что не приведено ни единого примера, когда простой солдат отказался от дела своего великого вождя. Лорд Уолсли заявляет, что если бы Наполеон был тем человеком, которым он был при Аустерлице, он выиграл бы битву при Ватерлоо. Эту точку зрения Уолсли поддерживают многие авторы.

После Лютцена, Бауцена и Дрездена Байрон сказал, что "если бы не эпилепсия и стихии, он поддержал бы Наполеона на поле боя". Хорошо известно, с какими трудностями ему приходилось бороться, включая самое подлое предательство в его собственном кругу.

Поведение маршала Груши всегда будет вызывать сомнения даже у самых дружелюбных критиков. Вспыхивающая повсюду государственная измена, должно быть, оказала притупляющее воздействие на разум великого гения, хотя он боролся с нарастающей силой с поразительным мужеством. Он видел, что течение стало слишком сильным, чтобы он мог

остановить его, если только не решит снова рискнуть пролить реки крови. Этого он уклонился и во второй раз отрекся от престола. И тогда началась варварская, преступная история.

Назначение сэра Хадсона Лоу стало национальным бедствием, но он был кандидатом в помощники Веллингтона и выполнял их пожелания с преступной точностью, и они должны были поддержать его в его ужасном горе, вместо чего они позволили ему умереть в бедности, сломленным духом и жертвой клеветы, которую им следовало бы иметь достаточно мужества, чтобы разделить.

Что бы ни говорили в оправдание их с ним, *они*, несомненно, были слишком серьезно вовлечены, чтобы ввязываться в драку, которая закончилась бы катастрофой для всех них, и поэтому, проявив необычную мудрость, они никогда не заходили дальше угроз.

Сэр Хадсон был мертв примерно за девять лет до того, как Форсайт обрушился на общественность со своим эксцентричным выступлением в защиту нелюбезного и несчастного экс-губернатора. Усердный поиск биографом материала, благоприятствующего его обожествленному герою, заставил его просмотреть гравюры, написанные недружелюбными авторами и мстительными критиками великого пленника. Даже государственные документы, самые ненадежные из всех документов по этому конкретному предмету, использовались для доказательства добродетели сэра Хадсона, и когда цитаты были бесполезны, автор продолжал выдвигать самые удивительные идеи в поддержку задачи, которую он поставил перед собой, чтобы доказать.

Авторы антинаполеоновской истории, изучающие период Святой Елены, преисполнены удивления и презрения к императору, который, согласно их утонченному и точному суждению о соответствии вещей, должен был быть вечно благодарен британскому правительству за то, что оно не приказало его расстрелять. Почему он должен так раздражительно жаловаться на свое лечение и свое состояние? Великий человек показал бы свою признательность за все деньги, которые были потрачены на нужды его существования и на повышение безопасности его личности. Ему не подобает жаловаться на неправильное обращение после всех неприятностей и переполоха, которые он причинил в то или иное время. Действительно, великий человек невозмутимо перенес бы бремя плена и воздал бы хвалу людям, которые дали ему возможность показать, как великий солдат может вести себя в таких несравненных невзгодах.

По сути, именно таким, по мнению этих высоколобых литераторов, должно было быть отношение гостя Англии. Он должен был принять обращение, каким бы суровым и произвольным оно ни было, с христианской стойкостью и должен был иметь в виду, что он находился под опекой христианского короля и христианского народа. Доктор Макс Ленц, написавший очень интересный и в целом умеренный отчет о Наполеоне, учитывая его национальность, прибегает к той же стереотипной заключительной фразеологии о том, как Наполеон беспокоил и почти измотал доброго сэра Хадсона Лоу, который всего лишь выполнял свой долг и уступал Наполеону всякий раз, когда видел возможность это сделать.

Но, опираясь на авторитет Гурго, которого лорд Роузбери, по-видимому, считает самым правдивым из всех хронистов острова Святой Елены, этот панегирик совершенно необоснован, ибо поистине нет ни одного заслуживающего доверия современного писателя, который рискнул бы своей репутацией, сделав столь опрометчивое заявление, которое можно было бы так легко доказать как преднамеренную выдумку. Это не значит, что фальсификация была

необычным трюком, но репутация губернатора по отношению к Наполеону была настолько хорошо известна, что ни один человек, претендующий на ясное, взвешенное суждение, не смог бы защитить его глупое, порочное поведение.

Наполеон никогда не менял своего мнения о вероломстве Лоу по отношению к нему. Однажды в разговоре с правдивым Гурго он воскликнул: "Ах! Я знаю английский. Вы можете быть уверены, что часовые, расставленные вокруг этого дома, получили приказ губернатора убить меня. Когда-нибудь они сделают вид, что по ошибке укололи меня штыком". Гурго сообщает, что в другой раз он сказал: "Хадсон Лоу - сицилиец, привитый пруссаком; они, должно быть, выбрали его, чтобы заставить меня умереть под его присмотром. Было бы более великодушно застрелить меня сразу.

Было бы абсурдно утверждать, что Наполеон говорил эти вещи без веских оснований, и хотя, когда его личное тщеславие и ненормальная ревность были возбуждены каким-то воображаемым ущербом самому себе, Гурго прибегал к самой выдуманной лжи, на то, что он сообщает относительно мнения своего господина о губернаторе, можно положиться, поскольку оно в более полной форме подтверждено О'Мирой, Лас Кейсом, Монтолоном, Бертраном, Антоммарчи и каждым из уполномоченных. Первый пожертвовал всем, лишь бы не участвовать в том, что он назвал обращением, которое было "нарушением приличий".

Это лишь немногие из людей, свидетельствующих против того, чтобы сэра Хадсона называли "хорошим"; и я могу добавить еще одного в плеяду, бедного доктора Стоко, который боялся, что к его высокому посту и выдающейся профессии будет приковано отвратительное унижение инквизитора и шпиона. Он отказался, как это сделала О'Мира, пожертвовать своим мужским достоинством или чувством чести. Обманом поставленный в ложное положение Лоу и добродетельным (?) сэром Робертом Плампином, доктор Стоко, который нанес всего пять профессиональных визитов в Лонгвуд, был лишен своего положения и всех его преимуществ после двадцати пяти лет службы на флоте, потому что он отказался стать подлецом по приказу этих двух отвратительных правительственных чиновников, один из которых позорит службу своей стране в качестве губернатора, а другой - имя моряка и адмирала.

В 1819 году Стокоу подал в отставку со своего поста на *"Конкероре"* и отплыл в Англию. Лоу отправил отчет на имя лордов Адмиралтейства тем же судном, и едва Стоко приземлился, как его отправили обратно на остров Святой Елены. Он вернулся на *"Завоевателе"* под впечатлением, что его поведение было одобрено, но был разочарован, когда его немедленно отправили под арест. В интересах Лоу был возбужден фиктивный военный трибунал, и Плампин и эти набитые подлецы приговорили его к увольнению из военно-морского флота. Обвинения против Стоко заключались в том, что он не явился к Плампену в "Брайарз" после визита в Лонгвуд и что в своем отчете он назвал пациента императором, а не генералом Бонапартом. Это образец "старых добрых времен", когда определенный вид существ с удовольствием демонстрирует свою мудрость в разговорах о них. Я полагаю, бессмертный Джон Рескин позволял себе время от времени напоминать миру двадцатого века о тех днях, которые были такими блаженными.

Форсайт, считающий себя беспристрастным историком, забывает включить в свою работу в защиту поведения Лоу следующие поразительные обвинения, которые должны быть приведены полностью. Они публиковались раньше, но они настолько уникальны, так недостойны мужчины и так вероломны, что, я думаю, их следует снова представить публике, чтобы любезный читатель

могосознать глубину позора, в который погрузилась Англия в начале девятнадцатого века. Вот вся история, на основании которой был осужден доктор Стоко. В его бюллетене о состоянии здоровья Наполеона утверждалось, что "Более тревожным симптомом является тот, который наблюдался в ночь на 16-е число, повторение которого вскоре может оказаться смертельным, особенно если нет медицинской помощи". Губернатор и достойный адмирал были разгневаны таким неслыханным высокомерием, проявленным при составлении отчета, не соответствующего их желаниям, желаниям правительства и олигархии, поэтому обвинительный акт Стоко, основанный на этом бюллетене, продолжается: "Намереваясь таким образом, вопреки характеру и долгу британского офицера, создать ложное впечатление или веру в то, что генерал Бонапарт находился в неминуемой или значительной опасности и что никакой медицинской помощи под рукой не было, он, упомянутый мистер Джон Стоко, не будучи свидетелем каких-либо подобных симптомов и зная, что состояние пациента было настолько незначительным ". настоятельно требовал, чтобы он был в Лонгвуде за четыре часа до того, как его допустят к нему, и, кроме того, знал, что доктор Верлинг находится поблизости, готовый оказать помощь, если потребуется, в любой такой чрезвычайной ситуации или значительной опасности. Он сознательно и добровольно назначил генерала Бонапарта в упомянутом бюллетене способом, отличным от того, которым он был назначен в Акте парламента, для лучшей защиты его личности и вопреки практике правительства Его Величества, генерал-лейтенанта-губернатора острова и упомянутого контр-адмирала, и он сделал это по особому требованию упомянутого генерала Бонапарта или его приближенных, хотя он, мистер Джон Стоко, хорошо знал, что способ назначения был предметом спора между упомянутым генералом Бонапартом и генерал-лейтенантом сэром Хадсон Лоу и британское правительство, и что, подчинившись желанию упомянутого генерала Бонапарта, он, упомянутый мистер Джон Стоко, действовал вопреки желанию и практике своих собственных вышестоящих офицеров и уважению, которым он обязан им в соответствии с общими печатными инструкциями". Сама мысль о том, что от любого взрослого мужчины ожидают "уважения" к вышестоящим офицерам, у которых не больше чувства справедливости, достоинства или самоуважения, чем предъявить такой вопиющий документ с высшей целью прикрыть образец смешанной глупости и негодяйства и разорить беднягу, оказавшегося в их плохо обусловленной власти!

Действительно, нам не нужно дополнительных обоснований заявлений Наполеона относительно того, каковы были официальные намерения по отношению к нему. Без сомнения, доктор Макс Ленц слишком безрассуден в своей великодушии по отношению к Лоу, поскольку его действия от начала до конца карьеры доказывают, что он был ужасным существом. Одной мысли о нем и о тех воплощенных пауках, которые продолжали плести свою паутину и в течение шести смертных лет позорили человечество, на самом деле достаточно, чтобы выбить человека из колеи. Тщетно они рылись по всему миру в поисках людей, облеченных властью, которые поддерживали бы их в оправдании, но ни одна живая душа не пришла разделить то, что сейчас считается укоренившейся преступностью.

Возможно, злобное обращение с Байроном стоит в одном ряду с самыми подлыми и бессильными действиями воинствующих олигархистов из-за его шокирующей (?) симпатии к врагу Англии. Свирепый, но изысканный ткач рифм, который был кумиром нации и гостиней, пользовался спросом у самых высоких и культурных людей страны. Байрон стал жертвой общественного недовольства отчасти потому, что дал волю эксцессам, которые шокировали ортодоксальность капризной публики. Он достиг такой вершины славы, какой никогда не достигал ни один человек его лет, и вдруг без предупреждения пал жертвой беспрецедентной

брани. Его недостатки, если правдивы скудные отчеты, которые были переданы, были велики, но многие из них были просто человеческими. Его брак был несовместимым, а любовные связи приводили в замешательство. Его характер и привычки были очень похожи на характер других гениев, исследует делать большие скидки личностям, чье психическое устройство может быть таким, что сводит на нет нормальный контроль.

Все это очень хорошо - говорить, что этих людей следует заставить придерживаться общепринятого закона, потому что от обычных смертных ожидается, что они будут так поступать, но такой человек, как Байрон, не был обычным. В своей конкретной области он был большой силой с мозгом, который совершал судорожные повороты. Абсурдно ожидать, что существо, чей гений создал "Чайльд Гарольда" и "Манфреда", можно было бы приспособить к вполне заурядной домашней жизни. Мисс Милбанкен, которая вышла за него замуж, и публика, которая сначала благословила, а затем проклинала и сделала его изгоем, не были безупречны. Если бы они обладали превосходством, которое они благочестиво приписывали себе, они бы увидели, насколько невозможно для этого эксцентричного человека с бурными страстями подчиняться условностям.

Возможно, безмятежный критик может возразить против такой формы рассуждений и привести примеры гениев, таких как Вордсворт, который жил строго благочестивой жизнью, ни на волос не нарушая никаких моральных законов; но Вордсворт не был создан как Байрон; у него не было личности бедного своенравного калеки, который в свое время поставил мир к своим ногам, и у Вордсворта не было возможности бороться с такими дикими наследственными осложнениями, как Байрон. Вордсворт никогда не захватывал воображение публики, в то время как Байрон обладал способностью разжигать его. Но, увы! ни его притягательная сила, ни его надменный дух не могли остановить вихрь ненависти, ярости и клеветы, охвативший добродетельную и капризную публику. История о жестокости по отношению к его жене приобрела чудовищные масштабы, количество сообщений о его связях превысило все человеческие разумные пределы. Обесцвеченные сердца олигархической партии пришли в ярость от его уничтожающих насмешек и обвинений в лицемерии, но кульминация наступила подобно торнадо, когда чувство справедливости побудило поэта высмеять принца-регента и восхвалить императора Наполеона с неповторимым пафосом и страстью.

Это было государственной изменой! Наконец-то он поставил себя вне зависимости от милости избранного народа. Они болтали и возмущались его безнравственностью, но его восхваление Наполеона привело их в дьявольское неистовство. Он был объявлен вне закона и изгнан из страны. Красивая и богатая леди Джерси, лидер общества, убежденная, что его неправильно понимают и с ним обращаются с неоправданной суровостью, защищала его всей силой своего решительного характера, но злоба укоренилась слишком глубоко, даже для того, чтобы ее сила и влияние могли предотвратить катастрофу. Чувство, зародившееся против него, было настолько сильным, что для него стало опасно выезжать, не рискуя проявить яростную враждебность. Если бы он просто оскорбил принца-регента, маловероятно, что для этого было бы сделано какое-либо исключение; но восхвалять и проявлять сострадание к Деятелю Французской революции, который боролся за новое положение вещей, угрожавшее структуре, на которой их орден держал свое доминирующее и деспотическое господство, было чудовищностью, которую, по их убеждению, не мог вынести даже Бог на небесах; почему же тогда от них следовало ожидать этого?— они были всего лишь людьми. Как общественное, так и частное негодование вышло из-под контроля, и таким образом случилось так, что восхваление

бессмертным поэтом бессмертного императора стало связано с позором быть обвиненным в вопиющей безнравственности. Реакцией на это эксцентричное существо был фанатизм. В этом не было ни смысла, ни рассудка, и, как он сказал, "Если то, что они говорят обо мне, правда, то я не подхожу для Англии; но если это ложь, то Англия не подходит для меня"; и с этой мыслью, волнующей его разум, он покинул свою родину, чтобы никогда больше ее не увидеть.

Захваченный, без сомнения, духом великого человека, чей панегирик вызвал такое оскорбление в определенных кругах, он отправился в крестовый поход за освобождение греков, заболел лихорадкой и умер в Миссолонги.

Придерживаясь человеческих традиций, нация, которая так недавно изгнала его, была охвачена горем. Мужчины и женщины осуждали себя за свое ошибочное суждение о нем, и он снова стал богом в памяти, а его жена была единственным исключением в великой демонстрации национального покаяния. Несравненный поэт тяжко согрешил, если верить слухам, но его заставили страдать несоизмеримо с его грехом. Его проступки отличались только от проступков других людей. Можно совершенно справедливо сказать, что один из его недостатков заключался в том, что он родился гением и позволял публике, чьи мнения и дружеские отношения были непостоянны, боготворить себя. Во-вторых, он допустил ошибку, пренебрегая пуританскими традициями и высмеивая их. В-третьих, и, вероятно, самым провокационным из всех, было его неповиновение пламенному патриотизму некоторых правящих классов, восхвалявших того, кого они клеймили как врага рода человеческого, и высмеивавших драгоценного принца-регента. Его выдающиеся таланты защищали его не больше, чем героя пятидесяти ожесточенных сражений, величие которого он превозносил.

СНОСКИ:

[22] Том iii. стр. 451-2.

ГЛАВА V

MESDAMES DE STAËL AND DE REMUSAT

Это странная человеческая слабость, которая не может долго выносить чистилище, когда видишь возвышение великого общественного благодетеля. Чем менее компетентны критики, тем беспощаднее они в своих декламациях и интригах. Они намекают на недостатки, а если это слишком неэффективно, выдумывают их. Люди, занимающие видные общественные посты, редко избегают оскорблений профессиональных скандалистов. Эти существа существуют повсюду. Их тщеславие равно только их некомпетентности во всех важных вопросах. Их способность состоит в том, чтобы знать, какого рода развлечения нравятся определенному классу людей, и чем более возвышенна их жертва и чем больше у нее репутация человека, живущего безупречной жизнью, тем настойчивее становятся их перешептывания, многозначительные кивки и подмигивания. Они знают и могли бы рассказать пару вещей, которые парализовали бы веру. Они могли бы показать, насколько они были правы, последовательно заявляя, что такого-то человека очень переоценивали и никогда не следовало ставить на такое высокое положение; "и кроме того, я не хочу говорить всего, что знаю, кроме

его порочности! Ну, вот, я мог бы, если бы захотел, открыть некоторым людям глаза, но я не хочу причинять никому никакого вреда" и так далее. Эти снисходительные, язвительно настроенные клеветники поздравляют себя с добротой своего сердца, скрывающего от общественного внимания свои отвратительные воображаемые обвинения, которые являются всего лишь мыслями тщеславного и гнилого ума.

Многие и очень многие бедняки, сами того не подозревая, становятся невинной жертвой необоснованных обвинений, вынашиваемых и распространяемых тем тонким, вкрадчивым способом, который так знаком бесполому клеветнику. Настоящая женщина-клеветница - ужасное бедствие, особенно если она занимается политикой. Ни один мужчина не может сравниться с ней в утонченной агрессивной хитрости. Она может распространить грязную клевету, написав добродетельное письмо, и никогда не появится ни малейшего изъясна, который привлек бы ее к ответственности за это. И ее сардоническая улыбка - невнятное откровение всего, что она хочет донести. Это больше, чем простая речь. Она производит впечатление укуса.

Мадам де Сталь проявила склонность к этой постыдной агрессивности по отношению к Наполеону после того, как исчерпала все возможные стратегии, чтобы склонить его к флирту с ней. Часто она была чем-то вроде великолепной лошади-пехотинца, которая появлялась в присутствии выдающихся личностей, направляя свои ядовитые взгляды на тех, кто был польщен тем, что ее слушали; в других случаях она была кошачьей в своих методах. Талейран и Фуше использовали эту последнюю черту ее характера в своих собственных целях. У нее был талант, который использовался для озорства, но ее вульгарность и эгоизм были весьма прискорбны. Она бы рискнула подвергнуться мукам Ада, если бы могла вступить в связь с Наполеоном. Она засыпала его письмами, хорошо приправленными страстью, но все без толку. Она пришла повидаться с ним на улицу Шантерен, и ее отослали. Она приглашала его на балы, на которые он никогда не ходил. Но ей предоставлялись возможности, которые она использовала, чтобы привлечь его внимание. На одном из них она продержала его в объятиях два часа и, воображая, что произвела большое впечатление, резко спросила: "Кто была самой выдающейся женщиной в древности и кто является таковой в наши дни?" Наполеон был сыт по горло ее любовной болтовней, поэтому выпалил в своей быстрой практичной манере: "Та, которая родила больше всех детей". Смушение леди можно себе представить. Это был смертельный выпад.

Этот же дамы, которые имели соблазн правителем Франции, но безуспешно, совершил насильственныйлюбовь к Бенжамена Констана, который был другом Наполеона в то время. Ее письма к нему были страстными, и Наполеон сказал Гурго на острове Святой Елены, что она даже угрожала убить своего сына, если Бенджамин сделает то, чего она от него хочет. Эта суетливая интриганка предложила Наполеону, что, если он даст ей два миллиона франков, она напишет все, что он пожелает. Она немедленно занялась своими делами.

Мадам де Сталь вообще не была важной персоной, но она обладала способностью привлекать к себе людей, у которых, как и у нее самой, были претензии, требующие обсуждения, и мы можем без сомнения заключить, что эти сборища состояли из хорошо отобранных интриганок, на которых она обратила внимание своим кошачьим взором. Ее большой обидой была холодность первого консула, а впоследствии и императора по отношению к ней. Он оценил ее по достоинству. Он обращался с ней с вежливостью, подобающей гражданке Франции, но не более того, и когда она плохо вела себя в его присутствии, он упрекнул ее с должным учетом ее

пола. Когда она заставляла людей говорить с ним о ней, он просто пожимал плечами, по своему обыкновению, и презрительно улыбался; хотя иногда он не мог устоять перед искушением высмеять ее комические притязания. Но это человеческое любопытство имело силу приносить вред.

Она была не только интриганкой, но и после неудачи в любви у нее развился литературный стиль тираноубийцы. Она снизошла до покровительства главе государства, дав ему понять, что ее враждебность прекратится при определенных, четко определенных условиях. Став настоящим губернатором Франции, Наполеон положил конец религиозным преследованиям и ввел в эксплуатацию церкви. Он восстановил религию и тем самым подчинил своему влиянию сто миллионов католиков. Эта мудрая политика вызвала сильную оппозицию со стороны части духовенства. Мадам де Сталь и друзья, которых она подстрекали, многие из которых были главными генералами, были злонамеренно против этого и оказали давление, чтобы побудить его установить протестантскую религию. Наполеон игнорировал их всех. Он знал, что находится на правильном пути и что нация в целом с ним. Франция была, по сути, римско-католической страной, и ее глава вернула своему народу то, что считалось истинной верой. Изгнанник часто касался этих вопросов в беседах с тем или иным из своих последователей. Презрение Наполеона к мадам де Сталь было вполне заслуженным, и он никогда не видел и не слышал о ней такого, чтобы это не действовало ему на нервы. Она была женщиной типа "смерть мужчине", которая упорно оставалась, прямо или косвенно, его политическим советником. Доктор Макс Ленц обвиняет императора в развитии деспотизма, который заставил его изгонять такую женщину, как мадам де Сталь, из страны в страну, "и попирает ногами любое проявление независимости".

Действительно, добрый доктор может быть обвинен в том, что не был лучше осведомлен о деяниях этого зловещего человека, погрязшего в государственной измене и отказавшегося принять законы жизни с надлежащей покорностью. Просто нелепо предполагать, что мадам де Сталь поддерживала строгую дисциплину из-за причудливого деспотизма со стороны человека, который установил во Франции стабильное правительство и который был хорошо информирован о попытках баронессы и ее анархистских единомышленников подорвать и уничтожить Конституцию, восстановление и укрепление которой стоило Франции и ее правителю столь многого. "Пусть о ней судят как о мужчине", - сказал Наполеон, и, по правде говоря, он был прав, приняв такое решение, поскольку все ее поведение соответствовало мужскому. Он тоже был прав, показав, насколько неприятной она показалась ему. В первые годы своего правления он был вынужден придерживаться своего рода представления о ней типа "Ради Бога, чего она хочет?", хотя он никогда и ни при каких обстоятельствах не проявлял слабости в своих реальных отношениях с ней. Ему не нравились женщины, которые заявляли о себе как о мужчинах, и еще больше ему не нравились влюбчивые отпрыски Неккера, потому что он ненавидел женщин, которые бросались в объятия мужчин; она пресытила его своими настойчивыми попытками заняться с ним любовью. В одном из своих писем к нему она говорит, что, очевидно, было вопиющей ошибкой, полным непониманием человеческой природы, что тихая и робкая Джозефина связала свою судьбу с судьбой такого бурного характера, как у него. Она и Наполеон, казалось, были рождены друг для друга, и казалось, что природа одарила ее таким восторженным нравом только для того, чтобы она могла восхищаться таким героем, каким он был. Наполеон в ярости разорвал это драгоценное письмо и воскликнул: "Эта производительница сантиментов смеет сравнивать себя с Жозефиной!"

На письма не было ответов, хотя это не оказало сдерживающего эффекта на мадам де Сталь. Она продолжала изливать свое обожание. Он был "богом, сошедшим на землю". Она обращалась к нему именно так, и его бездушное отношение к ее безумию привело ее в отчаяние и мстительность, которые навлекли на нее спасительное наказание. Ее остроумие и сарказм ни к чему не привели. Он смотрел на нее как на одаренную сумасшедшую, которой взбрело в голову соблазнить его. Она стала такой озорной, что он вывез ее из Франции. "Пока я жив, - сказал он, - она не вернется". Он посоветовал ей жить в Берлине, Вене, Милане или Лондоне, предпочитая последнее. Там у нее был бы полный простор для проявления своего гения в написании брошюр. "О да, - говорит "бог, сошедший на землю", - у нее талант, много таланта, на самом деле даже слишком много, но это оскорбительно и революционно". Эта поэтесса-политик, которая говорила смелые вещи и писала удивительные обличительные речи против своего "бога", на самом деле была одним из самых раболепных созданий на земле. Она умоляла разрешить ей вернуться на родину и пообещала вести уединенную жизнь, но веру великого человека в его собственные здравые суждения было не поколебать.

"Все ее обещания очень хороши, - сказал он, - но я знаю, что они означают. Почему она должна так стремиться оказаться в непосредственной близости от тирании?"

Подобно всем эксцентричным женщинам, желающим играть роль мужчины, она предстала перед Наполеоном в самом нелепом, безвкусном наряде. Этой гениальной и безрассудной женщине не хватало мудрости оценить вкус Бонапарта, которого она хотела очаровать своей неряшливой внешностью и витиеватыми словами.

Этот человек метода и порядка, обладавший острым чутьем на изящество и красоту в различных проявлениях, всегда придерживался мнения, что женщины должны одеваться просто, но с безупречным вкусом. Это улучшает приятную внешность и, при необходимости, скрывает недостатки; но в любом случае это прямая обязанность женщин одеваться с некоторым учетом общепринятых обычаев. Это дает им гораздо большее влияние, чем они могли бы иметь в противном случае. Большинство женщин знают важность этого трюка и прибегают к нему, и их здравый смысл щедро вознаграждается.

Мадам де Сталь поступила совершенно наоборот. Она предстала перед Избранником Судьбы в шокирующем наряде, и он расценил это как проявление дерзости. Это открыто возбудило его предубеждение против нее, несмотря на его равнодушные попытки скрыть это, но ее эгоизм был настолько огромен, что она действительно верила, что делает большие шаги к излечению его бессердечия по отношению к ней. Антинаполеоновские писатели тщательно использовали эту женщину, чтобы доказать, что он был бесчеловечным деспотом, а она - благородной француженкой и гением в искусстве управления государством. Они цитируют ее как большой авторитет. Ее знания о его злодеяниях и ошибках администрации изложены как безупречные. Они оплакивают его обращение с этой милой женщиной и в порыве сострадания и гнева передают потомкам летопись неслыханных горестей. Нет никаких сомнений в том, что замечание Наполеона о том, что "Неккеры были странным народом, всегда находившим утешение во взаимном восхищении", вполне заслуженно. Дочь с расточительной настойчивостью использовала имя отца. Ее честолюбие и дерзость были безграничны и послужили причиной того, что Наполеон наложил на нее некоторую благотворную дисциплину, которой она, как истинная героиня, негодовала и изливала из своего изгнания потоки

безжалостных стенаний, приправленных язвительностью, которая заставила бы покраснеть самую воинственную суфражистку нашего времени.

Но внезапно ее истерика утихла, и после краткого отдыха она отключила агрессивную сторону и обратилась за жалостью к мужчине, жизнь которого, по ее замыслу, должна была превратиться в сплошную боль, если он не уступит ее высокомерным притязаниям. Она писала, постоянно крича о его беззакониях, и была отвергнута своими бывшими коллегами, которые достаточно ясно видели, что по-настоящему хорошего нельзя добиться, жалуясь на жестокость, когда существует только суровое безупречное правосудие. Они понимали, что она личность, но ее выходки озадачивали их, и вполне могли озадачить. Она с бьющимся сердцем оплакивала свою изоляцию, и после совершения неосмотрительных поступков, за которые Робеспьер снес бы ей голову, она внезапно лишилась своего заброшенного мужа. Это событие дало Бенджамину Константу больше шансов, но баронесса стремилась к более высокой игре. Она была во власти иллюзии, что в ее власти загипнотизировать Первого консула и заставить его стать ее любовником. Она испытывала неудержимое идолопоклонство перед этим августейшим человеком, которого надеялась расположить к себе, написав на потребу его врагам множество причин своего отвращения к нему. Без сомнения, женщина была безумно влюблена в объект своего предполагаемого отвращения и была доведена до исступления его очевидным отвращением к ней.

В 1811 году она тайно вышла замуж за молодого офицера по имени месье де Рокка, который отчаянно влюбился в нее. Он был дружелюбным и блестящим; стал офицером гусарского полка французской армии; совершал доблестные подвиги среди холмов Андалусии в 1809 году; и был награжден Крестом Почетного легиона. Впоследствии он был застрелен партизанами, тяжело ранен в бедро, ступню и грудь; пережил романтическое избавление; был спрятан в часовне молодой леди и выздоравливал благодаря любящей заботе, которая позволила ему добраться до Мадрида и, в конечном счете, Женевы, где в сиянии юношеского увлечения он с безрассудной энергией скакал вниз по опасной крутой части города, чтобы пройти мимо окна дамы, которая по возрасту годилась ему в матери, а через несколько месяцев должна была стать его женой. В 1812 году у них родился ребенок, и, чтобы сохранить его законность, она признала этот брак несколькими, но только после ее смерти стало общеизвестно, что Рокка был ее законным мужем. Сознывая и, без сомнения, чувствительная, что для пожилых женщин не совсем естественно выходить замуж за молодых людей, она благоразумно держала это событие в секрете. Молодой муж не только испытывал к ней нежную привязанность, но и сочетал в себе рыцарские амбиции, которые делали роман еще более привлекательным.

Следует помнить, что Бенджамин Констант был бывшим любовником мадам де Сталь. Молодой жених, следуя естественному инстинкту, испытывал сильную неприязнь к Бенджамину и воспользовался случаем действительно небольшой провокации, чтобы вызвать его на дуэль, которая, благодаря более мудрым советам, так и не состоялась. Похоже, было не так уж много поводов для дуэли. У Константа произошла ссора с отцом, в которую он втянул мадам де Сталь, и Рокка возмущался этим, как галантный молодой муж, который находился на той стадии, когда считается желательным застрелить кого-нибудь другим способом, чтобы показать степень своей преданности своей чаровнице. Рокка надеялся умереть (так он сказал) раньше нее, но судьбе было угодно, чтобы он задержался и страдал еще шесть месяцев. Мадам де Сталь мирно провалилась в свой последний долгий сон 14 июля 1817 года.

Ее карьера была неровной и беспокойной. У нее было влияние, которым она часто безрассудно пользовалась и заставляла менее одаренных людей, чем она сама, совершать ненужные ошибки. Она писала и говорила с остроумием и сарказмом, которые очаровывали всех, кроме тех, на кого они были направлены. Ее горькие отпоры и суровые испытания были в основном делом ее собственных рук. По большей части она писала с поверхностным чувством и без настоящей души. Во времена наполеоновского режима время было для нее ползучим ужасом, но она находила удовольствие в мысли, что это пытка для ее страдающего сердца. Джордж Элиот знала и использовала свою необычайную власть; мадам де Сталь растратила свою. Тем не менее у нее было много друзей, которым нравилось ее общество. Веллингтон попал под ее влияние. Байрон, который поначалу отшатнулся от нее, говорит: "Она была лучшим созданием в мире". Она приложила немало усилий, пытаясь свести лорда и леди Байрон вместе. Она была способна производить впечатление на людей своим обаянием, но магнетического влияния при жизни у нее не было, и оно не осталось после нее.

Рокка воскликнул, услышав, что она ушла в тень: "Какая корона могла бы заменить ту, которую я потерял?" И растерянный Бенджамин Констант, преисполненный раскаяния, упрекал себя за какие-то неопределенные страдания, которые он причинил ей, и всю ночь предавался покаянию в комнате смерти своей божественной Джульетты.

Эта сумасшедшая женщина, кажется, была капризна во всем. Она заводила и разрывала связи с поразительной быстротой, находясь в принудительном заключении в Коппете. Там у нее возникла привязанность к сыну человека по имени М. Баранти, что чуть не помешало Рокке стать ее мужем, а неверному Бенджамину Константу - быть, возможно, ошибочно, связанным с ее именем как с автором рукописи Святой Елены, и ей самой снискать дурную славу за то, что она написала "Десять лет изгнания", которое было опубликовано после ее смерти.

Юный Баранти не нашел применения своим талантам в Коппет, и, когда ему предложили переехать в метрополис, чтобы у него было больше возможностей для продвижения по службе, он бросил знаменитую писательницу, и она, охваченная любовным отчаянием, была охвачена импульсом увековечить его разрыв попыткой самоубийства и тем самым положить конец своей страсти к связям, злобности и славе. Эта попытка, предположительно слабая, оставила у нее после долгих лет озорной мании нападать на предполагаемого виновника всех ее бед. Она с готовностью нашла среди его врагов (и, следовательно, врагов Франции) тех, кто тосковал вместе с ней в надежде, которую она свободно и открыто выражала, что ее родная страна потерпит поражение, и в этом ее желание было полностью поддержано группой истеричных и подслеповатых королей, которым помогал кружок непримиримых, которые приветствовали разрушение своего отечества, чтобы человек, сделавший его славой и предметом зависти всего мира, был изгнан из него. Многие из этих созданий были членами того же Сената, который несколькими годами ранее направил Наполеону пылкое обращение, составленное на пресмыкающемся языке, умоляя его укрепить влияние его личности на жизнь страны. Вот что они говорят и о чем просят его сделать: "Ты вывел нас из хаоса прошлого, ты заставил нас благословлять блага настоящего. Великий человек, заверши свою работу и сделай ее такой же бессмертной, как твоя слава!"

Авторы этого жалобного обращения достойны того, чтобы их связывали с вероломной дочерью Жака Неккера, министра финансов Людовика XVI, и тех монархов, которых хватил апоплексический удар, которые искали ее виновной и подстрекательской помощи.

Затем мы переходим к другой женщине-знаменитости, хотя и менее известной, чем мадам де Сталь, которую клеветники Наполеона считают историком, потому что она написала в своих мемуарах то, что они хотели, чтобы мир думал о нем, и потому что они льстили себе надеждой, что это снимает с них обвинения в несправедливости и простой ненависти. Madame de Staël's book, "Considérations sur la Révolution Française," made its appearance. Его жестокие черты побудили Шарля де Ремюза побудить свою мать вступить в конкуренцию с этим произведением, результатом чего стало издание мемуаров мадам де Ремюза под редакцией ее внука, месье Поля де Ремюза. Чарльз (ее сын) упрекнул ее в том, что она уничтожила мемуары, которые она написала ранее,^[23] но в ее голове таилась мысль обо всех милостях, которые были оказаны ей и ее семье, и о ее переписке, изобилующей преклонением перед человеком, против которого она теперь была вынуждена выступать. Сознание того, что она вот—вот разоблачит свое вероломство, "беспокоило" ее, и она написала Чарльзу следующее: "Если случится так, что однажды мой сын опубликует все это, что подумают обо мне люди?" и сын, очевидно, под влиянием страхов матери, отложил до падения Второй империи публикацию одной из самых недостоверных и неприкрытых клеветнических статей, когда-либо созданных против великого благодетеля.

В своих мемуарах она говорит, что она и ее муж вызвали всеобщую зависть высоким положением, которое им предоставил Первый консул. Она была первой фрейлиной, а впоследствии и хозяйкой дома, поскольку ее муж был "привязан к дому Наполеона". Она говорит, что была остроумна и обладала утонченным умом, и хотя она была менее "хороша собой", чем ее спутницы, у нее было преимущество в том, что она могла "очаровать его ум", и она была почти единственной женщиной, с которой он снизошел до беседы. Она рассказывает, что жила в лагере в Булони "и ежедневно завтракала и ужинала с Бонапартом". По вечерам они обычно "обсуждали философию, литературу и искусство или слушали рассказ Первого консула о годах его юности и ранних достижениях".

Несомненно, юная мадам де Ремюза была уверена так же, как и мадам де Сталь, что однажды она достигнет высот славы, не имеющих себе равных в истории, и это разочарование ожесточило ее. Она признает, что "страдала из-за разбитых надежд, обманутых чувств и провала своих расчетов". Более того, Жозефина положила глаз на даму, чей муж в трудные времена искал ее влияния на Наполеона, чтобы протянуть руку помощи и спасти их от нищеты, в которой они оказались. Большое сердце Наполеона спонтанно откликнулось на призыв его очаровательной супруги, в результате чего г-ну де Ремюза и его жене время от времени оказывали милости, а доброта Жозефины была вознаграждена тем, что она увидела, как мадам по-кошачьи мурлычет, выражая привязанность своего императорского господина, и, по свидетельству мадам де Ремюза, "становится холодной и ревнивой". Обнаружив, что Наполеон не ценит ее любовных утех, она, как и мадам де Сталь при аналогичных обстоятельствах, начала интриговать, что быстро привело ее в немилость. Она стремится выставить себя как можно более привлекательной в глазах общественности, поэтому рассказывает, что он сказал ей, что "его желанием было сделать из нее знатную леди, но от него нельзя было ожидать, что он сделает это, если она не проявит преданности". Но, несмотря на измену жены, как это всегда бывает у Наполеона, он не перекладывает ее грехи на мужа, а возводит его на важные посты великого магистра мантий, верховного камергера, а затем управляющего театрами, и вдобавок выделяет ему большие суммы для поддержания его статуса, и, несмотря на "холодную ревность" Жозефины, мадам де Ремюза была щедро оставлена у нее на службе после того, как Мария Луиза стала императрицей. Месье де Ремюза оставался на службе у императора до падения

империи, а затем перешел на сторону императрицы. Людовик XVIII. Оба этих подхалима были довольны благосклонностью императорской четы, ели их хлеб и пресмыкались у их ног, пока они вместе с заговорщиками замыслили свержение императора.

К несчастью для правдивости и неподкупности мадам Ремюза как исторического писателя, ее письма, содержащие заметки, сделанные изо дня в день по мере того, как они происходили, были опубликованы, а мемуары, помещенные рядом с этими биениями сердца, обнаруживают ни с чем не сравнимую низость, которая заставляет задуматься о безрассудной, слепой пристрастности, побудившей ее потомков передать мемуары интеллигентной публике.

В мемуарах она говорит: "Ничто так не подло, как его душа; она закрыта от всех великодушных порывов и не обладает истинным величием. Я заметила, что ему всегда не удавалось понять благородный поступок и восхититься им "; и снова она продолжает говорить, что "На войне он предвидел средства отвлечь наше внимание от размышлений, которые рано или поздно его правительство не могло не внушить нам, и он приберег их для того, чтобы ослепить нас или, по крайней мере, заставить замолчать. Бонапарт чувствовал, что он будет безвозвратно потерян в тот день, когда его вынужденное бездействие позволит нам думать и о нем, и о себе ". "Какое облегчение, когда император уезжал! Его отсутствие, казалось, всегда приносило утешение. Люди вздохнули свободнее".

Теперь все было бы очень хорошо. Это была стереотипная фразеология заклятых врагов Наполеона. Он знал это и относился к этому с презрением и насмешкой, и до тех пор, пока мадам де Ремюза и ее сопящий, съезживающийся муж не распухли от чрезмерного потакания своим желаниям и не были сражены уязвленной гордостью, они считали выражения, подобные тому, что сейчас фигурирует в ее мемуарах, простой пеной. Она практически говорит, что придерживалась тех же взглядов в 1818 году, что и с 1802 по 1808 год, но когда она писала это, она, без сомнения, полагалась на то, что ее переписка хранилась в тайне или была уничтожена; но она была опубликована, и вот несколько удивительных выдержек из нее:

- Я часто думаю, моя дорогая, об этой Империи, территория которой простирается до Антверпена! Подумайте, каким человеком должен быть тот, кто может править страной в одиночку, и как мало примеров, подобных ему, предлагает история!"[24] "Пока он создает, так сказать, новые нации в своем прогрессе, люди должны быть поражены, от одного конца Европы до другого, удивительно процветающим государством Франция. Ее военно-морской флот, сформированный за два года после разрушительной революции и принявший, наконец, угрожающий вид после столь долгого времени, вызвал насмешки близорукого врага".

"Когда я снова размышляю о мире, которым мы наслаждаемся, о нашей мудрой и умеренной свободе, которой мне вполне достаточно, о славе, которой покрыта моя страна, о пышности и даже великолепии, которые нас окружают и которым я восхищаюсь, потому что это доказательство того, что успех увенчал наши усилия; когда, короче говоря, я считаю, что все это процветание - дело *рукодного человека*, я преисполняюсь восхищения и благодарности".[25]

"То, что я пишу здесь, моя дорогая, разумеется, строго между нами, поскольку многие люди стремились бы приписать этим чувствам какую-то иную причину, кроме той, которая их действительно вдохновляет; кроме того, мне кажется, что мы менее склонны выражать похвалы, идущие от сердца, чем те, которые исходят от ума".[26]

"Слава богу, я наконец счастлив и удовлетворен!! Какое удовольствие снова видеть императора, и какое сильное удовольствие можно будет ощутить здесь! Эта великолепная кампания, этот славный мир, это быстрое возвращение - все это действительно чудесно".[27]

"Как и женщины, французы довольно нетерпеливы и требовательны; это правда, что император избаловал нас в кампании; действительно, ни один любовник не стремился удовлетворить желания своей возлюбленной больше, чем Его величество удовлетворить наши желания. Вы требуете быстрого марша? Очень хорошо, армия, которая была в Булони, через три недели окажется в Германии. Вы просите о взятии города? Вот капитуляция Ульма. Вы недовольны!! Вы жаждете новых побед? Вот они: вот Вена, о которой вы мечтали, а также решающая битва, чтобы не было недостатка ни в каких успехах. Добавьте к этому целый ряд благородных и великодушных поступков, слов, полных величия и доброты, и всегда направленных к цели, настолько, чтобы наши сердца разделяли также эту славу и могли присоединить ее ко всей национальной гордости, которую она пробуждает в нас ".[28]

"В то время я горько плакала, потому что была так взволнована, что, если бы я встретила императора в тот момент, я бы, я думаю, бросилась ему на шею, хотя впоследствии была бы вынуждена упасть на колени и просить прощения за свое поведение".[29]

Она настолько переполнена безграничным восхищением, что ее душа жаждет получить дар воздать ему должное, написав историю, панегирик, фактически книгу, которая показала бы, что он неизмеримо выше всех людей, живущих или умерших. Она боится, что люди не смогут увидеть его благородство и величие так, как видит она. Она сбита с толку и провозглашает его богом. Вот еще одна вспышка страстной преданности:—

"Это неустрашимое мужество, доходящее даже до опрометчивости, которое всегда увенчивалось успехом, эта спокойная уверенность посреди опасности, с этим мудрым предвидением и этим быстрым решением всегда вызывают новые чувства восхищения, которые, кажется, никогда не смогут превзойти".[30]

Будет видно, что ее письма хорошо подходят для осуществления великой цели ее жизни, *то есть* представить его таким, каким он был. Почерк хороший, описание живописное, и я верю, что беспристрастный ум также сочтет его точным. Она считает, "что даже люди, которым труднее всего угодить, должны быть вынуждены признать, что он самый любезный государь". Она преисполнена чувства благодарности и говорит, что это так мило, что она действительно рассматривает это как еще одно одолжение. Она хотела бы, чтобы ее муж "почаще получал от хозяина такие утешительные улыбки", и говорит ему, что он "не дурак, если любит эти улыбки", и обещает поздравить его, если он их получит.

Она просит Бога присмотреть за ним (таковой всегда будет ее молитва), когда он сражается и побеждает. Ее сердце печалится, когда он находится на большом расстоянии от них. Она восхваляет его замечательные качества перед своим сыном и советует ему "изучить все, что она смогла рассказать ему об императоре, и написать об этом, когда он вырастет", на что мальчик воскликнул: "Мама, то, что ты мне рассказала, похоже на одно из жизнеописаний Плутарха!"

Но приходит время, когда Наполеон видит, что цена, которую ему приходится платить за лесть, слишком высока, ибо, подобно большинству чрезмерно избалованных людей, мадам де Ремюза, похоже, плохо вбила себе в голову идею равенства. Она стала язвительной, требовательной, требовала большего, чем положено на ее долю, добивалась внимания,

которое ее "любезный государь" усматривал в соответствии с тем, чем было бы глупо одаривать. Она ошибочно принимала здравую справедливость за тиранию, пренебрегала дисциплиной и не только потворствовала государственной измене, но и молилась об исчезновении того, против кого она была направлена. Несчастье постигло его, он пал, и в бреду злобы и радости она сочла подходящий момент написать то, что известно как ее мемуары, опровергнув в них все свои прежние хвалебные речи и мнения, так ярко изложенные в "Письмах мадам де Ремюза". Теперь, когда столь ужасные невзгоды омрачают несравненную героиню писем, она отбрасывает все угрызения совести в сторону и с энтузиазмом берется за выполнение своей задачи по написанию неограниченной, грубой и откровенной клеветы. Сравните с "письмами" эти цитаты из мемуаров. Она признает, что "нет ничего более низкого, чем его душа. Он закрыт от всех великодушных порывов; он никогда не мог восхититься благородным поступком". "Он обладает врожденной порочностью натуры и имеет особый вкус ко злу". "Его отсутствие принесло утешение и заставило людей вздохнуть свободно". "Он лишен какого бы то ни было личного мужества, и великодушные порывы ему чужды". "Он вселял чувство сдержанности в каждого, кто приближался к нему". "Его везде боялись". "Ему нравилось вызывать страх". "Ему не нравилось устраивать людей поудобнее". "Он боялся малейшей фамильярности". Эта последняя жалоба, в сочетании, конечно, с остальными, весьма существенна, и мы вправе предположить, что Фрейлина позволила себе вольности и была заслуженно отвергнута Его Императорским Величеством. Возможно, здесь необходимо сделать паузу и напомнить читателю, что по свидетельству ее сына, а впоследствии и внука, эти мемуары были написаны совершенно "без злого умысла", и единственной целью их написания вообще было то, что "должна быть рассказана правда".

Тогда очень хорошо. Должны ли мы верить письмам или мемуарам, потому что в первых она снова и снова заявляет, что "его приятные манеры были неотразимы"; но в мемуарах со всей неприкрытой горечью она утверждает, что "он не только невоспитанный, но и жестокий".

Такая наглость не поддается критике. Она считает "невозможным изобразить бескорыстную преданность, с которой она жаждала возвращения короля", и описывает героя своих писем как безжалостного разрушителя всего ценного, а будучи униженной, она стеснена требованиями "правды" и "впадает в полное уныние".

Следует заметить, что постоянным мотивом всегда является правда, не имеет значения, письма это или мемуары. Она признает, что пишет "правду". "Любовь к истине, - говорит редактор в своем предисловии, - придала ей мужества упорствовать в выполнении своей задачи более двух лет". То есть ей потребовалось более двух лет, чтобы написать "правду", содержащуюся в мемуарах, опровергающих "правду", столь яростно изложенную в письмах; первая книга полна горечи писательницы без сердца и принципов, политические и личные мотивы сквозят на ее страницах, как язва, в то время как вторая, сияющая пышным восхищением, поражает память о ней с карательной справедливостью.

Сын-отступник сослужил плохую службу отступнице и неблагодарной матери, когда посоветовал ей написать то, что является неприкрытым отречением от ее прежних заявлений. Наполеон сказал, что "Людей редко привлекают благосклонность, оказанная им". У него было много примеров этой истины, но ни один из них не был более ярким, чем приведенный выше. Мадам де Ремюза и ее муж были подняты Наполеоном из бедности в достаток, и память обо всех милостях, которыми осыпал их человек, которого, по ее словам, она любила, должна была

удержать их от ненависти и нелояльности и запретить писать такие недостойные оскорбления в его адрес.

СНОСКИ:

[23] Мадам де Ремюза сожгла свои оригинальные мемуары во время "Ста дней", несомненно, потому, что она имела в виду вероятность того, что Наполеон может прочно утвердиться на троне, и обнаружение антинаполеоновских рукописей могло серьезно повлиять на назначение ее самой и семьи на важные должности. Более того, она постоянно думала о большей опасности влипнуть в неприятности.

[24] "Письма мадам де Ремюза", том i, стр. 195.

[25] "Письма мадам де Ремюза", том i. p., 196.

[26] Там же, том i, стр. 160.

[27] Там же, том ii. стр. 2.

[28] "Письма мадам де Ремюза", том i, стр. 190.

[29] Там же, том i, стр. 393.

[30] "Письма мадам де Ремюза", том ii. стр. 45.

ГЛАВА VI

ЖОЗЕФИНА

Одним из феноменов человеческих отношений является роль, предназначенная Жозефине, дочери месье Жозефа Гаспара Ташер де ла Пажери, сахарного плантатора с Мартиники и друга маркиза де Богарне, сыну которого Александру было суждено жениться на ней, когда ей было всего шестнадцать лет. Бракосочетание состоялось 13 декабря 1779 года в Нуази-ле-Гран. Напыщенный молодой жених с благодарностью отзывается о своей юной невесте в письме своему отцу, и чтобы его родитель не был разочарован ее красотой, он объясняет, что в этом отношении она, возможно, не оправдала его ожиданий. Он считает удовольствие быть с ней очень приятным и принимает решение провести ее через курс образования, поскольку этим прискорбно пренебрегали.

Говорят, что отец Александра был очарован нежностью характера Жозефины, но тогда он не был ее мужем, и вскоре стало очевидно, что их союз был неудачным, и так получилось, что супружеские отношения были полностью разорваны после рождения Гортензии, впоследствии ученицы портнихи, королевы Голландии и матери Наполеона III. Александр отправился на Мартинику, и именно там до него дошла весть о рождении дочери. Перед отъездом из Франции он узнал, что его жена беременна, и выразил ей свою радость. Маркиз Богарне заверил своего друга Жозефа Ташер де ла Пажери, что его "сын достоин быть его зятем и что природа наделила его прекрасными и благородными качествами". Эти добродетели, по-видимому, с поразительной быстротой исчезли после его женитьбы, поскольку перед его отъездом на Мартинику было хорошо известно, что он усердно изменял бедной "необразованной"

маленькой креолке, которая действительно думала, что любит его. Судя по всем отзывам, а я читал их много, Александр Богарне был невоспитанным жестоким педантом. Этот превосходный сын с "прекрасными и благородными качествами" недолго пробыл на Мартинике, прежде чем связался с дамой сомнительной добродетели, которая была намного старше его. Неприязнь этого человека к Джозефине заставляла ее изливать в его чуткие уши и восприимчивый ум скандальные истории о любовных интригах его малолетнейжены перед тем, как она покинула свой родной остров. Это дало Александру прекрасную возможность написать ей письмо, отрицая отцовство Гортензии и обвиняя ее в интригах с "офицером Мартиникского полка и другим человеком, который плавал на корабле под названием *"Цезарь"*. Он заявляет, что знает содержание ее писем к любовникам, и "клянется Небом, которое просветило его, что ребенок чужой и что в его жилах течет чужая кровь", и "он никогда не узнает своего позора"; и так добродетельный Александр продолжает бессвязно болтать, пока не доходит до резкого конца в старом добром стиле, который люди, находящиеся в подобном положении, применяют к тем, кому они нанесли тяжкую рану. Он парит между элегантно вежливостью и старой аристократической свирепостью: "До свидания, мадам, это последнее письмо, которое вы получите от вашего отчаявшегося и несчастного мужа". Затем следует неизбежный постскрипtum с мстительным укусом, воплощающим дух убийства. Он скоро будет во Франции, если его здоровье не подорвется под бременем, которое она на него взвалила. Он предупреждает ее, чтобы к его приезду ее не было дома, потому что, если она этого не сделает, "она найдет в нем тирана". Все письмо свидетельствует о низком, недостойном негодяе, это просто набор прозрачных словоблудий, призванных избавить его от женщины, с которой у него не было ничего общего, и прикрыть его собственную неверность.

Но какова бы ни была интерпретация его мотивов, вернувшись в Париж, он сдержал свое слово. Супружеские отношения возобновлены не были. Его семья была возмущена обращением, которому подверглась Джозефина со стороны этого напыщенного распутника, и он уверяет ее, что из "этих двоих не ее следует жалеть больше всего".

Месье Массон заявляет, что примирения никогда не было и что они жили порознь, но встречались в обществе и говорили друг с другом, в основном об образовании своих детей. Джозефина заставила его отказаться перед ее адвокатом от грубых и необоснованных обвинений, которые он выдвинул против нее, и согласиться на удовлетворительное содержание.

Александр, находя военную службу неприятной, начал политическую карьеру в качестве аристократа-либерала. Его восхождение к власти было быстрым, и после смерти Мирабо он последовал за ним на посту председателя Ассамблеи. Перед своим падением он был назначен главнокомандующим Рейнской армией и во главе шестидесяти тысяч человек не смог освободить Майнц и сложил с себя командование.

Его либеральные притязания не помешали ему быть включенным в число запрещенных. Он был взят в плен, обвинен в попытке к бегству, приговорен к смертной казни и гильотинирован. Уловка Жозефины убедить революционеров в своем обращении в республиканство, отдав Гортензию в ученики к портнихе, а Юджина - к плотнику, не сработала. Ее заподозрили и отправили в Ле Карм, где между ней и ее философски настроенным и брошенным мужем происходили частые беседы, в основном касающиеся образования их детей, и если бы реакция против кровавого режима не привела к падению Робеспьера, она, несомненно, разделила бы

судьбу Александра; и если бы крик "Низший тиран" был услышан несколькими днями ранее, Богарне тоже сбежал бы и обманом заставил Жозефину стать императрицей Франции и королевой Италии. Как бы то ни было, некоторые из тех самых людей, которые незадолго до этого призывали толпу "Узреть друга народа, великого защитника свободы", перенесли свою кровожадную месть на своего покойного кумира, и не прошло и нескольких часов, как вдова Богарне была освобождена. Мысль об ужасающем конце и краткости времени, которое, казалось, ей осталось, поразила Джозефину всем своим жутким ужасом. Она кричала и плакала, пока не заболела, как смерть. Врач предсказал, что она не проживет больше недели, и по этой причине она избежала предания Суду.

Чудесное Провидение, которое с бешеной скоростью сломало власть отвратительного монстра и тем самым спасло женщину, которой предстояло вступить в новую эру и быстро продолжить путь, чтобы разделить славу непревзойденной Империи.

Теория месье Массона состоит в том, что женское горе Жозефины имело большое отношение к пробуждению чувств в Париже и прекращению правления террора; и, действительно, в этой точке зрения есть некоторые основания, поскольку слезы полезны не только как признак горя, страдания или победы, но и как эффективное средство завоевания сочувствия. Жозефина была искусна в испытании действенности плача, и если месье Массон правильно оценил влияние "духа резни" на растопление сердца, то Жозефина была одарена божественным инстинктом и стала его инструментом, который должен требовать внимания и почитания на все времена, даже несмотря на то, что ее последующие проступки иногда заставляют нас отводить глаза.

Но вполне вероятно, что мрачная сатира на чистую и прекрасную Жанну-Мари Филипон тронула сердце Парижа больше, чем пролитие слез и пронзительные причитания. Жена Ролана, которую ведут на эшафот, столкнувшись с суровой неизбежностью смерти, со спокойным достоинством просит перо, чернила и бумагу, "чтобы она могла записать странные мысли, которые зарождались в ней". Просьба не была удовлетворена. Затем, взглянув на статую Свободы, она воскликнула с неистовым достоинством: "О Свобода! Какие дела совершаются во имя твое!" - и эти трепещущие магические слова произвели чудесный эффект на всю Францию. Виновное население, содрогаясь от суеверного благоговения перед отвратительными ужасами, совершаемыми во имя Свободы, Равенства, Братства или Смерти, вспомнило об эшафоте с безупречной жертвой, а затем об отвратительных тюрьмах, которые были заполнены подозреваемыми, богатыми и бедными, по всей Франции. Затем, со временем, приговор к смерти некоторых выдающихся хорьков, совершивших убийства во имя свободы и братства, положил конец робеспьеризму. Сам Робеспьер был проклят на эшафоте женщиной, которая отправила его в "ад с проклятиями всех жен и матерей", а Самсон сделал все остальное. И логично предположить, что прощальные слова Жанны-Мари Филипон у подножия эшафота привили общественному сознанию представление не только об ужасах, которые совершались во имя Свободы, но и о том, какие вещи были произнесены во имя нее. Мне нравится думать, что вдохновенная фраза безупречной леди, а не слезы Джозефины, в какой-то степени привели к прекращению правления террора.

После освобождения пошатнувшееся здоровье Джозефины было причиной беспокойства, но вскоре оно было восстановлено, и она быстро отбросила свои эмоции в сторону и погрузилась в веселье с готовностью, которая заставляет задуматься, было ли у нее что-то большее, чем судорожное сожаление об ужасной участи, постигшей ее мужа, который оставил несколько

покаянное письмо, в котором он говорит о своей братской привязанности к ней, говорит ей "прощай", призывает ее "быть утешительницей тех, кого, как она знает, он любит", и "своей заботой продлить его жизнь в их сердцах". "Прощайте, - говорит он. - в последний раз в своей жизни я прижимаю вас и моих детей к своей груди".

Эти посмертные размышления и наставления не вызвали у вдовы никакого видимого интереса. Картина их трагической супружеской жизни, запечатленная на пленку, не из приятных. Ни один из них не соответствовал великим основам, которые обеспечивают счастье.

Перед ее заключением сплетники шепотом распространяли слухи о бурном флирте, и даже когда она находилась в Ле Карм, поговаривали, что она и ее товарищ по заключению, генерал Гош, были слишком хорошо знакомы, и связывали имя бывшего графа с именем подозреваемой молодой леди. Правдивость подобных обвинений кажется крайне маловероятной, и они вполне могут быть расценены как злонамеренная клевета. Не исключено, что Жозефина была в дружеских отношениях с генералом до того, как они встретились в Ле-Карме, но то, что это было нечто большее, чем дружба, - всего лишь гипотеза. Ее отношения с этим невыразимым распутником Баррасом были особенно прискорбными. Несомненно, после освобождения она была доведена до крайности. Ее судьба была настолько тяжелой, насколько это возможно себе представить. У нее не было надлежащих средств к существованию для себя и своей семьи, и, похоже, она, не теряя времени, действительно стала избранным другом существа, которое воспользовалось ею, а затем предало всему миру. Именно он рассказывает в своих мемуарах печальную и тошнотворную историю своей связи с Жозефиной и злорадствует по поводу предоставленной ему возможности повторить разговоры, которые у него были с генералом Гошем относительно ее любовных походов. Он заявляет, что она была "терпеливой хозяйкой Гоша в глазах всего мира".

Редактор мемуаров в какой-то степени смягчает жестокие высказывания автора. Но мужчине, который публично разоблачает свои отношения с очаровательной женщиной, которая отдалась ему, может быть нелегко поверить, если он намеренно вовлекает в эти связи своих друзей. Нет вопроса о том, какова была его роль в унижении Жозефины, но роскошь втягивать другие имена в моральную трясику, возможно, для того, чтобы оправдать свои собственные поступки и еще больше унижить ее, могла быть позволена только человеку, пропитанному ядом непристойности, и в данном случае у него не было никакой другой цели, кроме удовлетворения своей злобы против ее мужа. Его предположение о моральном превосходстве весьма забавно, когда он, соблазнитель и растлитель, говорит о "распутстве" несчастной женщины и со своей горечью называет ее "распущенной креолкой".

Этот представитель единой и неделимой Республики, олицетворяющей Свободу, Равенство, Братство или Смерть в конце восемнадцатого века, навсегда опозорит суждения и моральное состояние Франции, знавшей Карла Великого.

"Гражданин" Баррас отвергает историю о том, как Эжен просил у главнокомандующего меч своего обезглавленного отца. Он утверждает, что эту историю придумал сам Наполеон. Но крайне маловероятно, что Наполеон рискнул бы в начале своей карьеры, чтобы в его правдивости усомнились. Сам по себе инцидент незначителен. Единственный реальный интерес, связанный с этим, - трогательный пафос маленького мальчика, просящего и получающего шпагу, что, конечно же, дало его матери возможность позвонить и поблагодарить генерала за его доброту, и в этом смысле это имеет историческое значение, поскольку

Наполеон и Жозефина поженились четыре месяца спустя, *то есть*, 9 марта 1796 года, когда ей было тридцать два, а ему двадцать пять.

Это придирка маленького человечка, который ищет в каждом пруду грязь, чтобы бросить ее в память о своем хозяине. Наполеон передал эти факты Барри О'Мире на острове Святой Елены, и они также фигурируют в "Мемориале Святой Елены". Если бы знакомство этих двух замечательных людей произошло не таким образом, оно произошло бы каким-то другим. Но независимо от того, представляет ли эта история какой-либо больший интерес, чем утверждает автор, безопаснее верить Наполеону, чем Баррасу, который после успеха Наполеона в Италии хвастался, что именно он разглядел в нем гения и убедил Директорию назначить его главнокомандующим. Карно возмущен этой наглой ложью и заявляет, что именно он, а не Баррас выдвинул и настаивал на назначении Бонапарта. Конечно, история Карно является общепринятой. Не имеет большого значения, кто был выбран выразителем вдохновения. Франции нужен был человек, и он был найден.

Накануне отъезда этого малоизвестного и заброшенного молодого солдата распространять благословения Братства в Италии сластолюбивый Баррас получил от него поручение объявить Директории о своем браке с гражданкой Ташер Богарне. Затем начался период всепожирающей любви и войны, каких мир никогда не видел. Посреди раздоров и напряженной ответственности этот молодой миссионер, представляющий утешительную новую доктрину символического братства, не уклоняется и не забывает об ответственности, вытекающей из его инструкций положить Италию к его ногам.

Он ни на минуту не забывает о своих супружеских обязательствах. Он влюблен, нет, отчаянно влюблен. Образ Жозефины постоянно витает вокруг него, и он изливает порывы неистовой преданности у жерла пушки, в Кантоне, где угодно и отовсюду. Он так же богат фразами, как смелостью и находчивостью. Он находит время нацарапать несколько пылающих страстью слов, которые указывают на то, что его душа одновременно пылает мыслями о ней и о мрачной военной задаче, которую он взял на себя.

Он ведет на битву, сияя духом гарантированной победы и вдохновленный верой в то, что было написано, что он - избранная сила, которая должна возродить плохо управляемые нации. Порядок из хаоса; умеренность в час победы; невмешательство в чьи—либо религиозные убеждения; суровая дисциплина - таковы были некоторые из заветов этого молодого Титана, чьи поразительные и победоносные кампании потрясли изумленный мир и вызвали серьезные опасения в умах Директории, которая решила приостановить стремительный процесс восхождения к власти, отдав распоряжение передать командование Ломбардией генералу Келлерману и отправиться на юг, чтобы начать набеги на другие части Италии, включая Рим и Неаполь.

На это он немедленно посылает энергичный, хотя и уважительный ответ, который призван дать понять, что они должны покончить с такой непрактичной глупостью. Ему предстоит битва мирового масштаба. На карту поставлены честь и воинская слава Франции. Простым теоретическим сторонникам Свободы, Равенства и Братства не пристало вмешиваться в подобные вещи. Он говорит им: "Келлерман - превосходный генерал и мог бы руководить армией не хуже меня", но затем он продолжает ссылаться на превосходство своей армии, всегда скромно оставляя себя вне похвал, которыми он заботится о других, и с жаром добавляет: "Командование должно оставаться в руках одного человека". "Я считаю, - говорит он,

- что один плохой генерал лучше, чем два хороших". "Искусство войны, как и искусство управления, требует осторожного обращения". Затем с восхитительной откровенностью он выпаливает: "Я не могу позволить, чтобы у меня запутались ноги". "Свобода действий или отставка". Таков его ультиматум. Этот удар молнии ошеломляющей дерзости вызвал трепет в святилище Братства, и бдительный энергичный курьер в спешке отправил доверительное послание вместе с приказом о том, что ему будет предоставлен высший контроль. Директории было дано понять, что возникла великая держава, которая будет господствовать над ними.

И все же этот молодой и ужасный завоеватель, который разумно подчинял себе каждую волю в процессе своих достижений, он, который вызываясь говорил своим хозяевам, что не допустит, чтобы их дилетантские нелепости запутали его "ноги", на какое-то время был охвачен восторженным увлечением и позволил легкомысленной женщине с соблазнительными привычками и шелковым голосом уговаривать, доминировать, высмеивать и игнорировать его. Его умоляющие театральные призывы к ней прийти к нему жалобны. Рациональные части его писем не имеют аналогов в аккуратных сжатых фразах и изображают человека, обладающего великими человеческими добродетелями. Именно тогда, когда на него нападает любовная буря, он впадает в экстравагантность, например, когда пишет, что "она более чем лишила его души" и что "она питается его кровью". Он пишет своему брату Жозефу, что любит ее до безумия, и даже Карно делает то же самое. Пожалуй, самая экстравагантная вспышка гнева из всех - это когда он умоляет ее позволить ему увидеть некоторые из ее недостатков и быть менее доброй, грациозной и красивой. "Твои слезы лишают меня разума и обжигают мою кровь". "Ты воспламеняешь мое бедное сердце". Он жалуется на то, что ее письма "холодны, как дружба", и добавляет: "Но о! как я без ума от этого".

К Джозефине никогда раньше не обращались на таком язвительном языке. Она польщена, и ее маленькая головка распухает от мысли овеличии. Смешные ласкательные обращения забавляют ее. Она не должна упускать такой возможности вызвать зависть, поэтому она показывает письма по мере их поступления своим самым близким друзьям, среди которых Баррас по-прежнему занимает первое место в списке, и с головокружительной гордостью игриво говорит, что Бонапарт "очень забавный". И действительно, Джозефина была права. Некоторые из его писем "забавны", но они подлинные, и эта высокочтимая женщина, добившаяся известности и положения и пожинаящая лавры его творчества, опозорила свою женственность, показав его письма, и вдвойне опозорила себя, высмеяв их.

Только после того, как Наполеон отправил Мюрата, Жюно и Жозефа Бонапарта с места боевых действий в Париж с важными депешами, а также с письмами к ней, до нее дошло, что она достаточно далеко зашла в своем нежелании присоединиться к мужу. Несомненно, доблестные комиссары намекнули ей, что дальнейший отказ означал неизбежные репрессии. Вполне возможно, что разухабистая Жюно, которая всегда была готова отдать душу за Бонапарта, была достаточно откровенна, чтобы намекнуть, что существует риск толкнуть ее мужа в объятия какой-нибудь алчной особы женского пола, многие из которых охотились за блестящим и восходящим генералом, и что он уже проявляет признаки ревности и подозрения в ее добросовестности.

Приходили вести о новых победах, в честь них устраивались праздники, собирались толпы людей, и при виде нее, опирающейся на руку Жюно после выхода из Люксембурга, все кричали: "Да здравствует генерал Бонапарт!" Да здравствует гражданка Бонапарт!" Она очарована

восхищением, которое отражается от славы, изливающейся на нее. Ее дух восстает против отказа от всех его удовольствий и помпезности. Но она исчерпала все каноны истины в оправданиях, даже то, что беременна, и оказывается неизбежно вынужденной покинуть место радости и легкой морали и отправиться в Милан со своей собакой "Фортуной" и Юджином, своим сыном. Слезы обильно текут при мысли о ее обидах, но они иссыкают благодаря возможности начать флирт с Мюратом, который вскоре станет мужем Каролины Бонапарт.

Распространенным мнением было, что именно Жюно был объектом ее замыслов, но будущая герцогиня д'Абрантес презрительно отвергает это и заявляет, что преданность Жюно своему любимому генералу не позволяла ему отвечать взаимностью на неосмотрительность жены, поэтому вместо этого он занялся любовью с Луизой Компойнт, служанкой Жозефины, в результате чего Луизу попросили оставить службу у оскорбленной Жозефины.

По прибытии в Милан Наполеон отсутствовал, поэтому честь принять ее была предоставлена миланскому герцогу де Сербеллони, который по-королевски пригласил ее погостить в своем дворце. Когда Наполеон впервые после их женитьбы встретился со своей женой, его радости не было предела. Мармон, который впоследствии предал его и Францию, говорит, что "в то время он жил только для своей жены, и никогда более чистая, верная и исключительная любовь не овладевала сердцем мужчины, да еще человека столь высокого ранга".

Наполеону предстояло еще много работы и много тяжелых сражений, так что в оставшиеся месяцы, прежде чем он освободил Италию и разбил австрийцев, их часто разлучали. Ни разу в разлуке с ней он не пренебрегал отправкой пылающих писем с заверениями в неослабевающей любви, но они часто указывают не только на убежденность в ее безразличии, но и на подозрение, что это нечто большее, которое быстро сводится на нет дальнейшими взрывами, такими как "поцелуи, такие же жгучие, как мое сердце, и такие же чистые, как ты". Бедный Наполеон! вскоре он разочаровывается. В Италии она такая же старая Жозефина, какой была в Париже. Он умоляет ее присылать ему письма, потому что она должна "знать, как они ему дороги". "Я не живу, - говорит он ей, - когда я далеко от тебя". "Счастье моей жизни - в обществе моей милой Жозефины". Снова он пишет: "Тысяча поцелуев, таких же пламенных, как моя душа, таких же целомудренных, как ты сам! Я только что вызвал курьера; он сказал мне, что перешел дорогу к вашему дому, и что вы сказали ему, что у вас нет приказов. Тьфу! Непослушный, непокорный, жестокий, тиранический, веселый маленький монстр. Ты смеешься над моими угрозами, над моим увлечением; ах! ты прекрасно знаешь, что если бы я мог запереть тебя в своем сердце, я бы посадил тебя там в тюрьму!" Эта игривая, мрачная, юмористическая и нежная цитата исходит не из сердца монстра, а из несравненной томящейся от любви души, доверяющей сокровеннейшие тайны своего разума бесславному помощнику, чьи безумства в первые годы их супружеской жизни были для него жестоким унижением.

Она стремилась к гибели с холодной распутной настойчивостью. Она обманывала, лгала и плакала с блаженством фанатички. Она искала и нашла счастье ценой не только самоуважения, но и чести и добродетели. Она была не мегерой, а прирожденной кокеткой, скорее лишенной морали, чем безнравственной, и, кроме того, великолепной загадкой, которая заставила бы Основателя нашей веры пролить слезы скорби. Именно искажая факты, ее восхвалители создают впечатление, что она была любящей и преданной женой в первые годы своего второго брака.

По прибытии в Милан из Парижа она представила ей многих армейских офицеров, среди которых был молодой гусар, друг и помощник генерала Леклерка, который стал мужем Полетт, легкомысленной маленькой сестры Наполеона-школьницы. Жозефина в этот период своей истории была известна своим отвращением к целомудрию, так что не совсем необъяснимо, что она стремилась сделать Ипполита Шарля своим любовником. Он был обаятельным, остроумным, великолепно одевался и вполне соответствовал ее стандартам моральных качеств. Дружба переросла в близость, так что он стал частым гостем Жозефины во время отсутствия Наполеона.

Едва ли Наполеон мог долго скрывать от себя эту любовную связь, приобретавшую драматические масштабы. Насмешливые критики лагеря и суровые моралисты среди гражданского населения наперебой комментировали растущую репутацию, которую стремительно приобретала жена главнокомандующего. Где бы она ни была или куда бы ни направлялась, пока Бонапарт находится на безопасном расстоянии, Чарльз цепляется за ее юбку. Некоторые авторы утверждают, что по случаю ее визита в Геную для участия в праздниках, устраиваемых Республикой, он присутствовал, и наиболее вероятно, что этот неуклюжий стратегический акт со стороны Жозефины привел к кульминации. Несомненно, за ее передвижениями наблюдали члены семьи Бонапарт. Они вполне естественно чувствовали, что скандал выставляет их самих, а также их брата на посмешище.

Но, как это часто бывает, великие события происходят самым неожиданным образом. Жизнерадостная Полетт влюбилась в Фрерона, сорокалетнего мужчину, занимавшего высокий пост на государственной службе. Наполеон был категорически против этого брака, поэтому решил, что она должна стать женой двадцатипятилетнего генерала Леклерка, который, как говорили, был двойником Наполеона. Ипполит Шарль был другом Леклерка, и Полетт твердо решила наказать свою невестку за то зло, которое она причинила своему брату. Ей быстро удалось вытянуть из Леклерка информацию о связи Жозефины и Шарля, после чего она вышла из себя. Шарль был изгнан из армии, и со слов мадам Леклерк мы узнаем, что Жозефина "чуть не умерла от горя". Мстительная маленькая лисичка вставила большую палку в колеса, хотя были и другие могущественные силы, которые сыграли немалую роль в том, чтобы принести свет в больное и набожное сердце.

С этого момента на него падает полная магическая божественность Жозефины, и начинается новая эра. Мы больше не слышим о том, чтобы "запереть ее в своем сердце" или посылать ей "поцелуи, такие же пламенные, как его душа, и такие же целомудренные, как она сама"; хотя до конца его письма старательно добры и даже благоговейны.

Тем временем бесстрашный генерал, успешно завершив кампанию в Италии и Австрии, вернулся в Париж, удостоенный аплодисментов благодарной и обожающей нации и сомнительной благосклонности ревнивой директории. Они устроили ему банкет в Люксембургском отеле со всеми внешними признаками удовлетворения. Талейран и Баррас произнесли красноречивые и льстивые речи о его достижениях и талантах, и последний заключил его в объятия в знак заключительной привязанности. Жозефина наслаждалась весельем и почестями, окружавшими их, в то время как ее муж искал утешения в уединении.

После короткого, хотя и не бездействующего пребывания в Париже ему было поручено командование армией Востока, и 19 мая 1798 года он отплыл из Тулона на "*Востоке*" (который

трагически закончился в Абукире), и Жозефина помахала своим мокрым от слез платком, когда флот скрылся из виду.

Ее поступки нас не интересовали до тех пор, пока она снова не встретила молодого бывшего офицера Шарля в Париже, где-то в 1799 году, и, без сомнения, по его просьбе, она представила его фирме армейских подрядчиков, и якобы с целью выразить свою благодарность он заехал в Мальмезон, чтобы поблагодарить ее. Этот акт милосердия можно было бы с большей пристойностью совершить в письме, хотя, возможно, были причины не излагать в письменной форме ничего, что могло бы связать жену главнокомандующего с деловыми отношениями с армейскими подрядчиками, вплоть до того, что она представляла интерес от имени человека, уволенного со службы за интригу с женой своего генерала, которой, как оказалось, была сама Жозефина.

Но если оставить в стороне непростительное нарушение доверия, позволившее возобновить близость с таким человеком, то факт связи дамы в ее положении с фирмой такого характера мог серьезно скомпрометировать Наполеона, и только по этой причине ее поступок был в высшей степени предосудительным. Чарльз не замедлил воспользоваться гостеприимством Джозефины и стал ее постоянным посетителем. Это дальнейшее нарушение верности отсутствующему мужу было передано Египту и, вполне естественно, подтолкнуло его к необходимости начать процедуру развода, но, хотя Наполеон, насколько это было возможно, перестал быть ужасным любовником-простаком прежних времен, он не смог оценить, какую власть над ним имело прежнее очарование.

Он верил, что дух мщения, который привел его к определенным выводам, реален, и с мыслью о "разводе, публичном и сенсационном разводе", гудевшей у него в голове, в сочетании с другой государственной политикой, скрывающейся на заднем плане, он отплыл во Францию и вызвал дикий ажиотаж в домашних и режиссерских кругах, неожиданно приземлившись во Фрежюсе.

Затем он направился так быстро, как только позволял энтузиазм ликующей толпы, к своему дому на улице Виктуар; но кающейся (?) Жозефины там не было. Она пошла ему навстречу, выбрала не ту дорогу и промахнулась, бросившись в его объятия, как и намеревалась. Он взволнованно спрашивает: "Она больна?" - и многозначительное подмигивание ее врагов повергает его в пароксизм горя. Его друг Колло звонит и напоминает ему, что надежда нации сосредоточена на нем. Его гнев - доказательство того, что он все еще любит, и Колло боится, что магический эффект ее появления принесет прощение. "Никогда", - кричит разгневанный муж. "Как плохо ты меня знаешь, Колло. Вместо того чтобы унижаться, я бы вырвал свое сердце и бросил его в огонь".

Но Колло знал его лучше, чем тот предпочитал признавать, что знал себя, и мы увидим, что его сердце не было брошено "в огонь", а снова отдано заблудшей Жозефине, которая спешно возвращалась из Лиона. Она прибыла сломленная духом и смертельно уставшая. Наполеон, очевидно, не совсем уверенный в своей решимости отказать ей в приеме, запер дверь на засов и расхаживал по комнате с таким блеском в пронзительных глазах, как будто планировал нападение, которому предстояло яростно противостоять. Приходит Джозефина, стучит в дверь, умоляет его открыть и обращается к нему "Мой друг, мой добрый друг". Ответа нет, и в неистовстве отчаяния она плачет, бьется головой о дверь и жалобно умоляет дать ей возможность оправдаться. Но он все еще держится. И тогда ее неистощимый источник подсказывает, что Гортензия и Юджин, которых он так сильно любит, должны быть доставлены в

качестве проводников сострадания к их обезумевшей матери. Они приходят, и засовы задвигаются. Отчим допускает их к своему присутствию. Они преклоняют колени у его ног и умоляют его продолжать быть хорошим, добрым отцом, каким он когда-либо был, и вернуть их мать в свои объятия.

Теперь с Наполеоном все кончено. Он никогда не может устоять перед слезами, поэтому посылает за их матерью, которая падает в его объятия и теряет сознание. Ее нежно уложили в его постель, спасли от ее печальной участи, и когда на следующее утро Люсьен Бонапарт прибыл по приказу командования, чтобы получить инструкции относительно предстоящего бракоразводного процесса, этот ужас исчез из их поля зрения, и и Жозефина, и Наполеон были погружены в дремотную радость.

Жозефина, одаренная неотразимой тонкостью искусная в искусстве истерики, вновь разожгла угли страстного увлечения, которые уже никогда не удастся полностью погасить. По всей вероятности, она дала бы Наполеону иное объяснение своему поведению, чем то, которое дали ему Люсьен и другие члены его семьи. Не будет излишним напряжением воображения заключить, что она заверила его, что ее сердце не принадлежит никому другому, хотя это утверждение может быть расценено как дерзкая выдумка. Она не оценивала спокойно, но хорошо оценивала ту высшую власть, которую имела над человеком, который так низко проявил к ней такую пламенную любовь. Она также знала о его тщеславии и ласково задела его за живое. Крик "он и никто другой" в сочетании с умоляющим воплем о том, чтобы он открыл свое сердце нежной и преданной любви, имел больше шансов победить, чем любое признание в неправоте. Могла ли она забыть часто повторяемое заявление о том, что его главным принципом было то, что у него не будет разделенной привязанности? Это должно быть все или ничего. Следовательно, гипотеза состоит в том, что она сыграла на его тщеславии, а не на его уверенности или рассудительности, следствием чего стала полная капитуляция Наполеона.

Жозефина, то ли из страха перед наказанием, то ли из-за чистоты своих мотивов, никогда больше не позволяла ставить себя в такое же опасное положение. Она излечилась от неверности и пообещала, что Ипполиту Шарлю никогда больше не позволят втянуть ее в подобную передерягу. Его вычеркнули из ее жизни, и больше о нем никто никогда не слышал. Наполеон увидел его всего лишь еще раз, и вид его злобного лица едва не вызвал у императора унижение, похожее на крах.

Супружеские прегрешения Жозефины, какими бы они ни были, были пресечены с поразительной внезапностью, и Наполеон ворвался в семейное спокойствие. Ревнитель свободы немедленно сосредоточил свои удивительные таланты с агрессивной праведностью на задаче уничтожения упадка, который вел Францию к ее гибели. Жозефина была зарегистрирована как покровительница освобождения от анархии, и, обладая всеми необходимыми качествами, необходимыми для успеха в подобном предприятии, она ежедневно наполняла свой салон мужчинами и женщинами, которые имели влияние, чтобы помочь ее мужу и его друзьям свергнуть правительство. Она превратилась в привлекательную, грациозную хозяйку и была наделена умением уговаривать, которое обезоруживало оппозицию и приводило в восторг сторонников, и, несомненно, она сыграла отведенную ей роль с невероятным успехом, а Наполеон сделал все остальное.

The *Государственный переворот* был искусно спланирован, что позволило ему осуществить бескровное свержение власти. Жозефине поручили завоевать расположение ее друга Гойе,

президента Директории. Она пригласила его и его жену на завтрак 17 Брюмера. Гойер недоумевает, почему их спрашивают так рано, в шесть утра. Ему кажется, что он чувствует неладное, он извиняется, но отсылает свою жену, которую вводят в дом, полный офицеров Национальной гвардии, и хозяйка, не теряя времени, объясняет бывшей кухарке Гойе смысл их пребывания здесь. Бонапарт, да будет известно, полна решимости сформировать правительство, и ее огорчает, что такой хороший друг, как президент совета директоров, был настолько беззаботен о своих собственных интересах, что не сопровождал свою жену по такому благоприятному случаю.

"Неизбежное близко, мадам Гойе, - фактически говорит Жозефина, - и в этот самый момент на Барраса оказывают давление, заставляя уйти в отставку, и если он не подчинится, его судьба решена". Мадам Гойе ошеломлена, выпрямляет спину и со всем достоинством, какое позволяет ее натуре, кланяется, удаляется и спешит к своему мужу, чтобы поделиться всем, что она видела и слышала.

Тем временем события стремительно развиваются под руководством бесстрашного генерала. Он входит в Совет Древних и яркими вспышками ораторского искусства указывает на цель своего визита. Участники с первого взгляда понимают его значение. Они становятся невнятными от ярости, порожденной страхом. Он громогласно заявляет: "Я здесь для того, чтобы потребовать Республику, основанную на истинной свободе", - и клянется, что она у него будет. В Зале пятисот его встречают криками "Долой Кромвеля!", "Нет диктатору!" "Объявите его вне закона!" и так далее.

Но это всего лишь бесполезная отрывка раздраженных газовых баллонов, на которых он бросает испепеляющий презрительный взгляд, который, как они понимают, означает неприятности, если они не будут вести себя прилично. Его стража совсем рядом, и он достаточно смел, чтобы воспользоваться ею, если возникнет какое-либо сопротивление тому, что он предпринял. Директории через их посланника Дотто он говорит по существу и не без энергии: "Не вызывайте у меня отвращения своими идиотскими аргументами и неубедительными, бессильными выводами. Что я хочу знать: что вы сделали с этой Францией, которую я оставил вам такой славной? Я оставил вам мир; я возвращаюсь и нахожу войну! Я оставил вам победы; я нахожу поражения! Я оставил вам миллионы жителей Италии; я повсюду нахожу грабительские законы и нищету!" Но прежде чем им было предъявлено это ужасающее обвинение, они осознали, что их распутному и хаотичному режиму пришел конец и что Наполеон стал правителем Франции, которую он оставил процветающей, а по возвращении из Египта обнаружил разваливающейся на куски.

Жозефина сыграла свою роль в этой драме с удивительной проницательностью и подчеркнутой преданностью делу своего мужа. Он был вознагражден тем, что стал первым консулом, а она - тем, что стала первой леди Республики и лидером общества. Они быстро воспользовались этим преимуществом, переехав из своего скромного жилища сначала в Малый Люксембург, а затем в Тюильри, где она занимала спальню знаменитой Марии-Антуанетты и апартаменты, в которых раньше жил Людовик, которые находились непосредственно над ними. Они собрали вокруг себя достойных людей, представляющих науку, искусство, литературу, юриспруденцию, политику, военных знаменитостей и моду. Они создали, по сути, небольшой Двор, но вели тихую, ненавязчивую жизнь, насколько это было дипломатично и дозвоительно.

Только с приходом Империи начались веселье и величие, превзойдя и отодвинув в тень любой другой двор в Европе. Жозефина купалась в этом, но Наполеон перенял и поощрял это скорее из соображений политики, чем вкуса. На самом деле, находясь в капризном настроении, он часто говорил, что это ему наскучивает. Это не значит, что он не приспособивался к тому, что считал необходимостью. Восточный правитель не мог бы носить достоинство великолепия более естественно, чем он. Хотя в глубине души он ненавидел его помпезность и экстравагантность, в его памяти запечатлелось впечатление бедности и страданий, через которые он прошел в детстве, когда на улицах Парижа он был на грани голодной смерти и однажды был вынужден продать свои скудные запасы книг, чтобы прокормить своего брата Луи, и остался один. Своим близким друзьям он привык рассказывать эту историю не в плаксивой манере, а с живостью и пафосом, которые вызывали слезы на глазах у каждого, кто ее слышал.

Умышленное и ложное представление о характере Наполеона, существовавшее среди тысяч его современников, и постоянные попытки опорочить его, даже сейчас, со стороны части мирового сообщества, являются экстраординарными, когда доступно так много убедительных доказательств, которые показывают, что он был противоположностью тому, кем о нем говорят. Как брат, сын, муж, отец или друг, его любовь, преданность и верность были непревзойденными. Не было ни разу известно, чтобы он упрекал Жозефину после того, как попустительствовал ее изменам. Он платил ей колоссальные долги не без протеста, но вместо того, чтобы сделать ее несчастной, он извинял ее расточительность и не обращал внимания на капризную, сварливую манеру, с которой она делилась своими домашними секретами о нем самом со своими друзьями, которые часто были его врагами, и он был настолько снисходителен к недостаткам, которые были настолько очевидны для других, что часто ласкал, когда следовало наказывать.

Жозефина самым скандальным образом играла на его подслеповатости там, где это касалось ее самой. У нее не было чувства вины в деньгах, и в сочетании с этим недостатком у нее не было морального чутья в денежных вопросах. Ее долги были хроническими и периодически настолько увеличивались, что она прибегала к самым чудовищным методам их сокращения до того, как остатки были представлены Наполеону ею самой или коварный кредитор намекнул ему об этом; но эти уловки только увеличивали ее расходные ресурсы. Говорят, что на самом деле она не гнушалась получать от Фуше тысячу франков в день в качестве платы за информацию о том, что происходило в Тюильри, а также что она получила полмиллиона франков от Флаша, хищных армейских подрядчиков.

Немыслимо, чтобы Наполеон, чья непреклонная прямота в денежных вопросах никогда не оспаривалась, мог знать, что его жена замешана в таких шокирующих финансовых махинациях, иначе он принял бы спасительные меры, чтобы окончательно положить им конец. Он знал, что его окружают люди, которые были отпетыми ворами, и когда об их хищениях становилось известно ему, их либо увольняли, либо заставляли извергать деньги. Например, Бурьен, Талейран и Фуше. Но нет никаких доказательств того, что он когда-либо подозревал Жозефину, и давайте надеяться, что сделки Фуше-Флаша были либо преувеличены, либо просто выдуманы, хотя трудно поверить, что в этом обвинении не было правды.

Едва Наполеон стал консулом, как начали поступать намеки на наследника, и поскольку Жозефина знала, что не сможет родить ему ребенка, она впадала в уныние, опасаясь, что

коварные люди в его семье и за ее пределами заставят его выслушать план развода и повторного брака. Альтернативой было назначить наследником одного из своих братьев. Жозеф и Люсьен были невозможны, поэтому он сосредоточил свое внимание на Луи. Но заговор с целью покушения на него по дороге в оперу, а также дело герцога Энгиенского, Кадудалю, Моро и Пишегрю ускорили превращение Пожизненного консула в императора. Женитьба Людовика на Гортензии успокоила Жозефину. Она имела в виду тот факт, что у них может родиться наследник и что наследство может перейти к нему. В свое время родился Наполеон Шарль, и Наполеон предпринял попытку осуществить свою идею. Луи сначала был за это, но у Жозефа и Люсьена были завистливые представления о правах братьев. Людовик был впечатлен их взглядами и в конечном счете принял решение вопреки желаниям Наполеона. Сенат принял резолюцию в пользу "прямых естественных, законных и приемных потомков Наполеона Бонапарта и прямых, естественных, законных потомков Жозефа и Луи". Плебисцит поддержал резолюцию Сената, и Жозеф и Людовик с огорчением увидели, что им было запрещено наследование престола.

Это решение было расценено Жозефиной как в высшей степени удовлетворительное для нее самой. Она не поднимала по этому поводу шума, но была вне себя от радости при мысли о том, какой эффект это произведет на Наполеона, и какое-то время о разводе больше открыто не было слышно; но яд все равно коварно прокладывал себе путь к этой цели, и по мере того, как он набирал силу, развивался и заговор. Его собственная семья страстно желала, чтобы ее упекли, но существовало влияние более могущественное, чем влияние мадам Мер и ее сыновей и дочерей. Талейран и Фуше, будучи верховными комиссарами, основавшими идею прямого наследования, постоянно беспокоили его заявлениями о том, что государство требует, чтобы он принес себя в жертву. Они знали, что это была самая веская причина, которую они могли выдвинуть человеку, который отдал бы душу за служение своей стране.

Рождение сына мадам Элеоноры Денюэль Леона 29 декабря 1806 года произвело большое впечатление на императора. Было хорошо известно, что он был отцом ребенка, и теперь, когда не оставалось сомнений в возможности рождения у него наследника, можно было только ожидать, что сторонники развода будут настаивать на заключении союза с одной из могущественных правящих семей. Преимущества для Франции были бы неоценимы, и разве это не укрепило бы его самого и его династию на троне? Не исключено, что Наполеон размышлял о больших возможностях такого брака, но он не мог заставить себя развестись с женщиной, которую все еще любил. Он зашел так далеко, что заручился поддержкой Жозефины в плане сделать своего внебрачного сына наследником, и Массон говорит, что в подтверждение своего желания он энергично использовал "прецеденты и выдуманные оправдания". К счастью, он не стал расширять закон о наследовании дальше этого.

Леон, когда вырос, стал большим источником неприятностей для всех тех, с кем он был связан. Его черты лица и телосложение имели заметное сходство с отцовскими, но ум у него был сумасбродный. Он не унаследовал ни капли стойкого, здравомыслящего гения императора, хотя, если бы не причуда природы, которая придала ему своеобразный склад ума, он был бы настолько близок к своему прототипу, насколько это возможно. Он всегда был полон грандиозных планов, которые в руках нормально устроенного человека превратились бы в общественную пользу.

Массон дает яркий и несколько категоричный отчет о своих пристрастиях, которыми были "азартные игры, дуэли, политика, написание памфлетов, концепция колоссального канала, железной дороги и коммерческих начинаний, которые никогда не выходили далеко за пределы начальной и каменистой ментальной стадии". Он был одним из главных скорбящих, когда останки его отца были доставлены в Париж со острова Святой Елены в 1840 году, а в 1848 году претендовал на пост президента республики, что выпало на долю его двоюродного брата Луи Наполеона, чью жизнь он желал лишить, но который с большой щедростью назначил ему пенсию и выплатил наследство, оставленное ему Наполеоном. Он умер в 1881 году.

Рождение Леона отводит ему видное место в истории политического развода, хотя, насколько это касалось Наполеона или на него повлияло, есть убедительные доказательства того, что он действительно считал это выходом из положения, и если бы он был предоставлен своим собственным наклонностям, велика вероятность, что второго брака не было бы, пока Жозефина была жива. С 1807 по 1809 год его мозг разрывался на части из-за неизбежной тени, от которой он изо всех сил пытался уклониться. Он не мог заставить себя разорвать узы, которые связывали их вместе в сильной привязанности почти пятнадцать лет. Он изобрел все мыслимые уловки, чтобы попытаться найти более благоприятное решение, чем развод.

В течение двух лет император жил в атмосфере невыносимой тоски, которая отвлекала его. Чем ближе он подходил к страшной теме, тем более очаровательной казалась ему его жена и тем упорнее он цеплялся за глубокие впечатления, произведенные той юношеской страстью, которая в прежние дни волновала все его существо. Она часто уводила его от тонких уговоров агентства, которое постоянно шло по его следу, и тогда его преданность становилась более восторженной, чем когда-либо. Фуше часто подвергался суровым упрекам за его настойчивую пропаганду разделения. В другой раз мы слышим, как он падает в объятия Жозефины, проливая обильные слезы, и, задыхаясь от горя, всхлипывает: "Моя бедная Жозефина! Я никогда не смогу оставить тебя", "Я все еще люблю тебя" и так далее.

Те, кто притворяется, что видит в этих вспышках преданности не что иное, как искусственность, не могут знать об истинном характере этого необыкновенного человека. По правде говоря, это была вынужденная жертва привязанности на благо государства. К такому выводу писатель пришел после долгих исследований. Даже после того, как его убедили, что ему придется подчиниться, воспоминания о славе, которую они разделили вместе, и об их счастливых днях, а также о горе и страданиях, которые вызовет расставание, наполнили его раскаянием и жалостью, а затем наступил период колебаний, который привел в ярость его семью и сторонников стабильности Империи. Наконец он ясно увидел, что это настоящий долг, который необходимо выполнить.

Проблема престолонаследия была искусно оживлена, и любезная Мария Валевская, жившая недалеко от Шенбрунна, собиралась родить ребенка, который, как он знал, был его, и не исключено, что эта двойная уверенность в том, что он может разумно рассчитывать на наследника, если женится снова, привела его к определенному решению продолжить процедуру развода; и император Франциск Австрийский поспешил заключить союз, предложив в жены свою дочь Марию Луизу.

В конце декабря 1809 года великий политический развод был ратифицирован на фоне мрачных знаков сочувствия. Даже Бонапарты были вынуждены поддаться эмоциям, и сам Наполеон был глубоко взволнован. Подавленное горе Жозефины пронзило холодные сердца тех, кто

хладнокровно наблюдал, как мужчин и женщин вели на гильотину во времена правления террора. Но даже слезы и горе Жозефины были изящны и завораживающи, так что неудивительно, что зрители сочувствовали ей в ее горе. Почти сразу после церемонии Наполеона охватило горе. Он подождал немного, прежде чем попросить Меневалю сопровождать его в апартаменты Жозефины. Они нашли ее в состоянии неумолимого отчаяния. Она бросилась в объятия императора; он обнял и пылко поцеловал ее, но испытание было слишком велико. Она упала в обморок. Он оставался с ней до тех пор, пока она не начала проявлять признаки сознания, затем оставил ее на попечение Меневалю и служанок. Зрелище ее горя было для него невыносимым.

Наполеон искал обманчивого развлечения в Трианоне после того, как Жозефина поселилась в Мальмезоне. Его сочувствующее и нежное внимание отсюда не могло быть проявлено более искренне. Ничто из того, что могло бы смягчить ее горе и добавить ей утешения, не было упущено им или позволено упустить из виду другим. Ей был назначен пожизненный ежегодный доход в размере трех миллионов франков, который, в случае его смерти, должны были выплачивать его преемники. Она сохранила титул императрицы и все остальные признаки суверенитета.

Переговоры о втором браке велись из Трианона. Союз с Россией распался якобы по религиозным мотивам. Наполеону не нравилась мысль о том, что рядом с ним будут русские священники, и, кроме того, принцесса Анна была слишком молода, чтобы выходить замуж, и даже если бы не возникло других трудностей, император Наполеон не мог ждать. Саксонский союз ему не нравился, поэтому он отдал предпочтение Австрийскому дому, и 11 марта 1810 года Его величество обвенчался по доверенности в Вене с австрийской эрцгерцогиней, а 1 апреля в Сен-Клу состоялся гражданский брак, и на следующий день они были церковно объединены.^[31]

Для него и для Франции было бы лучше, если бы он бросил вызов сторонникам королевского союза и остался верен Жозефине или даже женился на Марии Валевской. Если бы целью была просто политика престолонаследия, он мог бы усыновить своего внебрачного сына, блестящего Александра Валевскую, чья последующая карьера на службе Франции оправдала бы этот курс.

Желание объединить французского императора с одной из могущественных царствующих семей, чтобы придать стабильность империи и положить конец непрекращающимся войнам, было теорией, которая оказалась заблуждением, и, возможно, Наполеон, с его ясным видением, предвидел зависть и международные осложнения, которые возникнут в результате политического брака такого характера. Это, а также его нежелание расставаться с Жозефиной, является выводом, который может разумно объяснить колебания, которые время от времени проявлялись так ярко.

Легкомысленное отношение (которое указывает на размах и вершину плохо информированного ума) к тому, что он стал жертвой ненормального стремления быть связанным с той или иной королевской семьей, смехотворно. Если он и стремился к такому отличию, то оно было в пределах его досягаемости в любое время после того, как он стал первым консулом. Ему стоило только намекнуть, и началось бы соревнование доступных принцесс, выбор из которых поставил бы его в тупик. Несомненно, он не проявлял юношеской порывистости в этом отношении, и, возможно, не будет преувеличением заключить, что его брак с Марией Луизой не был популярен ни у французского народа в целом, ни у представителей других

национальностей. Это вызвало зависть и недоверие среди крупных держав, а в самой Франции память о последнем злополучном союзе Франции с Австрией - союзе Марии—Антуанетты и Людовика — оказала раздражающее воздействие на умы участников Революции.^[32]

Мюрат убеждал своего шурина и высокопоставленных лиц в том, что брак с родственницей Марии-Антуанетты, которая вызывала отвращение у сторонников Революции, оттолкнет широкую общественность, но возражения Мюрата заподозрили в личной подоплеке и отклонили. Однако не подлежит сомнению, что неаполитанский король поставил правильный диагноз; исходя из личных интересов или нет, предупреждение оказалось верным. Самые верные и преданные из его подданных чувствовали, что их непобедимый герой попадает в водоворот неприятностей. Они на горьком опыте убедились в двуличии австрийской дипломатии. Воспоминания о жестоких войнах, в которые они были коварно втянуты, обесцвеченные кости французов, лежащие на австрийской земле, и разоренные дома, ставшие результатом отвратительной политики алчности Австрии, действовали на них как тонкий яд. И слава об их победах над ней сводилась на нет вечным подозрением, что она постоянно вынашивает новые поводы для ссоры. Они действительно думали, что их предчувствие постоянного предательства Австрии было ясными определенным, и что новая императрица станет полезным проводником в махинациях их врагов.

Мы никогда не сможем полностью оценить, в какой степени эти впечатления повлияли на их умы и действия и какую роль они сыграли в ускорении великого национального унижения. Напрашивается вполне определенный вывод, что только колоссальные успехи и магическая личность императора сдерживали дух негодования, вызванный этим браком.

И перед нами исторические свидетельства, которые ясно показывают, что уравновешенный ум Наполеона разрывался между сомнениями и убеждениями, и он совершил роковую ошибку, позволив обстоятельствам или гордыне взять верх над своим суждением. Если бы он даже полагался на свое суеверие, велика вероятность, что на острове Святой Елены никогда не было бы клейма его пленения.

Союзы Франции и Австрии никогда, насколько это касалось политической истории, не были особенно успешными. Стабильность земных вещей определяется не чувствами или теоретическими доктринами, а фактами, твердыми, как гранит, и никто не знал этого более досконально, чем человек, ставший жертвой интриг австрийцев и их французских союзников.

Обычно в изгнании он был сдержан в рассказах о своих домашних горестях, но когда его мысли витали далеко, размышляя о великой тайне человеческой судьбы, он нарушал правило и с какой-то томной откровенностью высказывал мысли, которые переполняли его разум, и именно в эти судорожные периоды он открывал свою душу, заявляя, что "женитьба на принцессе Австрийской погубила его, и что его брак с Марией Луизой был причиной похода в Россию", и что "он, возможно, не был бы на острове Святой Елены, если бы женился на француженке". Говорят, что он всерьез подумывал об этом и попросил нескольких доступных дам предстать перед ним с этой целью. Эти мечтательные высказывания показывают, что его мысли были сосредоточены на причинах его несчастий, и что он придерживался определенных взглядов на трагедию брака, и, возможно, его чувство гордости, интересы своего сына (короля Рима) и нежелание признать, что в то время он знал, что поступает неправильно, заставляли его скрывать многое из того, что он думал и знал. У нас складывается впечатление, что он не мог заставить себя высказать всю невыразимую язву, которая преследовала его.

Странно, что этот проницательный человек отказался от своих собственных убеждений и поддался увещаниям менее способных судей. Еще во времена Директории, когда Бернадотта оскорбили в Вене, он подытожил характер Австрии в следующих выражениях: "Когда австрийцы думают о начале войны, они не оскорбляют; они льстят врагу, чтобы у них было больше шансов вонзить в него нож". Он сказал Директории, что они не понимают венский кабинет министров; "это самый подлый и вероломный из всех, что можно найти". "Он не будет воевать с вами, потому что не может". "Мир с Австрией - это всего лишь перемирие". Его диагнозы были подтверждены Бернадоттом, и более чем подтверждены в последующие годы. Чудо в том, что он не позволил себе извлечь пользу из своих проницательных наблюдений в момент, когда так много зависело от силы, а не от колебаний и слабости.

Яркое оправдание оппозиции другой австрийской принцессе, разделяющей трон Франции, воплощено в возвышенных идеалах (?) императора Франциска по отношению к своей дочери Марии Луизе в Шенбрунне после того, как она дезертировала от Наполеона. Он сказал ей: "Как моя дочь, все, что у меня есть, принадлежит тебе, даже моя кровь и моя жизнь; как государыня, я не знаю тебя".

Это благословение, чистое и великодушное, благожелательно выраженное, немедленно подкрепляется королевской строгостью; ортодоксальность заключается в том, что пока Наполеон был у власти, она была его дочерью, все, что у него было, принадлежало ей, включая его жизнь и кровь, но теперь, когда он пал, она не должна перечить его желаниям и преданно разделить судьбу того, кто был отцом ее сына, кто принес ей несравненную славу и был так милостив к самому Франциску. Если бы она решила вести себя как подобает жене и цепляться за своего мужа в его несчастье, тогда он провозгласил бы себя сувереном и с такой же готовностью забодал бы ее, как Наполеона, если бы в своей патриархальной мудрости решил, что на карту поставлены национальные интересы. В его сокрушающей дух риторике звучали настоящие ультрамонархические нотки. Но это предназначалось для других ушей и с иной целью, чем заставить содрогнуться его дочь. Что касается нее, то он мог бы не беспокоиться на этот счет. Она согласно склонила голову и быстро бросила влюбленный взгляд на Нейпперга, мужчину, пришедшегося по сердцу ему и ей. Это было кульминационное событие, положившее конец ее судьбе с Наполеоном, хотя он пытался предотвратить это, и причины изложены его собственным патетическим языком, время от времени четко выражаемым.

Его племянник Наполеон III, извлекий урок из своего безрассудства, отказался от принуждения к политическому браку со стороны какой-либо из группировок по сватовству. Когда пришла его очередь, он действовал с независимостью и мудростью, игнорируя уговоры назойливых советников и королевские условности, и решил жениться на даме, к которой испытывал привязанность.

Между прочим, можно констатировать, что заслуги Наполеона III были омрачены большим гением его дяди, но по мере того, как время разделяет правление этих двух людей, станет понятно, что, хотя на него и не смотрели как на великого полководца, он обладал гением иного рода и, несомненно, был великим правителем, действовавшим в несколько изменившихся условиях, но подверженным тем же человеческим капризам, и придет время, когда блага, которые он даровал французской нации, будут оценены выше, чем сегодня.

В 1812 году Европа находилась в состоянии непреодолимой судороги. Войны, хотя и всегда успешные для Франции, не привели к определенному урегулированию международных дел.

Мир был временным, и страх перед могуществом и гением Наполеона был единственным сдерживающим фактором для хищнических замыслов, направленных против его владений.

Какую прямую или косвенную роль сыграла Мария Луиза в развязывании войны с Россией, а затем и великой европейской борьбы, никогда не будет полностью известно, но как у жены Наполеона у нее была бы возможность услышать от него самого и тех, кто пользовался его доверием, замечания и даже дискуссии о сложностях политической ситуации. Она ежедневно общалась с Меттернихом и постоянно переписывалась со своим отцом; и даже если допустить, что в то время ее намерения были верны ее мужу и стране, в которую она была усыновлена, она, возможно, бессознательно передала нечто такое, что в руках искусных дипломатов выявило бы стержень, от которого могли зависеть важные вопросы. Тогда передача Регентства в ее руки была непреодолимым искушением и должна считаться одной из величайших ошибок Наполеона. Проникнутая значительной долей австрийских пристрастий и занимающая механическую или фиктивную позицию по отношению к Франции и ее правителю, а также принимая во внимание ее последующее поведение, разумно предположить, что во время регентства она передала австрийскому двору важную информацию о военных передвижениях и намерениях, которой тот не замедлил воспользоваться; и если бы была сказана правда, оказалось бы, что союзники во многом обязаны своим успехом австрийской эрцгерцогине. Не могло ли это быть частью тонкой политики Австрии в организации брака? Все, безусловно, указывает на это.

Вместо того чтобы подарить Меттерниху на Пражском конгрессе табакерку стоимостью 30 000 франков в знак дружбы, Фуше, в голове которого всегда были мысли о коррупции, предложил императору, что, если предполагается откупиться от Австрии, он должен заработать на этом миллионы. Если бы Наполеон был человеком по душе, это могло бы быть успешным решением на какое-то время, но только на время. Меневаль говорит, что император, испытывавший ужас перед коррупцией, ответил ему жестом отвращения.

В начале 1812 года, когда война с Россией стала неизбежной, Наполеон выполнил обещание, что Жозефина увидится с королем Рима. Встреча состоялась в Багателе. Она обняла и поцеловала ребенка с материнской нежностью, и ее слезы полились ручьем. Сцена была трогательной и оказалась прощанием на всю жизнь. Как это ни странно, Жозефина испытала непреходящую привязанность к незаконному сыну Наполеона, впоследствии графу Колонна (Александр Валевский), и к его матери, Марии Валевской. Она любила ребенка и относилась к нему с той же снисходительностью, что и к собственным внукам. Мать была постоянной гостьей, и никому в Мальмезоне не были рады больше, чем ей. Эти проявления великодушия, характерные для Джозефины, сделали бы ее не только привлекательной, но и привлекательной, если бы не сохранившиеся в записях недостатки, которые показывают, что ей серьезно не хватало честности и верности тому, кому она была обязана всем. Ее материнская привязанность и любящая забота о своих детях безупречны, а ее щедрость к достойным и недостойным людям была необычайной. Она любила Наполеона с особой эксцентричностью. Его честь и интересы никогда не принимались во внимание. Она позволила окружить себя в Мальмезоне во время русской кампании роялистскими заговорщиками и предательством самого непримиримого характера. Она изливала им свои горести с приемлемыми результатами, и ничего, что могло бы повредить ему и вызвать сочувствие к ней, не оставалось незамеченным. Все ее мысли были о себе. Она не собиралась быть лживой или жестокой по отношению к нему, и все же она была одновременно жестокой и лживой.

Как только союзные армии овладели Парижем, неугомонная мадам де Сталь нанесла визит Жозефине, чтобы выяснить, как она теперь относится к своему бывшему мужу. Она тут же спросила ее, любит ли она его по-прежнему. Герцогиня де Реджио рассказывает, что Жозефина была возмущена такой дерзостью и сказала некоторым своим посетителям, что она никогда не переставала любить императора в дни его процветания, и было немыслимо, чтобы она перестала делать это в его несчастье. К несчастью для Жозефины, она предприняла самый поразительный способ продемонстрировать свою преданность, согласившись на визиты сначала российского императора, а затем других государей и иностранных сановников. Она давала балы и обращалась с врагами Франции, и особенно с царем, так, как будто они были настоящими потомками строителей Храма Иегове. Они с Гортензией гуляли по территории, держась заруки Александра во время частых визитов, что свидетельствовало о сильно сформировавшейся привязанности.

Если бы Джозефина обладала хоть каплей проницательности или должным образом оценивала свое достоинство, она бы поняла, что это было частью четко определенной политики нанесения удара через нее мужчине, которого, по ее словам, она все еще любила, даже с большей страстью теперь, когда он стал жертвой совместной и безжалостной враждебности. Гортензия, по-видимому, сначала отказывалась иметь какие-либо дела с Александром, но личное обаяние этого государя, обаятельные манеры и домашний уют вскоре очаровали и пленили ее. Ее можно извинить, но ее мать не вела себя как благородная женщина, и ее память должна нести поношение за это.

Помимо уважения, которым она была обязана самой себе, ей следовало помнить о долге и верности, которыми она обязана огромной французской публике и жертве своих гостей, которые были для нее самым всепрощающим, снисходительным другом, которым когда-либо была благословлена человеческая душа. Он был отцом ее детей, и даже когда он был подавлен последствиями великой катастрофы, его самые нежные и великодушные мысли были обращены к ней.

Женщина, обладающая высоким чувством долга и чести, не приняла бы ни единой услуги ни от одного, ни от другого враждебного монарха, даже если бы ей ее предложили; тем более она стала бы съезживаться и неделикатно скулить, чтобы получить их улыбки или благосклонность такой отвратительной ценой.

Некоторые авторы пытались воздать должное Жозефине за то, что она оказала влияние на Александра таким образом, что обеспечила Наполеону лучшие условия, чем он получил бы при первом отречении. Предположение нелепое. Предположительно, альтернативой было то, что его следовало расстрелять или заключить в крепость до конца его жизни. Любая из этих идей избавиться от его личности вызвала бы реакцию и месть общественности. Союзники отшатнулись от этого, хотя некоторые из самых свирепых, но отнюдь не самых храбрых участников съёмочной группы требовали стрельбы, что всегда бывает с фальшивыми героями.

Дипломаты среди них разработали более тонкий план - сначала сослать его на Эльбу с титулом императора и пенсией в 200 000 фунтов стерлингов в год, ни пенни из которых не было выплачено и, в свете истории, никогда не предполагалось выплачивать.

Они предвзято относились к идее замаскирования плана на острове Святой Елены до тех пор, пока не решили, что обманули общественность, заставив ее поверить, что они

руководствовались гуманными мотивами и необходимостью обеспечения мира в Европе. Они кропотливо разрабатывали самые хитроумные заговоры, чтобы их можно было прославить за избавление Европы от "чудовища".

Во время своего пребывания на Эльбе Наполеон был проинформирован об их планах относительно свободы, которую они любезно (?) предоставили ему (с пенсией, которая была намеренно удержана), и, действуя на основе определенной конкретной информации, он быстро развил одно из своих самых блестящих достижений — внезапную высадку во Франции, свой триумфальный марш к Парижу и последовавшее за этим бегство бурбонов при его неожиданном приближении во главе восторженной армии.

Последовавшая кампания, закончившаяся битвой при Ватерлоо, позволила союзникам после его поражения удовлетворить свои дикие инстинкты, выполнив свой план, упомянутый выше, и обрекая его на мученическую смерть.

Но одним из самых жестоких их поступков был отказ в просьбе о том, чтобы его жена и ребенок сопровождали его на Эльбу. Это окончательные "лучшие условия", которых, как говорят, добилась Жозефина, кокетничая с Александром из России!

Она наслаждалась тем, что хваталась за каждый обломок, который мог принести пользу ей и ее семье, а коварная дружба Александра, несомненно, давала ей возможность беспрепятственно выражать свои обиды на человека, которого так подло предали. Ее мания делиться секретами самого сокровенного характера могла сравниться только с ее способностью интриговать и накапливать долги, и эти качества никогда не покидали ее.

О моральных качествах Жозефины нельзя точно судить по ее частым излияниям восхищения и привязанности к Наполеону в адрес Евгения и Гортензии. В письмах к каждому из них, которые сохранились, она заявляет, что для кого-либо было бы невозможно быть добрее, любезнее или внимательнее, чем он всегда был, и даже после развода она пишет, что если бы она любила его менее искренне, он не смог бы проявлять больше беспокойства, чтобы смягчить то, что могло бы причинить ей боль.

Но, несмотря на эти заявления, она никогда не переставала удовлетворять свою ненасытную любовь изливать на его самых закоренелых врагов вину и упущения, на которые указывала ее врожденная моральная неполноценность. Поэтому не является несправедливым предположение, что их Величества и другие лица передавали им пригоршнями (возможно, невольно) многое из того, что было ценным для их пагубной цели, пока они развлекались в Мальмезоне. Говорили, что она намеревалась быть представленной королю Бурбонов, и хотя нам хотелось бы верить, что она не способна на такое вероломство, это вполне соответствует ее сложному характеру, особенно после того, как Юджин нанес ему визит. Обещания монархов о том, что интересы ее самой и детей будут защищены, становились все менее обнадеживающими по мере того, как проходили те несколько дней, которые ей оставались. Наконец она поняла, что это всего лишь шелковое словоблудие, и впала в отчаяние. Это, а также беспокойство по поводу приема своих королевских гостей, усугубили болезнь, которой она заразилась. Александр нанес свой первый визит 14 мая, а она умерла от ангины или дифтерии 29 мая 1814 года.

Все союзные монархи были представлены на ее похоронах, и принц Мекленбургский (брат королевы Пруссии) был среди скорбящих. Именно о нем придворные сплетники усердно

распространяли слухи, что после развода он проявлял подозрительное внимание к Жозефине. Наполеон, узнав об этом флирте от Фуше, упрекнул ее с вполне оправданной решительностью на том основании, что ходить с принцем и другими низшими чинами во второсортные театры, даже под прикрытием инкогнито, является грубым нарушением достоинства. Похоже, он не думал, что было что-то большее, чем обычное неуважение Жозефины к себе и высокое положение, которое он сохранил за ней, хотя, по словам ненадежной мадам де Ремюза, Наполеон предложил своей разведенной жене, чтобы она взяла в мужа принца Мекленбургского. Тот же источник (?) утверждает, что принц написал Наполеону, прося его разрешения, и, далее, говорит, что Жозефина рассказала ей эту любопытную историю. Это совершенно не подтверждается ни словами, ни действиями самого императора и может быть отброшено в сторону как очередная выдумка автора мемуаров.

В том, что флирт имел место, сомневаться не приходится, но цель принца, возможно, была частью политической интриги, а не плотским сношением с женщиной почти пятидесяти лет. Жозефина, всегда жалевшая себя, как сито чистой воды, падкая на лесть, слепая к уловкам, жаждущая восхищения и жалости, была рада обнаружить внимание, оказываемое ей со всех сторон, но исходящее от королевского дома Пруссии или любой другой королевской особы, было ослепительным комплиментом высокому уважению, которым, как она верила, ее пользовались, и усиливало роскошь чувствовать, что она является центром международной симпатии.

Дело было не в том, что у нее было какое-то злое намерение намеренно причинить вред Наполеону или какая-то мысль унижить себя. Ее разум не работал в этих руслах. Ее просто сбивало с толку тщеславная любовь к самоутверждению, которая вывела ее далеко за пределы благородного благоразумия. Она была похоронена в Рюэле в тихой торжественности, и в 1825 году Эжен и Гортензия воздвигли памятник в ее память.

Легенда гласит, что ее последним членораздельным произнесением было заколдованное имя "Наполеон" — "Эльба". Император по возвращении жалобно спросил Корвизат, императорского врача, почему он позволил ей умереть и какова природа болезни, которая лишила ее духа. Он ответил, что она "умерла от горя и печали". Ее собственный врач, Хоро, сказал ему почти то же самое, на что последовал печальный ответ: она была "хорошей женщиной" и "очень любила меня". Намек на то, что она часто и по-доброму отзывалась о нем, вернул ему всю прежнюю страсть к ней и наполнил его эмоциями. Он услышал о ее смерти, находясь на Эльбе, и сказал Корвизату, что это было для него самым большим горем, и хотя у нее были свои недостатки, *она*, по крайней мере, "никогда бы его не бросила"; и, возможно, это последнее высказанное мнение, которое так часто повторяется, могло бы оправдаться, если бы он сразу же бросил Мари-Луизу после того, как она бросила его.

Популярные обвинения против Наполеона со стороны тех, кто либо настроен предвзято, либо не знаком с его историей, заключаются в том, что он, должно быть, был жестоким и варварским мужем, иначе он не развелся бы со своей женой, и что как правитель он жаждал крови. Каждое из этих, а также множество других глупостей, которые о нем говорят и в которые верят, явно фальшивое. Как муж, в том, что касается доброты и снисходительности, он был образцовым. Как солдат, первый консул и император, он во все времена стремился к миру. История раскрыла настоящего человека, и в последние годы было убедительно доказано, что он был полной противоположностью монстру, которым его считали. Теперь, в свете более точных знаний и

более спокойных суждений, мир проявляет желание воздать ему справедливость, в которую он никогда не переставал верить.

Его непревзойденная личность и слава распространяются повсюду и вдохновляют. Его ошибки выставляются в центре внимания общественного мнения, и растущее желание относиться даже к ним с должным великодушием свидетельствует о том, что разум и знания занимают место стереотипных международных предрассудков, политических и личных. Мы начинаем яснее видеть сквозь туман вражды, что он обладал редкими добродетелями, помимо несравненного гения. Развод Жозефины, несомненно, был политическим, хотя, если бы он был тем свирепым созданием, каким его заставили казаться, возможности, которые она так часто ему предоставляла, оправдали бы развод на гораздо более ранней стадии не по политическим мотивам.

Плохо подобает нации, знавшей Георга I, Георга IV и Генриха VIII. сделать такое елейное исключение из мягкого и благожелательного отношения Наполеона до и после расторжения брака.

СНОСКИ:

[31] Утверждалось, что, когда Жозефина сочла развод неизбежным, она сама предложила союз с Марией Луизой. Одна из причин полагать, что это могло быть так, заключается в том факте, что привязанность детей Жозефины к Наполеону не уменьшилась из—за развода - более того, Евгений принимал ведущее участие в переговорах о браке.

[32] В пресловутых "Письмах с Мыса", адресованных леди Клаверинг и по-разному приписываемых англичанину, Лас Кейсу и даже самому Наполеону, отмечается любопытное совпадение в отношении двух франко-австрийских союзов. Оба брачных контракта были подписаны при несколько схожих обстоятельствах, и в обоих случаях в честь этого события были проведены праздники. На брачном празднике Людовика XVI. и с Марией-Антуанеттой произошло бедствие, в результате которого погибло около двух тысяч человек. Чтобы отпраздновать союз Наполеона и Марии Луизы, принц Шварценберг устроил праздник, на котором произошел пожар, в результате которого жена принца и еще около двадцати человек сгорели заживо. Суеверные обратили внимание на это совпадение, и говорят, что Наполеон счел это дурным предзнаменованием.

ГЛАВА VII

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НАПОЛЕОНА

В отличие от представителей олигархии, которые отбросили все моральные ограничения, Наполеон возвышается над ними. По любым признакам — административным, стратегическим, религиозным, бытовым — он превосходил своих современников. Только по религиозным соображениям те его мысли, которые были записаны, не только раскрывают проницательность делового человека, но и раскрывают образ мыслей глубоко религиозного существа. Его беседы с Гурго на религиозные темы, некоторые из которых цитируются в замечательной книге лорда Розбери "Последняя фаза", настолько противоречивы, что их нельзя воспринимать как

подлинные верования. То, какую линию он избрал, во многом зависело от того, с кем он разговаривал.

Очевидно, что императору доставляло удовольствие спорить с набожным католиком и противоречить ему исключительно ради интеллектуального упражнения. Однажды он заявляет своему упрямому спутнику: "Если бы мне пришлось выбирать религию, я бы поклонялся солнцу, потому что солнце дает всему жизнь и плодородие". В другой раз он мучает графа, связав его в узел и разоблачив его поверхностные знания, говоря, что "мусульманская религия - самая прекрасная из всех". Но когда его разум всерьез сосредотачивается на священных вещах, он заявляет, "что религия придает святость всему". "Отпущение грехов - прекрасная идея". "Это делает христианскую религию настолько привлекательной, что она никогда не исчезнет. Никто не может сказать: "Я не верю и никогда не поверю".

Монтолон больше нравится автору, чем Гурго, хотя подлинность Гурго подтверждается лордом Розбери, и позже мы увидим, что он говорит о религиозных верованиях своего императора. Именно он пытался облегчить душевные и физические страдания своего господина, и именно он, по его желанию, должен был закрыть глаза перед смертью, когда гнусное убийство будет завершено. Именно он тоже оказался запертым в крепости Хэм на семь лет за то, что непоколебимо придерживался дела племянника великого изгнанника. Гурго был верен и предан своему делу по скользящей шкале, что привело его к большой несправедливости по отношению к поверженному герою. Преданность Монтолона была последовательной и неизменной при любых обстоятельствах, в то время как преданность Гурго менялась в зависимости от его настроения.

Ни один из соратников Наполеона в изгнании не был допущен к такой тесной близости с прославленным воином-государственным деятелем, как граф Монтолон, даже Бертран или Маршан. Именно он завоевал доверие благодаря самой удивительной привязанности, которую только может дать один человек другому, и было естественно, что большая душа Наполеона откликнулась на то, что приравнивалось к фанатичной преданности. Он был любимым спутником императора в течение шести лет, и в течение последних сорока двух ночей его жизни он был с ним в комнате смерти, и по его просьбе он бодрствовал и был свидетелем того, как его дух скончался.

Именно ему, когда тень смерти нависла над разрушенной скалой, Наполеон поделился своими самыми сокровенными мыслями - домашними, гражданскими и религиозными. Он сделал его одним из своих душеприказчиков, завещал ему состояние, доверил ему хранение драгоценных документов, и до своей смерти получатель столь лестных признаний никогда ни словом, ни поступком не предал веру, которая была в нем, и никогда не поколебался в своей преданности делу мученика. Именно от него мы унаследовали знаменитую конституцию, составленную Наполеоном для его сына, которая полна демократической мудрости и проистекает из гениальной государственной мудрости. Мы также получаем яркое представление о религиозной стороне разностороннего характера Наполеона. Его беседы и диктовки на эту противоречивую тему, если хотите, неортодоксальны, но, тем не менее, религиозны; обильные по мысли и емкий словарный запас, они раскрывают магию хорошо сохраненного вдохновенного ума. Он не допускает ни ребячества, ни условностей. Он усердно изучает Библию и Коран; он знает свой предмет и высказывает свои рассуждения без оговорок, и в конце концов мы видим видение всемогущего Бога, закрепленное в прочной вере.

В первом пункте своего завещания он заявляет: "Я умираю в апостольской римской религии, в лоне которой я родился более пятидесяти лет назад". Если и требовались какие-либо другие доказательства того, что он верил в божественность Иисуса Христа, то это общепризнанное заявление накануне великого преображения может быть подтверждено тем фактом, что основное учение римской религии сосредоточено на божественности Христа. Опять же, в ходе выполнения им своих общественных и частных обязанностей вы часто сталкиваетесь с отрывками из его писем и официальных документов, такими как "Да хранит вас Бог в Своем святом покровительстве". Можно сказать, что это просто форма или фигура речи, но тогда неверующие не используют такие фразы.

В повседневной жизни нам не хватает смелости творить справедливость и быть великодушными друг к другу. Но, несомненно, в интересах политической, исторической и личной правоты послание умирающего к миру должно освободить его от необходимости превращать его ясные, лаконичные беседы в изодранную скуку. Это либо извращение понимания, либо человеконенавистнический эгоизм, который может исказить рассуждения Наполеона на религиозные темы, придав им значение того, что он когда-либо всерьез думал о том, чтобы отдать предпочтение поклонению солнцу, или о том, чтобы стать последователем Мухаммеда, или о том, что он когда-либо демонстрировал реальные доказательства неверия в Бога своей расы.

Он восхвалял многие добродетели мусульманской религии, такие как честность, чистоплотность, воздержанность и благочестие, и с едким сарказмом осуждал не Христа, а исповедующих христианство, чье поведение по отношению к самому себе было ниже достоинства язычника. Но это ни в коей мере не умаляет его восхищения подлинным последователем Христа. Он говорит, что "религиозные идеи обладают большим влиянием, чем готовы поверить некоторые ограниченные философы; они способны оказать большие услуги человечеству". Опять же, он говорит, что "христианская религия - это религия цивилизованного народа; она полностью духовна, и награда, которую Иисус Христос обещает избранным, заключается в том, что они увидят Бога лицом к лицу; и вся ее тенденция заключается в усмирении страстей; она не предлагает ничего, что могло бы их возбудить".

В тоскливые часы в Лонгвуде между Наполеоном и членами его свиты часто возникали жаркие споры о религии, и в одном из таких случаев он, Монтолон и Антоммарчи стали участниками спора. В адрес первого он внезапно выпалил: "Я хорошо знаю людей, и я говорю вам, что Иисус Христос не был человеком"; затем он резко нападает на претенциозного доктора, сообщая ему, что "стремление быть атеистом не делает человека таковым".

Доктор Александр Мэйр опубликовал в "*Толкователе*" около двадцати лет назад критическое исследование подлинности заявлений, приписываемых Наполеону во время пребывания на острове Святой Елены, по поводу христианской религии, из которых я привожу следующую выдержку:

"Однажды вечером на острове Святой Елены, - рассказывает месье Ботерн, - беседа была оживленной. Тема, о которой шла речь, была возвышенной; это была божественность Иисуса Христа. Наполеон защищал истинность этой доктрины аргументами и красноречием гениального человека, а также чем-то от исконной веры корсиканцев и итальянцев. На возражения одного из собеседников, который, казалось, видел в Спасителе всего лишь мудреца, выдающегося философа, великого человека, император ответил: —

"Я знаю людей, и я говорю вам, что Иисус Христос - не человек.

"Поверхностные умы могут заметить некоторое сходство между Христом и основателями империй, завоевателями и богами других религий. Такого сходства не существует.

"Я вижу в Ликурге, Нуме, Конфуции и Магомете просто законодателей, но ничего такого, что раскрывало бы Божество. Напротив, я вижу многочисленные связи между ними и собой. Я выделяю сходства, слабости и распространенные ошибки, которые приравнивают их ко мне и человечеству. Их способности - это те, которыми обладаю я. Но со Христом все иначе. Все в Нем поражает меня; Его дух удивляет меня, а Его воля приводит меня в замешательство. Между Ним и чем-либо в этом мире невозможно сравнение. Он действительно отдельное Существо.

"Чем ближе я подхожу к Нему и чем яснее я Его рассматриваю, тем больше все кажется выше меня; все продолжает оставаться великим с величием, которое сокрушает меня.

"Его религия - это тайна, принадлежащая Ему одному, и исходит из разума, который, несомненно, не является разумом человека. В нем есть глубокая оригинальность, которая создает ряд высказываний и максим, доселе неизвестных.

"Христос ожидает всего от Своей смерти. Это выдумка человека? Напротив, это странный ход процедуры, сверхчеловеческая уверенность, необъяснимая реальность. В любом другом существовании, кроме существования Христа, какие несовершенства, какие изменения! Я бросаю вам вызов сослаться на какое-либо существование, отличное от существования Христа, свободное от малейших колебаний, свободное от всех подобных изъянов и изменений. С первого и до последнего дня Он один и тот же, всегда один и тот же, величественный и простой, бесконечно суровый и бесконечно нежный.

"Как расширяется горизонт Его империи и простирается до бесконечности! Христос царствует за пределами жизни и за пределами смерти. Прошлое и будущее для Него одинаковы; царство истины не имеет и, в сущности, не может иметь никаких других пределов, кроме лжи. Иисус завладел человеческим родом; Он сделал из него единую национальность, национальность праведных людей, которых Он призывает к совершенной жизни.

"Я признаю, что существование Христа от начала до конца - ткань совершенно таинственная; но эта тайна наталкивается на трудности, которые присущи любому существованию. Отвергните это, мир - загадка; примите это, и мы получим замечательную разгадку истории человека.

"Говорит Христос, и отныне поколения принадлежат Ему узами более тесными, интимными, чем кровные, союзом более священным, более властным, чем любой другой союз по сравнению с Ним. Он разжигает пламя любви, которое убивает любовьк себе и преобладает над любой другой любовью. Без противоречий, величайшее чудо Христа - это царствование любви. Все, кто верит в Него, искренне чувствуют эту любовь, чудесную, сверхъестественную, высшую. Это необъяснимое явление, неподвластное разуму и силе человека; священный огонь, данный земле этим новым Прометеем, силы которого Время, великий разрушитель, не может ни истощить, ни прекратить продолжительность. Это то, чему я удивляюсь больше всего, потому что я часто думаю об этом; и это то, что абсолютно доказывает мне божественность Христа!"

Тут в голосе императора зазвучали странные нотки иронической меланхолии и глубокой печали: "Да, наше существование сияло всем великолепием короны и суверенитета; и ваше, Монтолон,

Бертран, отражало это великолепие, как позолоченный нами купол дома инвалидов отражает лучи солнца. Но наступили перемены; золото мало-помалу стирается. Дождь несчастий и оскорблений, которым нас обрушивают каждый день, уносит последние частицы; мы всего лишь свинец, джентльмены, и скоро от нас останется лишь пыль. Такова судьба великих людей; такова близкая судьба великого Наполеона.

"Какая пропасть между моим глубоким страданием и вечным царствованием Христа, провозглашаемого, почитаемого, любимого, боготворимого, живущего во всей вселенной! Разве это не значит умереть? Не лучше ли жить?"

Более прекрасного панегирика божественности Христа еще никогда не произносилось. Захватывающие и убедительные выводы, сделанные великим читателем, великим мыслителем — человеком, который изучал и знал человеческую сторону жизни и мог описать ее с безупречной точностью, — являются полным опровержением мнений, высказанных либо из предубеждения, либо по личным и политическим мотивам. Наполеон критически беседовал о религии с другими людьми, не всегда с ортодоксальным благоговением, но, безусловно, с убежденностью в том, что он досконально разбирается во всех аспектах этого предмета. Возможно, он получал удовольствие, показывая, что не принимает популярную доктрину безоговорочно.

О его неортодоксальном взгляде на католическую религию свидетельствует тот факт, что в 1797 году он пытался заставить Пия VI. подавить инквизицию по всей Европе. Папа в своем ответе, обращаясь к генералу как к своему "очень дорогому сыну", призывает его отказаться от этой идеи и заверяет его, что обвинения, выдвинутые против Святой Канцелярии, ложны. Далее он говорит, что инквизиция не является тиранической, и что скорее, чем упразднить Святую Канцелярию, он расстался бы с провинцией. Наполеон на какое-то время уступил, и только в 1808 году он издал указ о запрете этого института во Франции и конфискации его собственности. Этот инцидент является еще одним доказательством гуманного отношения Наполеона к своему народу и его отвращения к религиозной нетерпимости.

Основанием для такого отношения к признанному институту Римско-католической церкви было убеждение Наполеона в том, что "Вера находится вне досягаемости закона и является самым священным достоянием человека, за которое он не имеет права отчитываться ни перед одним смертным, если в нем нет ничего противоречащего общественному порядку".

Несомненно, он гордился тем, что производил впечатление на своих слушателей обширностью своей информации, полученной в результате чтения и учебы. Более того, он обладал своего рода детским тщеславием, заставляя людей чувствовать, что он не только экстраординарен, но и значительно превосходит их, даже когда они заставляли его говорить на их собственные темы. Эта привычка была особенно ярко выражена на острове Святой Елены.

Но это никоим образом не умаляет свидетельств его духовного характера. Одним из первых его действий, когда его власть установилась во Франции, было выступление с самой враждебной речью против Конкордата, но, полагая, что никакое хорошее правительство не может быть обеспечено без религии, он довел свои убеждения до конца, несмотря на то, что это был отказ от одной из кардинальных доктрин Революции, и есть множество доказательств того, что, когда он столкнулся с последней большой проблемой, он принял ее без признаков суеверного страха, веря в бессмертие души, которая должна раскрыть все.

БИБЛИОГРАФИЯ

СПИСОК НЕКОТОРЫХ КНИГ, На КОТОРЫЕ ССЫЛАЕТСЯ АВТОР Или С КОТОРЫМИ ОН КОНСУЛЬТИРОВАЛСЯ

Переписка Наполеона.
Последние письма Наполеона.
Письма и депеши Первого Наполеона, автор Бингхэм.
Сборники Наполеона.
Собственные мемуары Наполеона.
Анекдоты о Наполеоне, Ирландия.
Беседы графа Гурго о Наполеоне на острове Святой Елены.
Переписка Наполеона с королем Иосифом.
Письма Наполеона к Жозефине, Х.Ф. Холл.
Письма с острова Святой Елены.
История Наполеона, автор Ланфри.
"Жизнь Наполеона" сэра Вальтера Скотта.
"Жизнь Наполеона" Дж.Х. Роуза.
"Наполеон" Файфа.
Личная жизнь Наполеона, Леви.
Жизнь Наполеона, Буррьен.
"Короткая жизнь Наполеона" Дж.Р. Сили.
"Жизнь Наполеона Третьего" Бланшара.
Жизнь Наполеона, У. Хэзлитт.
История Наполеона, под редакцией Р.Х. Хорна.
"Жизнь Наполеона" Макфарлейна.
"История Наполеона" Джорджа Мойра Басси.
"Жизнь Наполеона" У.М. Слоуна.
Наполеон, Дж.Т. Бейли.
Наполеон, доктор Макс Ленц.
Барон де Меноваль, Мемуары.
Мемуары графа Мио де Мелито.
Мемуары генерала графа Раппа, написанные им самим.
Мемуары герцога Ровиго.
Мемуары мадам Жюно, герцогини Абрантес.
"Тайные мемуары Наполеона", Шарль Дорис.
Малле Дю Пан, Б. Малле.
Мадам де Сталь.
Воспоминания маршала Макдональда.
Мемуары императрицы Жозефины.
Мемуары королевы Гортензии.
Мемуары двора Сен-Клу.
Мемуары императрицы Марии Луизы, автор Де Сент-Аман.
Мемуары Жозефа.
Мемуары мадам де Ремюза.

"Жизнь Нельсона" Саути.
"Жизнь Веллингтона" Джорджа Хупера.
Жизнь сэра Вальтера Скотта, автор Локхарт.
Мемуары Дюмурье.
Жизнь Байрона.
Уильям Питт, лорд Роузбери.
Уильям Питт, Чарльз Вибли.
Мемуары двора императрицы Жозефины, Дюкрест.
Король-моряк, Фицджеральд Моллой.
Мемуары Мармона.
Воспоминания генерала Марбо.
Маршал Бертье, автор генерала Деррекаге.
Констант, Воспоминания о жизни Наполеона.
Наполеон и Мария Луиза, мадам Дюран.
Женщины, которых любил Наполеон, Тай Хопкинс.
"Браки Бонапартов" Бингхэма.
"Наполеон дома" Ф. Массона.
Napoleon et les Femmes, by F. Masson.
"Жозефина, императрица и король" Ф. Массона.
"Любовь некоронованной королевы" Уилкинса.
"Любовные похождения Наполеона" Джозефа Туркана.
Женщины-Бонапарты, Ноэль Уильямс.
Журнал Лас Кейсес.
Наполеон на острове Святой Елены и сэр Хадсон Лоу, автор Форсайт.
Пленение Наполеона по отношению к сэру Хадсону Лоу, автор Р. К. Ситон.
"Изгнание с острова Святой Елены" Филиппа Гоннара.
"Наполеон, Последние путешествия" Дж.Х. Роуза.
"Последние дни Наполеона" доктора Ф. Антоммарчи.
"Герцог Рейхштадтский" Де Вертхаймера.
"Наполеон, Первая фаза" Оскара Браунинга.
"Наполеон, последняя фаза", лорд Роузбери.
"Беседы о Наполеоне на острове Святой Елены", Латимер.
Капитуляция Наполеона, контр-адмирал сэр Фредерик Мейтленд.
Наполеон в изгнании, Барри О'Мира.
Драма "Остров Святой Елены" Поля Фрембо.
"История преступления" Виктора Гюго.
История пленения Наполеона, граф Монтолон.
Письма надзирателя со острова Святой Елены.
С Наполеоном на острове Святой Елены, автор доктор Джон Стоко.
"Последние путешествия Наполеона" сэра Томаса Ашера.
"Наполеон и его попутчики" Клемента Шортера.
Описание Б.Э. О'Мира некоторых операций, которые
имели место на острове Святой Елены с момента назначения сэра Хадсона
Лоу губернатором этого острова.
Факты, иллюстрирующие обращение с Наполеоном Бонапартом
на острове Святой Елены, автор Теодор Хук (?).

История консульства и империи, автор Тьер.
Экспедиция Наполеона в Россию, автор граф Филипп де Сегюр.
Наполеон в России, Верещагин.
Наполеон, король Эльбы, Поль Грюйер.
Кембриджская современная история, Том IX., Разделы—
Жоржа Паризе.
Т.А. Уокера.
Х.В. Уилсона.
Антон Гилланд.
Х.А.Л. Фишер.
Л.Г. Уикэм-Легг.
Э.М. Ллойд.
Дж. Холланд Роуз.
August Keim.
С.W. Oman.
Eugen Stschepkin.
Julius von Pflugk-Harttung.
A.W. Ward.
G.P. Gooch.
Наполеон и его недоброжелатели, автор: принц Наполеон.
Heinrich Heine's Essays.
Франция, автор Дж.Э.К. Бодли.
Талейран, леди Бленнерхассет.
Маршалы Наполеона, Р.П. Данн Паттисон.
Французская революция, Томас Карлайл.
Французская революция, лорд Эктон.
"Бонапарт и консульство" Тибодо.
"Наполеоновские этюды" Дж. Холланда Роуза.
Биографические очерки, Харриет Мартино.
От Говарда до Нельсона, Махан.
"Жизнь Нельсона" Махана.
Английский моряк, 1780-1817, под редакцией полковника Спенсера
Чайлдерса.
Бонапартизм, Х.А.Л. Фишер.
Переписка Бернадотта с Наполеоном.

СПИСОК СОБЫТИЙ И ДАТ , ИМЕЮЩИХ ОТНОШЕНИЕ К НАПОЛЕОНУ БОНАПОРТУ

1769. 15 августа. Родился Наполеон Первый.

1789. 14 июля. Французская революция вспыхивает с
разрушением Бастилии.

1790 год. 14 июля. Франция провозгласила Ограниченную монархию.

14 июля. Людовик XVI. клянется сохранять Конституцию.

1791 год. 21 июня. Король, королева и королевская семья арестованы в Варенне.

Сентябрь. 15. Людовик (заключенный) подписывает Национальную конституцию.

1792 год. 17 июля. Первая коалиция против Франции.

ноябрь. 19. Французский народ заявляет о своем братстве со всеми народами, которые желают быть свободными и предлагает помощь.

1796. 9 марта. Женитьба Бонапарта на Жозефине.
Успешная кампания Бонапарта в Италии.

1798. Экспедиция в Сирию и Египет.

1799. Апрель. Европейская коалиция против Франции.

10 ноября. Совет 500 низложен Бонапартом; он провозглашен первым консулом.

1800 год. 14 Июня. Бонапарт наносит поражение австрийцам при Маренго.

Декабрь. 24. На жизнь Бонапарта покушалась адская машина.

Банк Франции, основанный Наполеоном.

1802. 28 марта. Подписан Амьенский мир (с Англией, Испанией, и Голландией).

1802. 19 мая. Орден Почетного легиона, учрежденный Наполеоном.

2 августа. 2. Наполеон стал пожизненным первым консулом.

1803. 14 апреля. Учрежден Банк Франции.

Май 22. Объявление войны Англии.

1804. Февраль. 15. Заговор Моро и Пишегрю против Наполеона.

Март. 21. Казнен герцог Энгийенский.

18 мая. Наполеон провозглашен императором Франции.

Декабрь. 2. Наполеон коронован Папой Римским.

1805. 26 мая. Наполеон коронован королем Италии.

Авг. Третья коалиция против Франции.

декабрь. 2. Наполеон побеждает союзников при Аустерлице.

1806. 14 октября. Наполеон побеждает пруссаков при Йене.

1807. 8 февраля. Наполеон побеждает русских при Эйлау.

7 Июля. Подписан Тильзитский мир.

Декабрь. 17. Наполеон издает свой миланский декрет против британской торговли.

1808. 1 марта. Создано новое дворянство Франции.

Май 5. Отречение Карла IV от престола Испании и его сына в пользу Наполеона.

Июль Начало войны на полуострове.

1809. Апрельский союз Англии и Австрии против Франции.

Май Наполеон побеждает австрийцев и входит в Вену.

Октябрь. 14. Подписан Венский мир.

16 декабря. Развод императора и императрицы Жозефины, одобренный Сенатом.

1810 год. 1 апреля. Женитьба Наполеона на Марии Луизе Австрийской.

9 Июля. Голландия присоединилась к Франции.

1811. 20 марта. Рождение римского короля (Наполеона II.).

1812. 22 Июня. Объявлена война с Россией.

Октябрь. Отступление из Москвы.

1813. Март. Союз Австрии, России и Пруссии против Франции.

Октябрь. 7. Британцы вступают во Францию.

1814. 31 марта. Сдача Парижа союзникам.

1814. 5 апреля. Переговоры об отречении Наполеона от престола.

Май 3. Реставрация династии Бурбонов.
Louis XVIII. прибывает в Париж.

Май 4. Наполеон прибывает на Эльбу.

29 мая. Смерть Жозефины.

1815. 1 марта. Наполеон сбегает с Эльбы и высаживается в Каннах.

20 марта. Наполеон прибывает в Фонтенбло.

Март. 22. К Наполеону присоединяется вся армия.

Март. Союзники подписывают договор против него.

Март. 29. Наполеон отменяет работорговлю.

12 июня. Наполеон покидает Париж, направляясь к армии.

18 Июня. Битва при Ватерлоо.

20 июня. Наполеон возвращается в Париж.

22 июня. Отрекается от престола в пользу своего сына.

3 Июля. Он прибывает в Рошфор, намереваясь отплыть в Америку.

3 июля. Людовик XVIII. возвращается в Париж.

15 июля. Наполеон сдается капитану Мейтленду, с "Беллерфонта"

, в Рошфоре..... 8. Переведен в Торбее на "*Нортумберленд*",
и вместе с адмиралом сэром Джорджем Кокберном отплывает на остров Святой Елены.

Окт. 15. Прибывает на остров Святой Елены, чтобы остаться там на всю жизнь.

декабрь. 7. Казнь маршала Нея.

1816. 12 января. Семья Бонапартов, *навсегда*
изгнанная из Франции Законом об амнистии.

1821. 5 мая. Смерть Наполеона.

1836. 29 октября. Попытка восстания Луи Наполеона
(впоследствии императора).

1837. 8 мая. Объявлена амнистия за политические преступления.

1838 год. "Идеи Наполеонистов", опубликованные
принцем Луи Наполеоном.

1840. 12 мая. Палата представителей постановляет вывезти
останки Наполеона с острова Святой Елены.

Октябрь. 15. Эксгумация останков Наполеона.

30 ноября. Прибытие фрегата *Belle Poule* в Шербур
с останками на борту.

1840. 15 декабря. Останки переданы на хранение в Отель для инвалидов.[\[33\]](#)

Август. 6. Гибель Луи Наполеона, генерала Монтолона,
и пятидесяти сторонников в Вимеро, близ Булони.

Октябрь. 6. Принц схвачен и приговорен к
пожизненному заключению.

1841. 15 августа. Бронзовая статуя Наполеона установлена на
колонне Великой армии в Булони.

1846. 25 мая. Луи Наполеон сбегает из Хама.

1847. 10 октября. Жером Бонапарт возвращается во Францию после
тридцатидвухлетнего изгнания.

1848. 13 Июня. Выборы Луи Наполеона в Национальное
собрание.

сентябрь. 26. Луи Наполеон занимает свое место в Национальном собрании.

1857 год. Лонгвуд, резиденция Наполеона Бонапарта на острове Святой Елены, куплена за 180 000 франков.

1860 год. 24 Июня. Жером Бонапарт (дядя императора) умирает в возрасте 76 лет.

1861. 31 марта. Тело Наполеона наконец помещено в склеп Дома инвалидов.

СНОСКИ:

[33] Церемонию наблюдали около 1 000 000 человек, а 150 000 солдат участвовали в похоронах. Никто из родственников императора не присутствовал, так как в то время различные члены семьи Бонапарт были либо объявлены вне закона и находились в изгнании, либо в тюрьме.